

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 2 (148)

Киров
2023

Главный редактор

Н. А. Низовских, д-р психол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-5541-5049

Заместители главного редактора

О. А. Останина, д-р филос. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-7421-0615

С. С. Куклина, д-р пед. наук, проф., Вятский государственный университет, ORCID: 0000-0002-4838-9233

Ответственный секретарь

Е. В. Динер, д-р пед. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-6233-7571

Редакционный совет

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., председатель редакционного совета, президент ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-2706-3904;

И. А. Баева, д-р психол. наук, проф., РГПУ им. А. И. Герцена, академик РАО (г. Санкт-Петербург);

Ю. П. Зинченко, канд. физ.-мат. наук, проф., академик РАО (г. Москва);

В. В. Лаптев, канд. физ.-мат. наук, д-р пед. наук, академик РАО (г. Санкт-Петербург);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО (г. Москва);

А. В. Смирнов, д-р филос. наук, проф., академик РАН (г. Москва);

А. П. Тряпицына, д-р пед. наук, проф., академик РАО (г. Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Е. М. Вечтомов, д-р физ.-мат. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-3490-2956;

Е. О. Галицких, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0003-1145-3315;

И. Н. Грифцова, д-р филос. наук, проф., МПГУ (г. Москва), ORCID: 0000-0003-3399-8551;

А. М. Дорожкин, д-р филос. наук, проф., ННГУ им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород);

Р. В. Ершова, д-р психол. наук, проф., ГСГУ (г. Коломна), РУДН (г. Москва), ORCID: 0000-0002-5054-1177;

С. И. Калинин, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0001-5439-9414;

В. Г. Маралов, д-р психол. наук, проф., ЧГУ (г. Череповец), ORCID: 0000-0002-9627-2304;

Л. А. Мосунова, д-р психол. наук, проф., ВятГУ (г. Киров);

Г. Н. Некрасова, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0003-2252-9682;

М. И. Ненашев, д-р филос. наук, проф. (г. Киров);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., МГУ (г. Москва);

В. Б. Помелов, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-3813-7745;

Л. Т. Ретюнских, д-р филос. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Н. Л. Росина, д-р психол. наук, проф., МГЭУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-7734-1343;

Е. Е. Сапогова, д-р психол. наук, проф., МПГУ (г. Москва), ORCID: 0000-0002-0581-7429;

Ю. А. Сауров, д-р пед. наук, проф., чл.-корр. РАО, ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-8756-8103;

Н. А. Сеногноева, д-р пед. наук, доц., НТФ ИРО (г. Нижний Тагил), ORCID: 0000-0001-6783-5860;

Г. И. Симонова, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-0721-287X;

Е. А. Счастливецова, д-р филос. наук, доц., ВятГУ (г. Киров);

Е. А. Ходырева, д-р пед. наук, проф., Университет Иннополис (г. Казань), ORCID: 0000-0001-7079-6372;

Е. С. Черепанова, д-р филос. наук, проф., УрФУ (г. Екатеринбург);

М. А. Шукина, д-р психол. наук, СПбГИПСР (г. Санкт-Петербург), ORCID: 0000-0002-0834-3548;

Е. Protassova, д-р пед. наук, профессор-адъюнкт, Хельсинкский университет

(Финляндия, г. Хельсинки), ORCID: 0000-0002-8271-4909;

А. Prusak, PhD, Академический образовательный колледж Ораним (Израиль, г. Кирьят-Тивон), Академический педагогический колледж Шаанан (Израиль, г. Хайфа).

**Научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»
как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)**

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,

тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

**HERALD
OF VYATKA STATE
UNIVERSITY**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 2 (148)

Kirov
2023

Chief editor

N. A. Nizovskikh, Dr. of psychol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-5541-5049

Deputy editors

O. A. Ostanina, Dr. of philos. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-7421-0615

S. S. Kuklina, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University, ORCID: 0000-0002-4838-9233

Executive Secretary

E. V. Diner, Dr. of ped. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-6233-7571

Editorial council

V. T. Yungblud, Dr. hist. sciences, prof., chairman of editorial council, president of Vyatka State University, (Kirov) ORCID: 0000-0002-2706-3904;

I. A. Baeva, Dr. of psychol. sciences, prof., Herzen State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen, academician of the RAE (St. Petersburg);

Yu. P. Zinchenko, Dr. of psychol. sciences, prof., academician of the RAE (Moscow);

V. V. Laptev, PhD of physical and mathematical sciences, Dr. of ped. sciences, academician of the RAE (St. Petersburg);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corresponding member of the RAE (Moscow);

A. V. Smirnov, Dr. of philos. sciences, professor, academician of the RAS (Moscow);

A. P. Tryapitsina, Dr. of ped. sciences, professor, academician of the RAE (St. Petersburg)

Editorial board members

E. M. Vechtomov, Dr. of phys.-math. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-3490-2956;

E. O. Galitskykh, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0003-1145-3315;

I. N. Grifcova, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State Pedagogical University (Moscow), ORCID: 0000-0003-3399-8551;

A. M. Dorozhkin, Dr. of philos. sciences, prof., Nizhny Novgorod State University n. a. N. I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod);

R. V. Ershova, Dr. of psychol. sciences, prof., State Social University of Humanities (Kolomna), Peoples' Friendship University of Russia (Moscow), ORCID: 0000-0002-5054-1177;

S. I. Kalinin, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-5439-9414;

V. G. Maralov, Dr. of psychol. sciences, prof., Cherepovets State University (Cherepovets), ORCID: 0000-0002-9627-2304;

L. A. Mosunova, Dr. of psychol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

G. N. Nekrasova, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0003-2252-9682;

M. I. Nenashev, Dr. of philos. sciences, prof. (Kirov);

V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

V. B. Pomelov, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-3813-7745;

L. T. Retyunskikh, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

N. L. Rosina, Dr. of psychol. sciences, associated prof., MHEU (Kirov), ORCID: 0000-0002-7734-1343;

E. E. Sapogova, Dr. of psychol. sciences, prof., Moscow State Pedagogical University (Moscow), ORCID: 0000-0002-0581-7429;

Yu. A. Saurov, Dr. of ped. sciences, prof., corresponding member of Russian Academy of Education, Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-8756-8103;

N. A. Senognoeva, Dr. of ped. sciences, associated prof., Nizhny Tagil branch Institute for Education Development (Nizhny Tagil), ORCID: 0000-0001-6783-5860;

G. I. Simonova, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-0721-287X;

E. A. Schastlivtseva, Dr. of philos. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

E. A. Khodyreva, Dr. of ped. sciences, prof., Innopolis University (Kazan), ORCID: 0000-0001-7079-6372;

E. S. Cherepanova, Dr. of philos. sciences, prof., Ural Federal University (Ekaterinburg);

M. A. Shchukina, Dr. of psychol. sciences, associated prof., St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (St. Petersburg);

E. Protassova, Dr. of ped. sciences, associate prof., University of Helsinki (Finland, Helsinki), ORCID: 0000-0002-8271-4909;

A. Prusak, PhD, Academic Educational College Oranim (Israel, Kiryat Tiv'on), Shaanan Academic Teachers College (Israel, Haifa).

**Scientific journal «Herald of Vyatka State University» as a mass media registered with Roskomnadzor
(Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-67510 of October 18, 2016)**

Founder of the journal Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Vyatka State University»

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Address publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

*The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals,
in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Ненашев Михаил Иванович, Ефимова Наталья Михайловна.</i> Точки сингулярности в эволюции жизни на Земле	9
<i>Шетулова Елена Дмитриевна.</i> Структура отчуждения: историко-философские и актуальные аспекты	19
<i>Дедова Ирина Анатольевна.</i> Наука как психотехнология: критический анализ	27
<i>Шумской Андрей Викторович.</i> Влияние метафизики Иммануила Канта на формирование и развитие философии Н. А. Бердяева.....	36
<i>Копылов Олег Владимирович.</i> Гуманистическое наследие Александра Меня в контексте мировоззренческих и методологических проблем образования.....	44
<i>Киричек Александр Владимирович, Ходикова Нина Анатольевна.</i> Опыт выявления гносеологического содержания экзистенциальной прозы А. С. Грина (на материале романа «Бегущая по волнам»)	53

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

<i>Печатнов Владимир Олегович.</i> Глава Алеутской и Аляскинской епархии епископ Николай (Зиоров) и его время	64
<i>Печатнов Валентин Владимирович.</i> «Дело Православия в Алеутской епархии ... начало снова оживать и подавать надежды на лучшее будущее» Отчет Епископа Николая (Зиорова) о состоянии Алеутской и Аляскинской епархии за 1895 г.....	69
<i>Мавляутдинов Ильдар Сафиуллоевич, Шафигуллина Лилия Шамиловна.</i> Опыт репрезентации рационального облика ислама: от рациональности гуманитарной к рациональности философской	81

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Помелов Владимир Борисович.</i> Работа К. Д. Ушинского в Смольном институте благородных девиц. К 200-летию со дня рождения великого русского педагога	90
<i>Миронова Наталья Александровна.</i> Стратегия непрерывного литературного образования в системе методической подготовки учителя-словесника: направление реализации.....	101
<i>Алехин Максим Дмитриевич.</i> Исследование влияния настольных игр на формирование межкультурной коммуникативной компетентности учеников средней школы	109

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Краснянская Татьяна Максимовна, Тылец Валерий Геннадьевич.</i> Концепты опасности и безопасности в репрезентативной интерпретации студентов вуза.....	120

<i>Бузина Александра Александровна. Личностные особенности людей средней взрослости, сообщивших о переживании оскорбления</i>	<i>129</i>
<i>Лебедева Наталья Васильевна. Социально-психологическое сопровождение самореализации людей старшего поколения.....</i>	<i>141</i>

CONTENTS

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Nenashev Mikhail Ivanovich, Efimova Natalia Mikhaylovna.</i> Singularity points in the evolution of life on Earth	9
<i>Shetulova Elena Dmitrievna.</i> The structure of alienation: historical, philosophical and topical aspects.....	19
<i>Dedova Irina Anatolyevna.</i> Science as Psychotechnology: a critical analysis	27
<i>Shumskoy Andrey Viktorovich.</i> The influence of Immanuel Kant's Metaphysics on the formation and development of N. A. Berdyaev's philosophy	36
<i>Kopylov Oleg Vladimirovich.</i> The humanistic legacy of Alexander Men' in the context of ideological and methodological problems of education.....	44
<i>Kirichek Alexander Vladimirovich, Hodikova Nina Anatolyevna.</i> The experience of identifying the epistemological content of the existential prose of A. S. Green (based on the novel "Running on the Waves").....	53

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGION STUDY

<i>Pechatnov Vladimir Olegovich.</i> The head of the Aleutian and Alaska Diocese, Bishop Nicholas (Ziorov) and his time	64
<i>Pechatnov Valentin Vladimirovich.</i> "The cause of Orthodoxy in the Aleutian Diocese ... has begun to revive again and give hope for a better future" Report of Bishop Nikolai (Ziorov) on the state of the Aleutian and Alaska Diocese for 1895	69
<i>Mavlyautdinov Ildar Safiulloevich, Shafigullina Lilia Shamilovna.</i> The Experience of Representing the Rational Image of Islam: from Humanitarian Rationality to Philosophical Rationality.....	81

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Pomelov Vladimir Borisovich.</i> The work of K. D. Ushinsky at the Smolny Institute of Noble Maidens. To the 200th anniversary of the birth of the great Russian teacher	90
<i>Mironova Natalia Aleksandrovna.</i> Strategy of continuous literary education in the system of methodical training of a teacher of literature: direction of implementation	101
<i>Alyohin Maxim Dmitrievich.</i> Study of the influence of board games on the formation of intercultural communicative competence of secondary school students.....	109

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

<i>Krasnianskaya Tatiana Maksimovna, Tylets Valery Gennadievich.</i> Concepts of danger and safety in the representative interpretation of university students	120

<i>Buzina Alexandra Alexandrovna. Personality characteristics of middle-aged people who reported experiencing abuse</i>	<i>129</i>
<i>Lebedeva Natalia Vasilievna. Socio-psychological support of self-realization of older people</i>	<i>141</i>

Точки сингулярности в эволюции жизни на Земле

Ненашев Михаил Иванович¹, Ефимова Наталья Михайловна²

¹доктор философских наук, профессор.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-7779-3876. E-mail: mnenashev@inbox.ru

²кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 000-003-4341-4476. E-mail: nm-efimova@rambler.ru

Аннотация. Определение черт будущего является актуальным и представляет научный интерес. В статье делается попытка на основе последовательности событий биологической эволюции и человеческой истории дать образ будущего в качестве сингулярности, то есть такого рода перемен, которые нельзя понять в качестве продолжения того, что было до этого.

В противоположность распространенному пониманию биологической эволюции и человеческой истории как единого непрерывного процесса выдвигается предположение о гетерогенности времени, из которой следует возможность различать фрагменты с собственным содержанием и собственным течением времени. В качестве методологической основы используется учение В. И. Вернадского о космическом, геологическом, биологическом, историческом времени, а также о том, что единицы времени выражают специфику различных форм времени.

Анализ последовательности значимых событий биологической эволюции и человеческой истории показывает, что действительно в интервале между возникновением жизни на Земле и современностью можно обнаружить, по крайней мере, две дополнительные точки сингулярности: антропогенез и неолитическую революцию. Из них ближайшей к современности оказывается неолитическая революция, при которой появляется возможность производства прибавочного продукта, который, в свою очередь, сделал возможным наличие империй, государств, городов, армий, церкви и прочего. Можно предположить в качестве оппозиции этому положению вещей, что будущее человечество наконец перестанет гнаться за получением прибавочного продукта и начнет производить главным образом то, что необходимо и достаточно для обеспечения нормальных человеческих потребностей, а не содержания бюрократических структур и производства все более совершенных средств уничтожения себе подобных.

Это предположение находится в одном русле с идеями С. П. Капицы о переходе от прежнего гиперболического роста населения планеты к его стабилизации и о том, что критерием развития станет не количество, а качество населения. При этом должна последовать глубокая перестройка ценностных ориентаций и решение проблемы неравномерности в развитии и распределении богатства.

Ключевые слова: будущее, сингулярность, биологическая эволюция, человеческая история, гетерогенность времени, единицы времени, ценностные ориентации.

В 1993 г. вышла статья профессора математики и писателя-фантаста Вернора Винджа «Грядущая технологическая сингулярность: Как выжить в постчеловеческую эру» (The coming technological singularity: How to survive in a post-human era) [14]. В ней основной характеристикой текущего столетия было названо ускорение технологического прогресса. Это ускорение в ближайшие тридцать лет должно подвести человечество к переменам, сравнимым с появлением человека на Земле. Конкретной причиной этой перемены является «неизбежное создание с помощью техники существ (entities), чей интеллект превзойдет человеческий». Виндж назвал это событие сингулярностью – точкой, в которой «наши прежние модели перестают работать и в свои права вступает новая реальность»¹.

С сингулярностью Виндж связывает, во-первых, появление сверхчеловечески умных компьютеров (при условии создания машинного эквивалента человека, а это значит, что эти

перемены все-таки не совсем неизбежны); во-вторых, настолько тесное сотрудничество человека с компьютером, что пользователи компьютеров станут носителями сверхчеловеческого интеллекта; в-третьих, появление больших компьютерных сетей (сейчас сказали бы Интернета), которые вместе с пользователями «осознают» себя в качестве носителей сверхчеловеческого разума; наконец, в-четвертых, достижения в биологии, которые позволят развить и усовершенствовать природный человеческий интеллект.

Чем ближе человечество приближается к точке сингулярности, тем сильнее нависает угроза над обычным человеческим способом существования, и скоро восприятие этой угрозы станет общим местом. Тем не менее ее осуществление окажется неожиданностью, и еще большей неизвестностью. Но ясно, что с появлением существ с интеллектом, превосходящим человеческий, мы войдем в режим, который так же радикально будет отличаться от нашего прошлого, как мы сами отличаемся от низших животных...

Выделим в статье Вернора Винджа ключевые моменты. Первое: наступление в ближайшем будущем сингулярности как такого рода перемен, которые нельзя понять в качестве продолжения того, что было до этого. Второе: перемены состоят в появлении на основе технологического развития существ, интеллект которых превзойдет человеческий. Третий: по значимости эти перемены можно сравнить с появлением человека на Земле².

Эти же моменты по поводу будущей сингулярности, правда, с некоторыми вариациями, можно обнаружить у наших отечественных авторов. Физик А. Д. Панов в работе «Кризис планетарного цикла универсальной истории» пишет, что в точке сингулярности ожидается переход человечества к новому состоянию, который «означает выход не только истории человеческой цивилизации, но, возможно, всей четырехмиллиардодолетней планетарной эволюции на совершенно новую эволюционную траекторию» [11].

В другой работе этот же автор снова подчеркивает: «Мы живем вблизи конечной точки цикла масштабно-инвариантной эволюции длительностью около 4-х миллиардов лет» [10, с. 37]. Речь идет о сопоставлении нашего времени, то есть начала XXI в., с периодом зарождения 4 млрд лет назад жизни на нашей планете. Обратим внимание на то, что это сопоставление связано с пониманием эволюции биосферы и человеческой истории как единого непрерывного процесса. Приведем слова самого А. Д. Панова: «Можно говорить об эволюции биосферы в обобщенном смысле, рассматривая эволюцию собственно биосферы и затем эволюцию человечества как единый непрерывный процесс» [10, с. 25–26].

Переход человечества к точке сингулярности следующим образом описывает специалист по культурной антропологии А. П. Назаретян. В ближайшие десятилетия человечество ожидает либо начало «нисходящей ветви» истории, ведущей к саморазрушению цивилизации, либо стабилизация (замораживание) наличного состояния на длительную перспективу, либо – беспрецедентно крутой виток по вектору «удаления от естества» [8, с. 303–304].

При первом варианте человеческое общество начнет деградировать к чисто биологическому состоянию, а сама биосфера будет двигаться в сторону термодинамического равновесия, через некоторое время Земля превратится в обычное космическое тело наподобие Луны или Марса [см.: 9, с. 27].

При втором варианте предполагается включение неизвестных пока механизмов консервации антропосферы на уровне максимально возможной сложности. Но затем рано или поздно все равно последует сползание в сторону термодинамического равновесия.

Третий вариант состоит в том, что совершится прорыв планетарной эволюции на качественно новый, космический уровень с превращением разума в метagalacticкий фактор. При этом будет осуществлено объединение биологической основы человека с развивающимися информационными системами. Цитируем А. П. Назаретяна: «Более последовательной и реалистичной мне представляется перспектива становления качественно нового разума через симбиоз белковых и электронных носителей» [8, с. 401].

У обоих авторов можно обнаружить те же моменты, которые мы выделили у Вернора Винджа: наступление сингулярности как переход к новой реальности; эта сингулярность состоит в появлении качественно нового разума на основе объединения человека и техниче-

² В 2007 г. в выступлении «Что, если Сингулярность не случится?» Вернор Виндж признал возможность несингулярного варианта будущего, потому что создание программного обеспечения так называемого сильного искусственного интеллекта по разным причинам может затянуться на неопределенный срок [см.: 15].

ских устройств; по значимости этот переход можно сравнить, и вот здесь мы видим отличие от Винджа, не просто с появлением человека на Земле, но с возникновением на нашей планете жизни. Общим является то, что событие, которое должно произойти в ближайшем будущем, ставится в один ряд с тем, что произошло, в одном случае, миллиарды, а в другом случае, миллионы лет назад. Это общее можно представить также следующим образом. Предполагается, что в рамках *непрерывной* эволюции, охватывающей временной промежуток длительностью четыре миллиарда лет (с возникновения жизни на Земле), либо несколько миллионов лет (с появления человека), не произошло никаких событий (сингулярностей), так сказать, меньшего ранга, с которым можно было бы сравнить то, что, как ожидается, случится с человечеством в XXI веке.

Выдвинем *предположение*: нет единой непрерывной временной последовательности сменяющихся друг друга событий, объединяющей на равных биологическую эволюцию и человеческую историю, – потому что время так же гетерогенно, как и пространство. Или, как пишет В. Н. Зима, касаясь, правда, лишь того, что изучает естествознание: «Структура реальности на уровне объектов естествознания оказывается темпорально неоднородной» [4, с. 280].

В таком случае придется допустить, что серия событий, начавшаяся с зарождения жизни на планете Земля (или с появления человека), распадается на фрагменты с собственным содержанием и собственным течением времени. Эти фрагменты должны разделяться некими дополнительными сингулярными точками.

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы показать наличие таких точек. Это позволит сопоставить то, что должно произойти с человечеством в XXI в., с более близким во времени и соответственно меньшим по масштабу событием.

В современной литературе наряду со всеохватывающим и всевключающим в себя астрономическим временем различаются время физическое, геологическое, биологическое, социальное, историческое, время жизни отдельной личности и другое. Каждый раз время выражает содержательные отличия соответствующего региона бытия [12, с. 77–88].

В. И. Вернадский в работе «Изучение явлений жизни и новая физика» (1931 г.) пишет: «Время физики, несомненно, не есть отвлеченное время математика или философа, и оно в разных явлениях проявляется в столь различных формах, что мы вынуждены это отмечать в нашем эмпирическом знании. Мы говорим об историческом, геологическом, космическом и тому подобных временах. Удобно отличать биологическое время, в пределах которого проявляются жизненные явления» [3, с. 280–281].

Если максимально абстрагироваться от содержательных различий регионов бытия, то останется, по крайней мере, следующее: физическому, биологическому, социальному, историческому и другому времени будут соответствовать свои единицы измерения.

Так, в той же работе Вернадский вводит понятие биологического элемента, иначе – предельного, далее неделимого кванта времени, чтобы выразить специфику живого: «Чем меньше организм, тем больше его геохимическая энергия, тем быстрее он создает новые организмы. Скорость этого создания (деление) имеет определенный предел. Назову ее *биологическим элементом времени*» [3, с. 269].

Можно различить две функции времени. С одной стороны, время позволяет сравнивать *длительности* процессов и явлений. С другой стороны, время дает возможность установить очередность, *порядок* событий. Первая функция используется, например, при подсчете затрат труда, энергии, денег на выполнение какой-то работы. Вторая позволяет выявлять причинно-следственные связи и последовательности событий. Чем крупнее единица, используемая для измерения времени, тем менее определенным становится порядок событий, потому что события внутри этой единицы оказываются для наблюдателя одновременными и тем самым неразличимыми [1, с. 186–188; 2, с. 404–405].

Рассмотрим суть дела на простых ситуациях. Сравним историческую эпоху Средневековья и жизнь отдельной личности. Эпоха Средневековья длилась около тысячи лет, и очевидно, что для определения различных ее этапов – раннее, высокое и позднее Средневековье – вполне может использоваться такая единица времени, как век (столетие), получаем соответственно: конец V – середина XI века, середина XI – конец XIV века, XIV–XVI века.

А вот использование той же самой единицы времени для описания жизни отдельного человека, живущего в эту историческую эпоху, например, славного рыцаря Айвенго (персонаж романа Вальтера Скотта), будет не совсем уместным, потому что важные этапы его жизни – детство, молодость, зрелость, старость – окажутся неразличимыми на уровне такой еди-

ницы времени как столетие. Очевидна необходимость перехода к другой единице времени, например, к году.

Год, в свою очередь, окажется неподходящей единицей времени для описания одного дня жизни рыцаря Айвенго, его утра, последующего участия в турнире перед взором прекрасной леди Ровены...

Сделаем общий вывод: если при описании последовательностей событий мы *вынуждены* переходить от одной единицы времени к другой, то эти последовательности событий относятся к разным регионам бытия. Момент, когда смена единицы времени становится необходимой, чтобы порядок событий оставался различимым, мы назовем точкой сингулярности.

Есть разные способы изображения последовательности событий, охватывающей в качестве единого временного ряда 4 млрд лет и больше. Так, список футуролога Рэймонда Курцвейла включает 26 событий и начинается с возникновения галактики Млечный путь [см.: 6, с. 12]. Приведем графическое изображение этого списка, которое автор называет каноническими вехами (*Canonical Milestones*), см. рисунок 1.

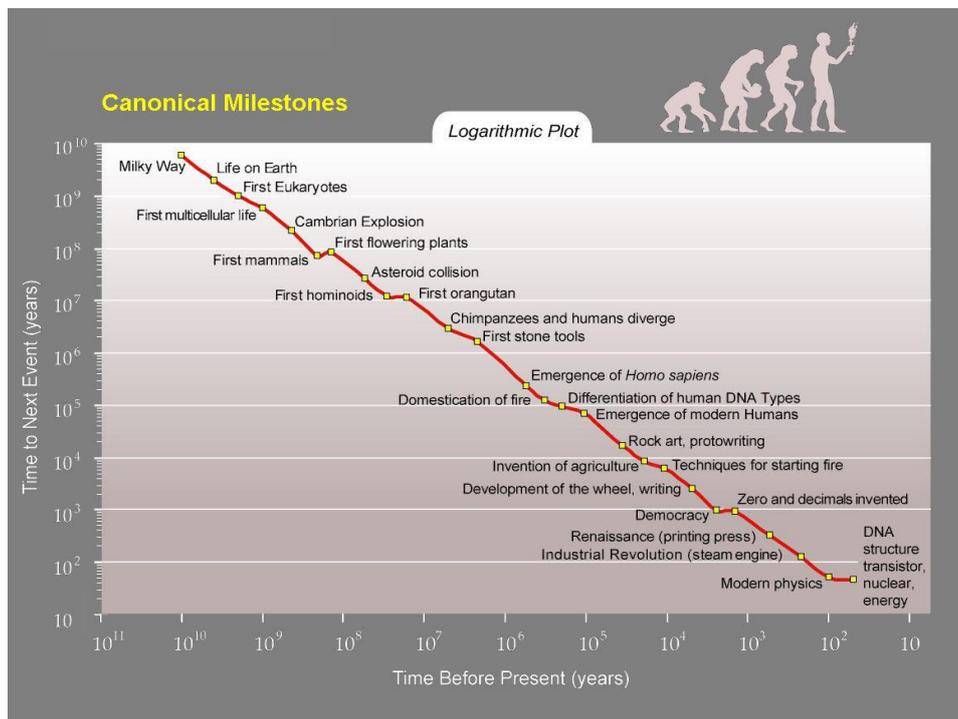

Рис. 1. Канонические вехи эволюции форм жизни на планете Земля, по Рэймонду Курцвейлу

Здесь по оси абсциссы откладывается, сколько лет назад произошло событие (*Time before present*), например, график показывает, что возникновение жизни на Земле произошло в период между десятью и одним миллиардом лет назад, причем, ближе к 4 млрд лет назад. По оси ординаты указывается, сколько времени прошло между двумя ближайшими событиями (*Time to next event*). Согласно этому графику, например, промежуток между возникновением жизни и появлением эукариот равен примерно 2,5–3 млрд лет³.

Так как по обеим осям используются логарифмические шкалы (*Logarithmic Plot*), то интервалы между событиями, реально длящиеся миллиарды, миллионы, тысячи лет и годы, на графике получаются примерно равными, это позволило всю последовательность событий компактно разместить на почти прямой линии.

- Курцвейл помещает на своей прямой следующие канонические вехи, дадим в переводе:
- Возникновение галактики Млечный путь.
 - Зарождение жизни на Земле.
 - Появление эукариот.
 - Появление многоклеточных организмов.
 - Кембрийский взрыв.

³ Эукариоты – организмы, клетки которых содержат ядро: грибы, растения, животные.

Млекопитающие.
 Цветковые растения.
 Столкновение с астероидом.
 Появление первых человекообразных обезьян.
 Появление орангутангов.
 Появление шимпанзе и различных видов людей.
 Появляются первые каменные орудия.
 Появление человека разумного (Homo sapiens).
 Освоение огня.
 Расхождение между различными видами людей на основе ДНК.
 Появление современного человека.
 Наскальное искусство и первая письменность.
 Переход к земледелию.
 Появление техники разжигания огня.
 Появление колеса и письменности.
 Появление демократии.
 Нуля и десятичной системы счисления.
 Возрождение (Ренессанс) и печатный станок.
 Промышленная революция и паровой двигатель.
 Современная физика.
 Открытие структуры ДНК, транзистор, ядерная энергия.

Инженер-физик А. В. Молчанов разбивает универсальную эволюцию на тринадцать периодов, начиная с Большого взрыва. В своей работе «Прогрессия эволюции и сингулярная точка эволюции» он пишет: «Разбиение времени эволюции на тринадцать периодов от Большого взрыва до наших дней, разбиение исторического времени на восемь циклов исторического развития и разбиение планетарной зоны Солнечной системы по правилу Тициуса – Боде на восемь зон⁴ – выполнено по одному и тому же закону, по закону геометрической прогрессии со знаменателем $1/2$ » [7].

Рассмотрим детально список значимых событий А. Д. Панова, чтобы выявить на примере его подхода нужные нам аспекты темы сингулярности. Список состоит из 20 фазовых переходов, нумерация этих переходов начинается с нуля, поэтому последний переход обозначен под номером 19. Дадим его для удобства рассмотрения в виде таблицы (таблица 1). Развернутое изложение списка фазовых переходов [10, с. 29–35].

Таблица 1

Список значимых событий в эволюции жизни на планете Земля, по А. Д. Панову

№	Что произошло	Сколько лет назад	Интервал между событиями	Коэффициент ускорения, k
0	Возникновение жизни	4 млрд		
1	Кислородный кризис	1,5 млрд	2500 млн	
2	Кембрийский взрыв	570 млн	930 млн	2,7
3	Появление пресмыкающихся	235 млн	335 млн	2,8
4	Революция млекопитающих	66 млн	169 млн	2
5	Появление чел/обр обезьян	24 млн	42 млн	4
6	Антропогенез	4,5 млн	19,5 млн	2,1
7	Появление каменных орудий	2 млн	2,5 млн	7,8
8	Освоение огня	700 тыс.	1,3 млн	1,9
9	Появление стандартизированных орудий	400 тыс.	300 тыс.	4,3
10	Революция неандертальцев	125 тыс.	275 тыс.	1,1
11	Появление Homo sapiens	40 тыс.	85 тыс.	3,2
12	Неолитическая революция	10,5 тыс.	29,5 тыс.	2,9
13	Городск. револ. Древний мир	5,5 тыс.	5 тыс.	5,9
14	Имперская древность, железный век, Осевое время	2750	2750	1,8

⁴ Правило Тициуса – Боде (18 век) описывает соотношение орбит планет Солнечной системы.

Окончание табл. 1

№	Что произошло	Сколько лет назад	Интервал между событиями	Коэффициент ускорения, k
15	Начало Средних веков	1500	1250	2,2
16	Начало Нового времени	500	1000	1,2
17	Промышленная революция	185	335	3
18	Информационная революция Начало пост-индустр. эпохи	70	115	2,9
19	Распад плановой экономики, информац. глобализация	29	41	2,8

В таблице в первом столбце дается нумерация событий. Во втором столбце представлен список событий, в третьем столбце указано, сколько лет назад, считая от нашего времени, произошло событие. В четвертом столбце указаны временные интервалы между предшествующим и последующим событиями. Например, в строке № 1 показано, что интервал равен 2,5 млрд лет, который получается в виде разности между 4 млрд лет назад (время возникновения жизни) и 1,5 млрд лет назад (кислородный кризис). В строке 2 интервал равен 930 млн лет, он определяется как разность между 1,5 млрд лет назад (кислородный кризис) и 570 млн лет назад (Кембрийский взрыв), и так далее.

В общем виде можно записать следующую формулу для определения интервала: $\Delta t_n = t_{n-1} - t_n$.

Здесь Δt_n – величина интервала, t_{n-1} – время предыдущего события (сколько лет назад), t_n – время последующего события (сколько лет назад).

В пятом столбце указан коэффициент ускорения эволюции. Он определяется через отношение величины предыдущего интервала к величине последующего интервала. Например, интервал между кембрийским взрывом и появлением пресмыкающихся равен 335 млн лет (570 млн лет – 235 млн лет), следующий за ним интервал между появлением пресмыкающихся и революцией млекопитающих равен 169 млн лет (235 млн лет – 66 млн лет). Делим 335 на 169, получаем коэффициент ускорения, равный 2 (таблица 1, строка 4).

Подчеркнем, что речь идет о *реальном* коэффициенте ускорения, соответствующем именно данным строкам в таблице, в отличие от коэффициента 2,67, от которого отталкивается Панов и который получается в качестве знаменателя убывающей геометрической прогрессии, чисто механически наложенной на весь 4-миллиарднолетний процесс эволюции биосферы и человеческой истории [10, с. 36–37].

Таким образом, мы имеем ряд реальных коэффициентов ускорения, меняющихся в диапазоне от 1,1 до 7,8 при переходе от одного события к другому (рисунок 1).

В общем виде реальный коэффициент ускорения определяется по формуле $k_n = \Delta t_{n-1} / \Delta t_n$. Здесь n – номер строки, Δt_{n-1} – величина предыдущего интервала, Δt_n величина последующего интервала.

Если мы присмотримся к столбцу с коэффициентами ускорения, то обнаружим две величины, которые выглядят аномалиями на фоне остальных коэффициентов. Это коэффициенты 7,8 (строка 7) и 5,9 (строка 13), в столбце они выделены курсивом.

Объективным критерием их аномальности служит то, что оба коэффициента ощутимо выходят за пределы стандартного отклонения, который показывает меру разброса показаний от среднего арифметического [13, с. 53]. Действительно, вычисления показывают, что для данного набора коэффициентов ускорения стандартное отклонение равно $\pm 1,6$ при среднем арифметическом равном 3. Таким образом, коридор стандартного отклонения находится в пределах $4,6 \div 1,4$, а интересующие нас величины 7,8 и 5,9 находятся за его пределами.

Дадим график кривой, отражающей распределение коэффициентов ускорения, пределы стандартного отклонения и арифметическое среднее. На оси абсциссы отложены номера строк, по оси ординат указываются величины коэффициентов ускорения. График показывает, что коэффициенты 7,8 и 5,9 действительно существенно выходят за границы стандартного отклонения от среднего арифметического (рисунок 2).

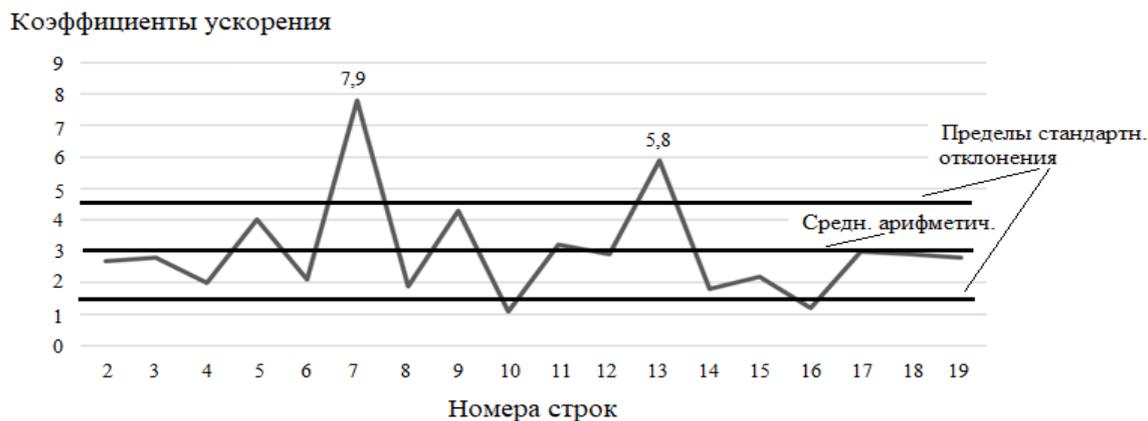

Рис. 2. График распределения коэффициентов ускорения

Обратим внимание на то, что коэффициенты 7,9 и 5,8 делят строки таблицы на три части: 2–6, 7–12 и 13–19 строки. Сравним единицы времени, действующие в каждой из частей.

Так как временные интервалы между событиями не являются более или менее одинаковыми, но убывают в соответствии с коэффициентами ускорения, то мы не можем отталкиваться от среднего интервала для определения действующих единиц времени. Но мы можем исходить из средних коэффициентов ускорения, на их основе определить (экстраполировать), какими должны быть временные интервалы в точках перехода, обозначенных коэффициентами 7,9 и 5,8.

Средний коэффициент ускорения для строк 2–6 (коэффициенты 2,7; 2,8; 2; 4; 2,1) равен 2,72. Временной интервал, разделяющий строки «Появление человекообразных обезьян» и «Антропогенез» равен 19,5 млн лет. Опираясь на средний коэффициент ускорения, определяем, каким должен быть следующий временной интервал, то есть между строками «Антропогенез» и «Появление каменных орудий», при сохранении прежних единиц времени. Для этого делим 19,5 млн лет на средний коэффициент 2,72. Получаем 7,17 млн лет.

Реальный же временной интервал между строками «Антропогенез» и «Появление каменных орудий» равен 2,5 млн. Но более важным является то обстоятельство, что *весь* промежуток времени после строки «Антропогенез» *до наших дней*, включающий 13 временных интервалов (строки 7–19), равен всего 4,5 млн лет, см. 6 строку 3-го столбца. Поэтому если предположить, что продолжают действовать прежние единицы времени, то все события, случившиеся от антропогенеза до наших дней, целиком вошли бы в интервал 7,17 млн лет, а это значит, что события после антропогенеза наблюдались бы как одновременные и неразличимые.

Получается, что период от антропогенеза до наших дней придется с необходимостью измерять иными, меньшими единицами времени – не сотнями и не десятками млн лет, но миллионами, сотнями и десятками тыс. лет, чтобы различать порядок событий в этот период. А это значит, что начало антропогенеза, когда параллельно с человекообразными обезьянами появляются первые люди, можно определить в качестве особой точки сингулярности, дополнительной к моменту возникновения жизни на Земле.

А. Д. Панов сравнивает точку сингулярности, которую должно пройти человечество в близком будущем, со временем возникновения жизни на планете Земля. Вернор Виндж сравнивает эту же предполагаемую точку сингулярности в будущем с появлением человека. Напомним, что он считает, что новая реальность будет так же отличаться от человеческого прошлого, как современные люди отличаются от низших животных. Сравнивая эти два подхода, следует признать, что точка зрения Вернора Винджа относительно точки зрения А. Д. Панова ближе к истине. Потому что она сравнивает намечающееся будущее человечества с более близким во времени состоянием, – не с возникновением жизни 4 млрд лет назад в виде простейших одноклеточных, но с появлением 4,5 млн лет назад первых людей.

Однако на нашем графике, см. рисунок 2, имеется еще одна точка с аномальным коэффициентом ускорения 5,8. Рассмотрим эту ситуацию.

Будем рассуждать аналогично. Временные интервалы между событиями 7–12 строками также убывают в соответствии со своими коэффициентами ускорения. Поэтому будем снова исходить из среднего коэффициента ускорения и на его основе экстраполировать временной интервал в точке перехода с коэффициентом 5,8.

Средний коэффициент ускорения для строк 7–12 (коэффициенты 7,8; 1,9; 4,3; 1,1; 3,2; 2,9) равен 3,5. Временной интервал, разделяющий строки «Появление Homo sapiens» и «Неолитическая революция», равен 29,5 тыс. лет. Опираясь на средний коэффициент ускорения 3,5, определяем временной интервал, который должен быть между строками «Неолитическая революция» и «Городская революция. Древний мир». Для этого делим 29,5 тыс. лет на средний коэффициент 3,5. Получаем 8,4 тыс. лет.

Весь период времени с начала неолитической революции до наших дней равен 10,5 тыс. лет, таким образом он выходит за пределы 8,4 тыс. лет. Поэтому нам необходимо определить, каким был бы следующий промежуток времени, если бы продолжали действовать единицы времени предыдущего периода. Для этого полученные 8,4 тыс. лет делим снова на средний коэффициент ускорения 3,5. Получаем 2,4 тыс. лет. В сумме 8,4 тыс. лет и 2,4 тыс. лет дают 10,8 тыс. лет.

Таким образом, период от неолитической революции до современности лет вполне охватывается двумя единицами времени предшествующего периода. Внутри каждой из этих единиц времени становится неразличимым порядок событий, из которых состоит этот период. Поэтому снова необходим переход теперь уже от десятков тысячелетий к иным, меньшим единицам времени, к тысячам лет и годам. Эта необходимость смены единиц времени указывает на еще одну точку сингулярности, которая теперь связана с неолитической революцией.

Получается, что в промежутке между возникновением жизни и нашим временем можно выделить, кроме антропогенеза, еще одну точку сингулярности. Этой точкой является переход человечества от присваивающего хозяйства – охота и собирательство, к производящему хозяйству – земледелие, скотоводство, ремесло, способными производить регулярный *прибавочный* продукт. Изъятие прибавочного продукта у производителя – землепашца, пастуха, ремесленника, обеспечило содержание элит, империй, государств, городов-муравейников, армий, искусства, философии, церкви, судов.

Это значит, что метаморфоза, если все-таки она произойдет в ближайшем будущем, будет сравнима, скорее всего, по своему масштабу отнюдь не с возникновением жизни на Земле 4 млрд лет назад или появлением человека, но – с неолитической революцией. Во всяком случае эта метаморфоза вряд ли будет состоять в «становлении качественно нового разума через симбиоз белковых и электронных носителей».

В чем же она будет состоять? Если именно в сравнении с неолитической революцией должен описываться переход к «новому небу и новой земле», то искомая новизна должна быть новизной по отношению к неолитической революции. И вот здесь можно предположить, что человечество наконец перестанет гнаться за получением прибавочного продукта, а начнет производить при помощи в том числе тех «сверхчеловеческих умных компьютеров», о которых пишет Вернор Виндж, то, что необходимо и достаточно для обеспечения нормальных человеческих потребностей, а не содержания бесчисленных бюрократических структур и производства все более совершенных средств уничтожения себе подобных.

Это предположение, как нам представляется, находится в одном русле с идеями работ физика С. П. Капицы о тенденции перехода от прежнего гиперболического роста населения планеты к стабилизации населения в пределах 12–13 млрд человек, и что в этих новых условиях критерием развития станет не количество, а качество населения. Он пишет: «За изменением возрастной структуры населения следует *глубокая перестройка ценностных ориентаций в обществе* (курсив наш. – авт.), большая нагрузка на здравоохранение, систему социальной защиты и образования» [5, с. 78]. Капица подчеркивает важность решения вопроса о неравномерности развития и распределении богатства при переходе к стабилизированному населению мира.

Резюмируем результаты нашего рассмотрения. В противоположность взгляду на эволюцию земной жизни как *единую* последовательность событий во времени мы выдвинули тезис о *гетерогенном* характере этой последовательности. В связи с этим предположили возможность выделения в эволюции форм жизни особых фрагментов (регионов бытия) с собственным содержанием и собственным течением времени, и что этим фрагментам должны соответствовать особые точки сингулярности. Мы действительно обнаружили две точки сингулярности, одна из которых соответствует началу антропогенеза, вторая – неолитической революции. В то же время исследование показало, что, по-видимому, не имеет смысла говорить как о чем-то реальном, о точке сингулярности, в которой должен совершиться переход современного человечества в состояние, сравнимое по своему значению и масштабу с воз-

никновением жизни на Земле или появлением человечества. Но можно признать в качестве значимого события, возможно, уже в течение настоящего столетия перемену в обществе, сравнимую по масштабу с неолитической революцией. Эта перемена в обществе будет включать стабилизацию населения Земли и перестройку ценностных ориентаций.

Список литературы

1. Аксенов Г. П. В. И. Вернадский о природе времени и пространства. Историко-научное исследование. М. : Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, 2006. 392 с.
2. Арманд А. Д. Дуализм времени // Феномен и ноумен времени. 2005. Т. 2 (2). С. 404–420.
3. Вернадский В. И. Изучение явлений жизни и новая физика : собр. соч. : в 24 т. Т. 10. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 2013. 475 с.
4. Зима В. Н. Переоткрытие времени или переоткрытие вечности? // Преподаватель XXI век. 2010. № 1. Ч. 2. С. 273–281.
5. Капица С. П. Феноменологическая теория роста населения Земли // Успехи физических наук. Январь, 1996. Т. 166. № 1. С. 65–80.
6. Коротаев А. В. Горизонты XXI века: математический анализ гипотезы Сингулярности // Историческая психология и социология истории. 2018. Т. 11. № 2. С. 5–60.
7. Молчанов А. В. Прогрессия эволюции и сингулярная точка эволюции. URL: <http://avmol51.narod.ru> (дата обращения: 25.10.2022).
8. Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2013. 437 с.
9. Назаретян А. П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент мегаистории // Век глобализации. 2015. № 2. С. 18–34.
10. Панов А. Д. Единство социально-биологической эволюции и предел ее ускорения // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 25–48.
11. Панов А. Д. Кризис планетарного цикла универсальной истории. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Panov.htm> (дата обращения: 25.09.2023).
12. Паткуль А. Понятие региона в феноменологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера // Логос. 2010. № 5 (78). С. 77–88.
13. Полякова В. В., Шваброва Н. В. Основы теории статистики : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 148 с.
14. Latham R. Science fiction criticism. Anthology of the main works. Bloomsbury Academic, 2017. Pp. 352–363.
15. Vinge V. What If the Singularity Does NOT Happen? // Seminars about Long-Term Thinking. 15 February 2007. URL: <https://edoras.sdsu.edu/~vinge/longnow/> (дата обращения: 31.03.2023).

Singularity points in the evolution of life on Earth

Nenashev Mikhail Ivanovich¹, Efimova Natalia Mikhaylovna²

¹Doctor of Philosophical Sciences, professor.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-7779-3876. E-mail: mnenashev@inbox.ru

²PhD in Philosophical Sciences, associate professor,

associate professor of the Department of History and Political Sciences, Vyatka State University.

Russia, Kirov. ORCID: 000-003-4341-4476. E-mail: nm-efimova@rambler.ru

Abstract. The definition of the features of the future is relevant and of scientific interest. The article attempts, based on the sequence of events of biological evolution and human history, to date the image of the future as a singularity, that is, the kind of variables that cannot be understood as a continuation of what happened before.

In contrast to the widespread understanding of biological evolution and human history as a single continuous process, an assumption is put forward about the heterogeneity of time, from which it follows that it is possible to distinguish fragments with their own content and their own time flows. V. I. Vernadsky's teaching about cosmic, geological, biological, and historical time is used as a methodological basis, as well as the fact that time units express the specifics of various forms of time.

Analysis of the sequence of significant events of biological evolution and human history shows that in fact, in the interval between the emergence of life on earth and modernity, at least two additional points of singularity can be found: anthropogenesis and the Neolithic revolution. Of these, the Neolithic revolution is the closest to modernity, in which it becomes possible to produce a surplus product, which, in turn, made possible the existence of empires, states, cities, armies, churches, etc. It can be assumed, as an opposition to this state of affairs, that the future humanity finally ceases to pursue the receipt of surplus product and begins to produce

mainly what is necessary and sufficient to meet normal human needs, and not the maintenance of bureaucratic structures and the production of all more advanced means are identical.

This assumption is in line with the ideas of S. P. Kapitsa about the transition from intermediate hyperbolic growth of the world's population to its stabilization and that the criterion of development is not the quantity, but the quality of the population. This position was followed by a profound restructuring of value orientations and the solution of the problem of inequality in the development and distribution of wealth.

Keywords: future, singularity, biological evolution, human history, heterogeneity of time, units of time, value orientations.

References

1. Aksenov G. P. V. I. Vernadskij o prirode vremeni i prostranstva. *Istoriko-nauchnoe issledovanie* [V. I. Vernadsky on the nature of time and space. Historical and Scientific research]. M. S. I. Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences. 2006. 392 p.
2. Armand A. D. *Dualizm vremeni* [Dualism of time] // *Fenomen i noumen vremeni* – Phenomenon and noumenon of time. 2005. Vol. 2 (2). Pp. 404–420.
3. Vernadskij V. I. *Izuchenie yavlenij zhizni i novaya fizika : sobr. soch. : v 24 t. T. 10. Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [The study of life phenomena and new physics : collected works : in 24 vols. Vol. 10. Scientific thought as a planetary phenomenon]. M. Nauka (Science). 2013. 475 p.
4. Zima V. N. *Pereotkrytie vremeni ili pereotkrytie vechnosti?* [Rediscovering time or rediscovering eternity] // *Prepodavatel' XXI vek – XXI century*. 2010. No. 1. Part 2. Pp. 273–281.
5. Kapica S. P. *Fenomenologicheskaya teoriya rosta naseleniya Zemli* [Phenomenological theory of the growth of the Earth's population] // *Uspekhi fizicheskikh nauk* – Successes of physical sciences. January, 1996. Vol. 166. No. 1. Pp. 65–80.
6. Korotaev A. V. *Gorizonty XXI veka: matematicheskij analiz gipotezy Singulyarnosti* [Horizons of the XXI century: mathematical analysis of Singularity hypotheses] // *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii* – Historical psychology and sociology of history. 2018. Vol. 11. No. 2. Pp. 5–60.
7. Molchanov A. V. *Progressiya evolyucii i singulyarnaya tochka evolyucii* [Progress in evolution and the singular point of evolution]. Available at: <http://avmol51.narod.ru> (date accessed: 25.10.2022).
8. Nazaretyan A. P. *Nelinejnoe budushchee. Megaistoricheskie, sinergeticheskie i kul'turno-psihologicheskie predposylki global'nogo prognozirovaniya* [Nonlinear future. Megahistorical, synergetic and cultural-psychological prerequisites for global forecasting]. M. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2013. 437 p.
9. Nazaretyan A. P. *Nelinejnoe budushchee: singulyarnost' XXI veka kak element megaistorii* [Nonlinear future: the singularity of the XXI century as an element of megahistory] // *Vek globalizacii* – The age of globalization. 2015. No. 2. Pp. 18–34.
10. Panov A. D. *Edinstvo social'no-biologicheskoy evolyucii i predel ee uskoreniya* [The unity of socio-biological evolution and the prediction of its acceleration] // *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii* – Historical psychology and sociology of history. 2008. No. 2. Pp. 25–48.
11. Panov A. D. *Krizis planetarnogo cikla universal'noj istorii* [The crisis of the planetary cycle of universal history]. Available at: <http://spkurdyumov.narod.ru/Panov.htm> (date accessed: 09.25.2023).
12. Patkul' A. *Ponyatie regiona v fenomenologii E. Gusserlya i M. Hajdeggera* [The concept of regression in the Phenomenology of E. Husserl and M. Heidegger] // *Logos* – Logos. 2010. No. 5 (78). Pp. 77–88.
13. Polyakova V. V., Shvabrova N. V. *Osnovy teorii statistiki : ucheb. posobie* [Fundamentals of the theory of statistics : textbook]. Yekaterinburg. Ural University Publishing House. 2015. 148 p.
14. Latham R. *Science fiction criticism. Anthology of the main works*. Bloomsbury Academic, 2017. Pp. 352–363.
15. Vinge V. *What If the Singularity Does NOT Happen?* // *Seminars about Long-Term Thinking*. 15 February 2007. Available at: <https://edoras.sdsu.edu/~vinge/longnow/> (date accessed: 31.03.2023).

УДК 316.6

DOI: 10.25730/VSU.7606.23.017

Структура отчуждения: историко-философские и актуальные аспекты

Шетулова Елена Дмитриевна

доктор философских наук, профессор кафедры методологии, истории и философии науки,
Нижегородский государственный технический университет им. П. Е. Алексеева.
Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0002-2414-4370. E-mail: shetulowa@yandex.ru

Аннотация. Актуальность анализа отчуждения перманентно сохраняется ввиду системного кризиса современного общества и появления ряда новых форм отчуждения, обусловленных цифровизацией и виртуализацией мира, рождением сетевого общества. Отчуждение является одной из базовых проблем философии, обладающих многоаспектным характером, и не все из них получили достаточное раскрытие в литературе. В том числе это касается структуры отчуждения. Ее раскрытие выступает целью предпринятого исследования. Цель достигается посредством решения двух взаимосвязанных задач. Во-первых, структура отчуждения анализируется в историко-философском плане. Во-вторых, структура отчуждения интерпретируется в актуальном социально-философском и конкретно-научном смыслах. Методология исследования основывается на фундаментальных категориях и принципах диалектического и системного подходов: объективности, детерминизма, историзма, единства исторического и логического, развития, взаимосвязи, всесторонности анализа. Теоретическую базу составляют труды представителей классической и современной западной философии, а также работы отечественных исследователей проблематики отчуждения. Основные результаты выражаются в следующих утверждениях. Первое – наиболее репрезентативными в плане рассмотрения структуры отчужденных состояний в историко-философском ключе выступают гегелевская и марксистская теории. Второе – актуальная философская реконструкция, при фундаментальной опоре на марксистскую теорию, с необходимостью должна переосмыслить проблему в направлении исторического движения структурных элементов отчуждения, их связанности с соответствующими типами общества. Третье – проблема отчуждения, включая все свои основные аспекты, в настоящий момент теряет свой исключительно абстрактно-философский характер, одновременно приобретая конкретно-научное выражение. Область применения полученных результатов в их возможном использовании в научно-исследовательской и учебно-педагогической деятельности.

Ключевые слова: гегельянство, марксизм, теории отчуждения, методология, управление.

Отчуждение представляет собой трансформацию продуктов и результатов человеческой деятельности в чуждые человеку и господствующие над ним силы. И проблема, и соответствующая категория, как известно, неоднократно становились предметом философского анализа. Однако актуальность такого рода анализа перманентно сохраняется, причем с точки зрения исследователей, придерживающихся диаметрально противоположных мировоззренческих позиций.

В. С. Семенов, констатируя острый и системный кризис капиталистической цивилизации, отмечает многочисленные проявления отчужденных состояний в современной России от серьезного разрыва в уровне доходов между бедными и богатыми до отчуждения материальной и духовной сфер цивилизации. Их наличие требует как своего теоретического изучения, так и поиска практических путей прогрессивного развития страны, наиболее радикальным из которых выступает социальная революция [23, с. 94–95].

А. де Бенуа, один из видных представителей французской консервативной мысли, рассматривая эволюцию капиталистического общества, высказывает мнение о наличии трех капитализмов, сменявших друг друга в европейской истории. Первый капитализм был по своему общему характеру диким, но одновременно он включал элемент саморегуляции в форме буржуазной морали. Второй капитализм, будучи капитализмом фордистского компромисса и государства-Провидения, имел в наличии ряд регламентирующих мер налогового и трудового законодательства. Следовательно, «эти два капитализма основывались на системе иерархии, внутри которой еще было место для реформ и сомнений» [3, с. 214]. В противоположность этим двум капитализмам третий проявил неизмеримые аппетиты, стремился разру-

шить всю систему социальной безопасности. Базовая идея третьего капитализма – «социальное не должно мешать свободной игре рынка» [3, с. 214]. Был запущен процесс дерегуляции и «наемные работники стали свидетелями постепенного исчезновения социальных гарантий и прав, завоеванных ими в профсоюзных боях» [3, с. 214]. Это привело, с одной стороны, к структурной безработице. А с другой стороны, к уменьшению мер для улучшения положения безработных. Соответственно, «отчуждение, являющееся результатом этого процесса, фундаментально отличается от того отчуждения, которое испытывали трудящиеся при первом капитализме, стремившемся исключительно к эксплуатации их рабочей силы. Появление сетевого мира сопровождается новыми формами отчуждения, вытекающими из различия способностей, но также мобильности и способности к адаптации» [3, с. 216].

В литературе исследовательский интерес к рассматриваемой проблеме во многом сосредоточен на анализе содержания категории «отчуждение», на теоретических интерпретациях ее эволюции, на сущности отчуждения (подчас в чрезвычайно полемическом ключе). Исследование этих аспектов содержится, в частности, в работах Э. В. Ильенкова, А. Калининского, И. И. Кального, Дж. Кокс, О. Корню, И. Месароша, И. С. Нарского, Р. С. Осина, Л. И. Пахарь, Р. А. Петровой, Г. В. Сориной, Е. В. Хайрулиной, Ю. В. Ярмака [8; 9; 10; 12; 16; 17; 18; 19; 20; 24; 27; 31; 32; 33]. Но одновременно «современная социальная философия не ограничивается общим категориальным анализом понятия «отчуждение», но все более активно переходит к рассмотрению конкретных проявлений феномена отчуждения в различных сферах социальной действительности» [26, с. 162]. Поэтому другие работы, например, А. В. Абакумовой, М. Л. Альпидовской, М. В. Заладиной, Д. И. Измайловой, О. А. Косовой, А. Ф. Поломошнова, С. Ю. Протасова, А. П. Хохловой, Е. В. Чашухина, Е. Е. Яковлевой, сосредотачивают внимание на формах и проявлениях отчуждения. Причем, как в уже достаточно «привычном» смысле (отчуждение труда, политическое отчуждение), так и в новых для анализа сферах – отчужденных состояний в образовательной сфере, в социальных сетях, в процессах информатизации и цифровизации общества [1; 6; 7; 11; 21; 22; 28; 29].

Большой объем исследований и подходов демонстрирует разработанность проблематики отчуждения. Но отчуждение, по своей сути, проблема, включающая множество аспектов. И не все из них получили достаточное раскрытие. Прежде всего, это касается вопроса структуры отчуждения как не вполне и не до конца исследованного. Этот вопрос может быть рассмотрен, по меньшей мере, в двух планах. Первый – раскрытие понимания структуры отчуждения в историко-философском ключе. Второй – интерпретация структуры отчуждения в актуальном социально-философском и конкретно-научном смысле. Прежде всего, остановлюсь на первом выявленном аспекте.

Историко-философский план анализа структуры отчуждения в наибольшей мере может быть раскрыт на примерах теорий отчуждения Г. Гегеля и К. Маркса как развернутых и репрезентативных. Неоднократно замечено, что все учение Гегеля выступает как одна большая теория отчуждения. Именно он сделал данное понятие универсальным [2, с. 15]. Нельзя не согласиться с Р. Б. Бурковым в том, что Гегель позаимствовал большинство аспектов концепции отчуждения у других философов, синтезировав их при этом в свою собственную доктрину, придав им новое качество [2, с. 17]. Это новое качество заключено в двух основных моментах. Первый – в понимании отчуждения как объективации Абсолютной идеи [2, с. 17]. Второй – в истолковании этого процесса также в качестве отчуждения человека. Этот перенос предметности на историю позволил констатировать два новых типа отчуждения: самоотчуждение человека и отчуждение человека от человека в практической деятельности [2, с. 19–20]. Исследование движения Абсолютной идеи позволило немецкому мыслителю продемонстрировать основные формы, в которые дух отчуждает себя. К ним, как известно, относятся: возникновение природы из духа, воспроизведение духа в общество, человеческую историю, социальные институты, воплощение человеческого духа в продукты труда, деятельность [4]. Собственно эти три формы можно полагать структурой отчужденных состояний в гегелевской теории.

Марксистская теория отчуждения, основывающаяся на иных мировоззренческих и методологических основаниях, снимает спекулятивный флер гегелевской теории. Отчуждение интерпретируется как реальное общественное отношение, имеющее место на социальном уровне бытия. Кроме того, проблематика отчуждения обладает несколько разной значимостью на различных этапах развития теории Маркса, а соответственно, надо это подчеркнуть, получает разное истолкование и вопрос структуры отчуждения.

На этапе раннего, еще формирующегося марксизма, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», в которых основное внимание уделено Марксом отчуждению труда, представлены «элементы» этого вида отчуждения так, как они понимались мыслителем в тот период его творческой деятельности. Это, в первую очередь, отчуждение рабочего от предмета, который он производит, то есть от продукта труда. Затем отчуждение рабочего от самого процесса производства, выражающегося в отсутствии контроля над процессом производства. Далее имеет место отчуждение человека от человека, ввиду несоизмеримости классового положения, разницы статуса в процессе производства, другими словами, эксплуататором или эксплуатируемым является данный человек. Наконец, есть отчуждение от родовой сущности человека, от человеческой природы, ведь труд для человека при капитализме есть средство, а не цель [14, с. 88–89, 91, 94–97].

Достаточное количество работ, так или иначе касающихся элементов отчуждения, представленных у Маркса, ограничиваются изложением его первоначальных подходов [16, с. 119–121]. Объяснением этому служит весьма сложное отношение к «судьбе» категории «отчуждение» в более поздних работах Маркса, вплоть до отрицания ее наличия. С этим согласиться нельзя. Поэтому правомерной представляется точка зрения И. С. Нарского, утверждающая присутствие категории и в «Экономических рукописях 1857–59 годов» и в «Капитале» [16, с. 110–111, 115]. Поскольку здесь имеет место уже, в общем, сложившаяся теория классического марксизма с устоявшимися представлениями о сущности общественно-исторического процесса, постольку обнаруживается новый подход к выявлению структурных элементов отчужденных состояний. Речь уже не идет лишь об отчуждении труда, как пусть одной из фундаментальных форм, но не существующей в качестве единичной. Маркс, по сути, основываясь на своем понимании человеческой истории как истории общественно-экономических формаций, обладающих базисно-надстроечной структурой, констатирует базисные и надстроечные формы отчуждения, одновременно определяя их долговременный или, напротив, преходящий характер.

В своем конкретном выражении базисной, фундаментальной формой выступает отчуждение труда, которое становится источником других, надстроечных форм. По мнению И. С. Нарского, наиболее детализированная структура отчуждения труда в сложившемся марксизме содержится в «Экономических рукописях 1857–59 годов». Основные моменты этой структуры: «отчужденное опредмечивание, овещнение (превращение в вещь) и овеществление, опустошение сознания, его деформация и расщепление, обособление и психологическая отчужденность людей друг от друга, чувство бессмысленности бытия, фетишизация продуктов собственной деятельности, а затем наделение их способностями к действию, враждебному в отношении субъекта» [17, с. 3–4].

«Капитал» также раскрывает данную форму в ее отдельных моментах или проявлениях. Так Марксом фиксируется отчуждение абстрактного труда от конкретного, отделение стоимости от потребительной стоимости, а также отчуждение денег от товара [15]. Это означает углубление анализа отчуждения труда, в том числе, и в том плане, что здесь Марксом затрагивается уже не только капиталистический способ производства, но и докапиталистические состояния. Надстроечные формы отчуждения, в общем, исходя из методологии классического марксизма, обладают вторичным характером, и к ним относятся все виды угнетения, подавления и манипуляции, осуществляемые в рамках капиталистической политической системы.

Марксистская теория отчуждения, не лишняя с современной точки зрения ряда недостатков, главный из которых заключен в «приписывании» данного феномена исключительно классово-антагонистическим формациям, обладает все же серьезными мировоззренческими и методологическими преимуществами ввиду своей общей гуманистической направленности, адекватного понимания общества как сверхсложной системы и эвристического потенциала. Поэтому современное понимание структуры отчуждения с необходимостью должно учитывать ряд положений и подходов, сформированных марксизмом.

Прежде всего, это касается истолкования экономического отчуждения как фундамента социального, политического и духовного отчуждения при учете связанности их конкретных форм и проявлений с социально-культурными и социально-экономическими типами общества. Ведь эти формы и проявления обладают собственной спецификой, в зависимости от типа общества, имея определенную степень выраженности конкретной формы в данном обществе. И если традиционное общество «концентрирует» отчуждение в отношениях личной зависимости, а капиталистическое непосредственно в экономической сфере, то социалисти-

ческое в политической области. При этом, поскольку основные источники отчуждения кроются в общественном разделении труда, в уровне развития производительных сил, постольку экономическое отчуждение в любом случае «предопределяет» отчуждение в иных сферах.

Отчуждение как многоаспектный феномен требует не только философского, но и конкретно-научного анализа, включая рассмотрение его структуры. Необходимость конкретно-научного анализа обуславливается весомой значимостью категории отчуждения не только в философском, но и шире в социальном познании. Ведь данная категория обладает методологообразующей значимостью. Она есть своеобразный фундамент анализа конкретных проблем общественного развития, связанных как с негативными, так и с позитивными его сторонами. Конкретно-научные исследования процессов и форм отчуждения предоставляют окно возможностей в детализации различных аспектов бытия общества и человека, их «самочувствия». А также, что чрезвычайно важно, результаты рассмотрения отчуждения в социально-гуманитарных науках применимы в области социального управления и прогнозирования. Ибо наличие отчужденных состояний в той или иной сфере выступает как диагноз социального дискомфорта, как индикатор, демонстрирующий поле приложения социальных технологий управления. Как представляется, в наибольшей мере такого рода анализ представлен сегодня в социологических и психолого-педагогических исследованиях.

Социологический анализ отчуждения имеет ряд направлений. Во-первых, раскрывается понимание данного феномена в истории социологии. Во-вторых, дается теоретический анализ отчуждения и его социальных проявлений в современном обществе. В-третьих, отчуждение исследуется эмпирически [30, с. 43–45]. Естественно, что социология стремится преимущественно к измерению уровня отчуждения. Эти уровни, по сути, могут быть истолкованы как его структура в социологическом понимании. Уровень отчуждения замеряется в пяти сферах (работа, общество в целом, межличностные отношения, семья, личность индивида) и, следовательно, именно они являются структурой отчужденных состояний. При этом в каждой из сфер присутствуют четыре формы отчуждения – вегетативность, бессилие, нигилизм, авантюризм. Вегетативность определяется как наиболее тяжелая из форм. Ее сущность выражается в неспособности поверить в ценность любой деятельности. Бессилие есть менее серьезная форма, заключающаяся в утрате веры в способность влиять на жизненные ситуации. Нигилизм представляет собой убеждение в отсутствии смысла деятельности. А авантюризм, являющийся наименее серьезной из форм, выражает себя в стремлении индивида к экстремальным видам деятельности, ввиду ощущения бессмысленности повседневной жизни. Единственное, что нужно учитывать, как подчеркивает В. Ю. Тюлин, существенные ограничения шкалирования отчуждения [25].

В психологии и педагогике отчуждение понимается в своем самом общем виде как процесс постепенного ухода в себя, изолирования от других людей, отказа от участия в делах общества [5, с. 21]. Этот отказ проявляет себя на различных уровнях отношений индивида и с самим собой и с другими индивидами. З. К. Малиева, исследуя вопрос присутствия морально-психологического отчуждения в студенческой среде, отмечает многомерность и многоуровневость феномена отчуждения [13, с. 162]. Применение структурно-функциональной модели позволило ей выявить ряд уровней и составляющих их элементов в этой форме отчуждения.

Первый уровень – это уровень социальных общностей, на котором функционируют информационно-смысловой, виртуальный, этно-культурный виды отчуждения. Второй уровень есть уровень профессиональной деятельности, включающий отчуждение преподавателей от преподавательской деятельности, отчуждение студентов от познавательной деятельности, а также от их будущей профессиональной деятельности. Третий уровень фиксируется во взаимодействии между людьми в группе, то есть в отчуждении «Я» и «Другого», отчуждении студентов и родителей. Четвертый уровень проявляет себя во внутриличностных отношениях, он выявляется в самоотчуждении, отчуждении личности от собственного «Я» [13, с. 162–163].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, сделаем ряд основных выводов.

Во-первых, реконструкция историко-философского «пласта» структуры отчуждения показывает наибольшую репрезентативность гегелевского и марксистского подходов к проблеме. Г. Гегель выявляет структуру отчужденных состояний посредством исследования движения Абсолютной идеи, в котором, собственно, и обретают себя формы отчуждения духа от самого себя. В классическом марксизме имеет место не только констатация определенной структуры отчуждения, но и эволюция ее понимания – от выявления элементов отчуждения

труда у раннего К. Маркса до развертывания базисно-надстроечного «строения» отчуждения в его более поздних работах.

Во-вторых, современная интерпретация структуры отчуждения вполне может базироваться на положениях, сформулированных марксизмом, ввиду их методологической глубины и гуманистической аксиологической ориентации. Одновременно, принимая тезис об экономическом отчуждении как фундаменте отчуждения в социуме, необходимо учитывать, по крайней мере, два обстоятельства. Первое – отчуждение, являясь закономерностью, по всей видимости, имеет ряд предпосылок, затрудняющих его тотальное снятие, что, в числе прочего, означает историческое движение его структуры. Второе – структура отчуждения, «разбивающаяся» в социально-историческом процессе на множественные формы и проявления в ее истолковании с необходимостью должна увязываться с социально-культурными и социально-экономическими типами обществ.

В-третьих, анализ отчуждения, включая его структуру, постепенно обретает не только абстрактно-философский, но и конкретно-научный смысл. В первую очередь, в социологических и психолого-педагогических исследованиях. В них проблеме придается эмпирический характер, позволяющий замерять уровень отчуждения, применительно к определенным сферам жизни и деятельности людей, что предоставляет информацию, применимую в области социального управления и прогнозирования.

Список литературы

1. *Абакумова А. В.* Отчуждение труда в процессе цифровизации социально-экономической системы: проблемы и пути решения // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова / М. Л. Альпидовская, Е. Е. Яковлева. 2022. № 2. С. 93–102. DOI: 10.29025/1994-7720-2022-2-93-102.
2. *Бурков Р. Б.* Отчуждение у Гегеля // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2 (26). С. 15–23. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-15-23.
3. *Бенуа А. де.* Против либерализма: (к Четвёртой политической теории) / пер. с фр. А. Дугина. СПб.: Амфора, 2009. 476 с.
4. *Гегель Г.* Феноменология духа / пер. с нем. М.: Наука, 2000. 495 с.
5. *Гусева И. С., Прядеин В. П.* Психологическая структура отчуждения личности // Педагогическое образование в России. 2012. № 2. С. 21–24.
6. *Заладина М. В.* Социально-философский анализ духовного отчуждения : дисс. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2020. 26 с.
7. *Измайлова Д. И.* Отчуждение от власти и его причины: социально-философский анализ // Научный потенциал. 2020. № 3 (30). С. 17–19.
8. *Ильенков Э. В.* Гегель и «отчуждение» // Э. В. Ильенков Философия и культура. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1991. С. 141–152.
9. *Ильенков Э. В.* О «сущности человека» и «гуманизме» в понимании Адама Шамфа (О книге А. Шамфа «Марксизм и политический индивид») // Э. В. Ильенков Философия и культура. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1991. С. 170–199.
10. *Кальной И. И.* Методологические возможности отчуждения как философской категории // Отчуждение как социокультурный феномен : тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции, 16–18 апреля 1991 г., Симферополь. Киев, 1991. С. 11–20.
11. *Косова О. А.* Многоаспектность феномена отчуждения // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 1 (22). С. 47–55.
12. *Корню О.* Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность : в 3 т. Т. 2 / пер. с фр. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1961. 427 с.
13. *Малиева Э. К.* Сущность, структура и содержание морального отчуждения студентов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 3 (14). С. 162–164.
14. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 41–174.
15. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 43–784.
16. *Нарский И. С.* Отчуждение и труд: По страницам произведений К. Маркса. М.: Мысль, 1983. 144 с.
17. *Нарский И. С.* Эволюция понятия «отчуждение» в теории и реальной жизни // Отчуждение как социокультурный феномен : тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции, 16–18 апреля 1991 г., Симферополь. Киев, 1991. С. 1–10.
18. *Осин Р. С.* Проблемы марксистской концепции понимания феномена «отчуждения» в контексте современности // Альтернативы. 2016. № 3. С. 25–41.

19. Пахарь Л. И. Отчуждение: современное состояние и перспективы развития общества // Философская мысль. 2021. № 5. С. 46–61. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.5.35213.
20. Пахарь Л. И., Петрова Р. А. Отчуждение: теоретическое осмысление проблемы // Философская мысль. 2021. № 8. С. 78–91. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.8.35170.
21. Поломошнов А. Ф. Глобальное отчуждение личности в постиндустриальном обществе // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2020. № 2-2 (36). С. 26–39.
22. Протасов С. Ю. Отчуждение личности в социальных сетях // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11. № 2А. С. 93–98. DOI: 10.34670/AR.2022.94.21.008.
23. Семенов В. С. О путях прогрессивного развития российского общества и цивилизации в XXI веке // Вопросы философии. 2007. № 4. С. 94–113.
24. Сорица Г. В., Ярмук Ю. В. Отчуждение в социуме // Проблемы современного образования. 2021. № 4. С. 19–29. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-4-19-29.
25. Тюлин В. Ю. Измерение отчуждения в современной социологии. URL: www.isras.ru/abstract_bank/1208349925.pdf (дата обращения: 02.04.2023).
26. Филюшкина Д. В. Обзор понятия «отчуждение» в социальной философии // Новая наука: от идеи к результату. 2016. № 5–3 (84). С. 162–165.
27. Хайрулина Е. В. К вопросу о теоретической эволюции понятия «отчуждение» // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 4 (45). С. 186–191.
28. Хохлова А. П. Отчуждение в образовательной среде: формы проявления и способы борьбы // Общество: философия, история, культура. 2022. № 11 (103). С. 105–110. DOI: 10.24158/fik.2022.11.17.
29. Чашухин Е. В. Проблема виртуального отчуждения: структура и особенности // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2008. Т. 14. № 3. С. 261–265.
30. Шетулова Е. Д. Отчуждение как проблема современной социологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4 (60). С. 41–46.
31. Callinicos A. The Revolutionary Ideas of Karl Marx. L. : Bookmarks, 1996. 219 p.
32. Cox J. An Introduction to Marx's Theory of Alienation // International Socialism. 1998. URL: marxist.org/history/etol/newspaper/isj2/1998/isj2-079/cox (дата обращения: 02.04.2023).
33. Meszaros I. Marx's Theory of Alienation. L. : Merlin Press, 1970. 352 p.

The structure of alienation: historical, philosophical and topical aspects

Shetulova Elena Dmitrievna

Doctor of Philosophy, professor of the Department of Methodology, History and Philosophy of Science,
Nizhny Novgorod State Technical University n. a. R. E. Alekseev.
Russia, Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0002-2414-4370. E-mail: shetulowa@yandex.ru

Abstract. The relevance of the analysis of alienation is permanently preserved due to the systemic crisis of modern society and the emergence of a number of new forms of alienation caused by digitalization and virtualization of the world, the birth of a network society. Alienation is one of the basic problems of philosophy, which have a multidimensional character, and not all of them have received sufficient disclosure in the literature. This also concerns the structure of alienation. Its disclosure is the purpose of the undertaken research. The goal is achieved by solving two interrelated tasks. Firstly, the structure of alienation is analyzed in historical and philosophical terms. Secondly, the structure of alienation is interpreted in the actual socio-philosophical and specifically scientific senses. The research methodology is based on the fundamental categories and principles of dialectical and systemic approaches: objectivity, determinism, historicism, unity of historical and logical, development, interrelation, comprehensive analysis. The theoretical basis consists of the works of representatives of classical and modern Western philosophy, as well as the work of domestic researchers of the problems of alienation. The main results are expressed in the following statements. First, the Hegelian and Marxist theories are the most representative in terms of considering the structure of alienated states in a historical and philosophical way. Secondly– the actual philosophical reconstruction, with a fundamental reliance on Marxist theory, must necessarily rethink the problem in the direction of the historical movement of the structural elements of alienation, their connection with the corresponding types of society. Third, the problem of alienation, including all its main aspects, is currently losing its exclusively abstract–philosophical character, while simultaneously acquiring a concrete scientific expression. The scope of application of the obtained results in their possible use in research and educational and pedagogical activities.

Keywords: Hegelianism, Marxism, alienation theories, methodology, management.

References

1. Abakumova A. V. *Otchuzhdenie truda v processe cifrovizacii social'no-ekonomicheskoy sistemy: problemy i puti resheniya* [Alienation of labor in the process of digitalization of the socio-economic system: problems and solutions] // *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Hetagurova* – Herald of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University / M. L. Alpidovskaya, E. E. Yakovleva. 2022. No. 2. Pp. 93–102. DOI: 10.29025/1994-7720-2022-2-93-102.
2. Burkov R. B. *Otchuzhdenie u Gegelya* [Alienation from Hegel] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* – Herald of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2016. Is. 2 (26). Pp. 15–23. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-15-23.
3. Benoit A. de. *Protiv liberalizma: (k Chetvyortoj politicheskoy teorii)* [Against liberalism: (to the Fourth political theory)] / transl. from the French by A. Dugin. SPb. Amphora. 2009. 476 p.
4. Hegel G. *Fenomenologiya duha* [Phenomenology of the spirit] / transl. from German. M. Nauka (Science). 2000. 495 p.
5. Guseva I. S., Pryadein V. P. *Psihologicheskaya struktura otchuzhdeniya lichnosti* [Psychological structure of personality alienation] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* – Pedagogical education in Russia. 2012. No. 2. Pp. 21–24.
6. Zaladina M. V. *Social'no-filosofskij analiz duhovnogo otchuzhdeniya : diss. ... kand. filos. nauk* [Socio-philosophical analysis of spiritual alienation : diss. ... PhD in Philos. sciences']. Nizhny Novgorod. 2020. 26 p.
7. Izmajlova D. I. *Otchuzhdenie ot vlasti i ego prichiny: social'no-filosofskij analiz* [Alienation from power and its causes: a socio-philosophical analysis] // *Nauchnyj potencial* – Scientific potential. 2020. No. 3 (30). Pp. 17–19.
8. Il'enkov E. V. *Gegel' i "otchuzhdenie"* [Hegel and "alienation"] // E. V. Ilyenkov Philosophy and Culture. M. Publishing House of polit. literature. 1991. Pp. 141–152.
9. Il'enkov E. V. *O "sushchnosti cheloveka" i "gumanizme" v ponimanii Adama Shaffa (O knige A. Shaffa "Marksizm i politicheskij individ")* [About the "essence of man" and "humanism" in the understanding of Adam Schaff (About A. Schaff's book "Marxism and the political individual")] // E. V. Il'enkov *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. M. Publishing House of polit. literature. 1991. Pp. 170–199.
10. Kalnoy I. I. *Metodologicheskie vozmozhnosti otchuzhdeniya kak filosofskoj kategorii* [Methodological possibilities of alienation as a philosophical category] // *Otchuzhdenie kak sociokul'turnyj fenomen : tezisyy dokladov Vsesoyuznoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 16–18 aprelya 1991 g., Simferopol'* – Alienation as a socio-cultural phenomenon : abstracts of reports of the All-Union Scientific and Practical Conference, April 16–18, 1991, Simferopol. Kiev. 1991. Pp. 11–20.
11. Kosova O. A. *Mnogoaspektnost' fenomena otchuzhdeniya* [The multidimensional nature of the phenomenon of alienation] // *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* – Herald of Irkutsk State Linguistic University. 2013. No. 1 (22). Pp. 47–55.
12. Kornew O. *Karl Marks i Fridrih Engel's. Zhizn' i deyatel'nost' : v 3 t. T. 2* [Karl Marx and Friedrich Engels. Life and activity : in 3 vols. Vol. 2] / transl. from Fr. M. Publishing House of polit. literature. 1961. 427 p.
13. Malieva Z. K. *Sushchnost', struktura i sodержanie moral'nogo otchuzhdeniya studentov* [The essence, structure and content of moral alienation of students] // *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psihologiya* – Vector of Science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, psychology. 2013. No. 3 (14). Pp. 162–164.
14. Marks K. *Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic and philosophical manuscripts of 1844] // K. Marks, F. Engel's. *Sochineniya. T. 42* [Essays. Vol. 42]. M. Politizdat. 1974. Pp. 41–174.
15. Marks K. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. 1. Kn. 1. Process proizvodstva kapitala* [Capital. Criticism of political economy. Vol. 1. Book 1. The process of capital production] // K. Marks, F. Engel's. *Sochineniya. T. 23* [Essays. Vol. 23]. M. Gospolitizdat. 1960. Pp. 43–784.
16. Narskij I. S. *Otchuzhdenie i trud: Po stranicam proizvedenij K. Marksa* [Alienation and labor: On the pages of K. Marx's works]. M. Mysl' (Thought). 1983. 144 p.
17. Narskij I. S. *Evoluciya ponyatiya "otchuzhdenie" v teorii i real'noj zhizni* [Evolution of the concept of "alienation" in theory and real life] // *Otchuzhdenie kak sociokul'turnyj fenomen : tezisyy dokladov Vsesoyuznoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 16–18 aprelya 1991 g., Simferopol'* – Alienation as a socio-cultural phenomenon : abstracts of reports of the All-Union Scientific and Practical Conference, April 16–18, 1991, Simferopol. Kiev. 1991. Pp. 1–10.
18. Osin R. S. *Problemy marksistskoj koncepcii ponimaniya fenomena "otchuzhdeniya" v kontekste sovremennosti* [Problems of the Marxist concept of understanding the phenomenon of "alienation" in the context of modernity] // *Al'ternativy* – Alternatives. 2016. No. 3. Pp. 25–41.
19. Pahar' L. I. *Otchuzhdenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya obshchestva* [Alienation: the current state and prospects for the development of society] // *Filosofskaya mysl'* – Philosophical thought. 2021. No. 5. Pp. 46–61. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.5.35213.
20. Pahar' L. I., Petrova R. A. *Otchuzhdenie: teoreticheskoe osmyslenie problemy* [Alienation: theoretical understanding of the problem] // *Filosofskaya mysl'* – Philosophical thought. 2021. No. 8. Pp. 78–91. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.8.35170.

21. Polomoshnov A. F. *Global'noe otchuzhdenie lichnosti v postindustrial'nom obshchestve* [Global alienation of personality in post-industrial society] // *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Herald of Don State Agrarian University*. 2020. No. 2-2 (36). Pp. 26–39.
22. Protasov S. Yu. *Otchuzhdenie lichnosti v social'nyh setyah* [Alienation of personality in social networks] // *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke – Context and reflection: philosophy about the world and man*. 2022. Vol. 11. No. 2A. Pp. 93–98. DOI: 10.34670/AR.2022.94.21.008.
23. Semenov V. S. *O putyah progressivnogo razvitiya rossijskogo obshchestva i civilizacii v XXI veke* [On the ways of progressive development of Russian society and civilization in the XXI century] // *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*. 2007. No. 4. Pp. 94–113.
24. Sorina G. V., Yarmak Yu. V. *Otchuzhdenie v sociume* [Alienation in society] // *Problemy sovremennoy obrazovaniya – Problems of modern education*. 2021. No. 4. Pp. 19–29. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-4-19-29.
25. Tyulin V. Yu. *Izmerenie otchuzhdeniya v sovremennoy sociologii* [Measurement of alienation in modern sociology] // Available at: www.isras.ru/abstract_bank/1208349925.pdf (date accessed: 02.04.2023).
26. Filyushkina D. V. *Obzor ponyatiya "otchuzhdenie" v social'noj filosofii* [Review of the concept of "alienation" in social philosophy] // *Novaya nauka: ot idei k rezul'tatu – New Science: from idea to result*. 2016. No. 5–3 (84). Pp. 162–165.
27. Hajrulina E. V. *K voprosu o teoreticheskoy evolyucii ponyatiya "otchuzhdenie"* [On the question of the theoretical evolution of the concept of "alienation"] // *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii – Power and management in the East of Russia*. 2008. No. 4 (45). Pp. 186–191.
28. Hohlova A. P. *Otchuzhdenie v obrazovatel'noj srede: formy proyavleniya i sposoby bor'by* [Alienation in the educational environment: forms of manifestation and methods of struggle] // *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: philosophy, history, culture*. 2022. No. 11 (103). Pp. 105–110. DOI: 10.24158/fik.2022.11.17.
29. Chashchuhin E. V. *Problema virtual'nogo otchuzhdeniya: struktura i osobennosti* [The problem of virtual alienation: structure and features] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova – Herald of Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov*. 2008. Vol. 14. No. 3. Pp. 261–265.
30. Shetulova E. D. *Otchuzhdenie kak problema sovremennoy sociologii* [Alienation as a problem of modern sociology] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki – Herald of Nizhny Novgorod University n. a. N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2020. No. 4 (60). Pp. 41–46.
31. Callinicos A. *The Revolutionary Ideas of Karl Marx*. L. : Bookmarks, 1996. 219 p.
32. Cox J. *An Introduction to Marx's Theory of Alienation* // *International Socialism*. 1998. URL: marxist.org/history/etol/newspaper/isj2/1998/isj2-079/cox (дата обращения: 02.04.2023).
33. Meszaros I. *Marx's Theory of Alienation*. L. : Merlin Press, 1970. 352 p.

Наука как психотехнология: критический анализ

Дедова Ирина Анатольевна

кандидат философских наук, Поволжский государственный технологический университет.
Россия, г. Йошкар-Ола. E-mail: iraira0906@mail.ru

Аннотация. Современная наука, основы которой были заложены в Новое время, оказалась не способной удовлетворить важнейшие запросы общества. Цель статьи – выяснить причины духовной несостоятельности науки и показать возможность ее интеллектуального преодоления силами философского анализа. Методологической основой такого анализа является системный подход. Гипотезой исследования выступает положение о том, что кризисные явления современного общества обусловлены трансформацией методологических оснований науки и метафизических представлений о сущностных взаимосвязях человека и мира. Научные теории существуют в рамках парадигмы, структура которой представляет собой взаимосвязь метафизики, металогик и метаэтики. В результате исследование показало, что, формально отрицая метафизику, наука Нового времени в действительности выстроила новую метафизику под видом «строго объективного» и «обоснованного» знания. Наука стала не только способом поиска истины, но и программой по преобразованию сознания людей, то есть психотехнологией. В качестве аргументов используются труды основателей классической науки, критический анализ которых показал несоответствие их риторики заявляемым принципам научного познания. Идеологи Нового времени создавали науку для «просвещения» широких масс и форматирования общества нового типа. Сама же интеллектуальная верхушка не разорвала отношения с духовной традицией прошлого, продолжая изучать магию, алхимию, астрологию и оккультные науки. Выход из кризисной ситуации возможен путем вовлечения философского анализа в сферу научных исследований для решения следующих задач: осознание групповых интересов как движущей силы науки; критический пересмотр научного языка; отказ от догматических притязаний фундаментальных теорий классической науки; создание новой метафизики с использованием доклассической интеллектуальной традиции; осмысление духовной сущности человека и мира как целого.

Ключевые слова: метафизика, методология, наука, научный язык, психотехнология, социальная программа, элита, эмпиризм.

Критический анализ фундаментальных научных теорий, сформировавшихся в период между первой (XVI–XVII вв.) и третьей (середина XX в.) научными революциями, подводит к мысли о том, что современная наука как системное образование должна признать свою несостоятельность. Заявленная цель естественно-научных исследований – овладение силами природы, проникновение в сущность материи и извлечение ее полезных свойств в виде неисчерпаемых источников энергии, решение проблем здоровья и благосостояния общества – не достигнуто. Произошел колоссальный разрыв человека и природы, связанный с непониманием внутренних связей физической и психической реальности, превращением живого космического целого в груды мертвых механических объектов и утратой единства человеческого тела с телом Земли. Основная задача гуманитарных наук – решение социальных проблем – также не выполнена. «Социально-экономическая наука не выявила объективную структуру общества: не признала и не изучает объективную неустранимую бедность, игнорирует рабочий класс, не установила объективные свойства иерархии власти, не нашла объективные границы между бедностью и достатком, между достатком и роскошью, что дискредитирует социальную политику государств» [20, с. 159]. Критический анализ современного состояния науки стал особенно востребованным с 2000-х гг., и в последнее время рассмотрению проблемных аспектов естественно-научного и гуманитарного знания посвящено немало трудов [10; 13].

Цель статьи – выяснить причины духовной несостоятельности современной науки и показать возможность ее интеллектуального преодоления силами философского анализа. Методологической основой такого анализа является системный подход, направленный на обнаружение сущности изучаемого явления в единстве внешних и внутренних факторов. Гипотезой исследования выступает положение о том, что кризисные явления современного общества обусловлены трансформацией методологических оснований науки и искажением метафизических представлений о сущностных взаимосвязях человека и мира.

Поиск причин проблемных явлений не может быть достаточным без вовлечения в сферу философского анализа методологических и ценностно-мировоззренческих оснований научного знания. Является ли случайным то, что коренной перелом в научном мировоззрении был обусловлен распространением христианства с одной стороны и гуманизмом Возрождения с другой? Так, Гайденок отмечает, что в радикальном перевороте в понимании субъекта и объекта познания не последнюю роль «сыграло христианское учение о природе как созданной Богом из ничего и о человеке как активно-волевом субъекте действия» [5, с. 420].

Наука есть не набор разрозненных теорий, а *система*, частями которой являются идеи, законы, гипотезы и теории, как бы нанизанные на некий концептуальный стержень. Ядром научного мировоззрения выступает *метафизика* как учение о сущностных взаимосвязях всех вещей, которая может присутствовать неявно в виде априорных посылок и ценностных ориентаций, в том числе даже если отрицается само наличие таких ориентаций. Метафизика определяет фундаментальные законы материального мира – физику, и идеальные конструкции существенных взаимосвязей – математику.

Вторым «слоем» является *металогика* как средство познания сущего, представляющая собой единство интуиции, разума и наблюдения. Металогика определяет модели знания и образцы решения задач, в конечном счете способствующие постижению истины. Обнаружив во внутреннем ощущении точку опоры в качестве реальности собственного бытия, непосредственно связанного с бытием мира, человеческое мышление непротиворечивым образом выводит из него ряд общих правил и подтверждает действенность этих правил опытом. Даже если субъект познания декларирует первичность опыта, он неявно позиционирует приверженность общим правилам мышления, и его рассуждения являются настолько последовательными, насколько они способны встраивать разрозненные данные в общую структуру исследования, заданной определенной целью.

Далее следует третий «слой» – *метаэтика* – как совокупность жизненных принципов, определяющих стратегию существования человека и общества, то есть собственно этику, политику и экономику. В том случае, если субъект познания декларирует отказ от метафизики, он подспудно встраивает в свою теорию ту этическую конструкцию, которая преследует некий *интерес*. Этот интерес может вступать в противоречие с сущностью человека и мира как целого, следствием чего является разрыв человека и общества с собственным целеполаганием. Критерием метаэтики выступает ее согласованность с истиной, осознаваемой человеком и обществом не только как абстрактное знание, но и как добродетельная жизнь. Добродетель же, в свою очередь, определяет направление к бытийственной полноте, ощущаемой как осмысленность и удовлетворенность собственным бытием. В противном случае, ощущение бессмысленности, порождаемое противоречиями, должно на время заглушаться все новыми и новыми теориями, вступающими в противоречие друг с другом.

Формально отрицая метафизику, наука Нового времени в действительности встраивает *новую* метафизику, то есть заменяет один концепт другим под видом «строго объективного» и «обоснованного» знания. Такую метафизику сложнее критически осмыслить и как следствие – отвергнуть как деструктивную – потому, что она не провозглашается явно. Наука выводит за границы своего дискурса философию как *ненаучное* знание: «Это искусство диалектики... скорее повело к укреплению заблуждений, чем к открытию истины. Остается единственное спасение в том, чтобы вся работа разума была начата сызнова и чтобы ум уже с самого начала никоим образом не был предоставлен самому себе, но чтобы он был постоянно управляем и дело совершалось как бы механически» [4]. В этой фразе идеолога новой науки Фрэнсиса Бэкона мы наталкиваемся на не столь безобидный призыв *управлять* разумом. Английская научная школа во главе с Лондонским королевским обществом заявила не просто о поиске истины, но о создании *программы* по преобразованию сознания людей, то есть психотехнологии, позволяющей встраивать в информационное пространство те идеи, которые «работают» на достижение скрытых целей. Бэкон подверг критике не столько отдельные научные теории, сколько *методологию* научного исследования. Он безапелляционно характеризует *всю* «старую» науку как набор «суеверий» и «абстрактных форм», то есть отрывает металогика от метафизического ядра.

Первое, с чего начинают методологи новой науки, – работа с системой понятий. Бэкон предлагает оставить в качестве научных только те понятия, которые: а) содержат строгие определения, то есть не позиционируются как общеизвестные и очевидные; б) исключают вымысел и фантазию, то есть не уходят в область убеждений и принципов; в) соответствуют «вещам», то есть непосредственному опыту [4, гл. LXV, CXIX, LX]. «Мы должны привести людей

к самим частностям, к их рядам и сочетаниям. Пусть люди на время прикажут себе отречься от своих понятий и пусть начнут свыкаться с самими вещами» [4, гл. XXXVI]. Здесь вновь используется манипуляция: автор представляет некую объективную необходимость как неизбежность. Главное, на что делается упор, – сведение знаний к *частностям*: подвергаются исключению такие понятия, которые указывают на существование *единой* реальности человека и мира: «субстанция», «качество», «действие», «бытие», «элемент», «материя», «форма» и прочие того же рода в силу того, что «они вымышлены и плохо определены» [4, гл. XV].

Английская школа выработала требования к научному языку, которые поддерживаются современной философией науки. Так, дефиниции научных понятий должны: а) отражать атрибутивное качество вещи, то есть указывать на существенный признак; б) не быть тавтологичными, то есть не повторять исходное понятие; в) объяснять нечто неизвестное через известное, то есть не сводить одну абстракцию к другой; г) не указывать только на принадлежность к более общему, родовому понятию, а содержать в себе характеристику видового отличия. Образцом в этом отношении были объявлены классическая и неклассическая физика. Однако проведенный нами анализ понятий современной физики показал, что на самом деле *ни один* общепринятый научный термин не соответствует тем критериям научности, которые заявляют методологами науки [8]. Изучив дефиниции физических понятий «пространство», «масса», «сила», «поле», «материя», «энергия», мы обнаружили нарушение всех четырех указанных выше принципов научной лексики [9]. В работах, объясняющих теорию относительности, мы также не встретили определений, указывающих на существенные признаки. Так, например, Э. Тэйлор, заявив в 70-е гг. о победе теории относительности в научных кругах, констатирует, что ее понятия являются чем-то *самоочевидным*: «Понимание теории относительности отныне не есть проблема обучения, а просто дело интуиции – практикуемого подхода к вещам» [21, с. 14]. Нет объяснения сути теории и в учебных пособиях: в основном предлагается некая описательная характеристика: «Теория гравитационного поля, построенная на основе принципа эквивалентности и общего принципа относительности, называется общей теорией относительности» [1, с. 23]. Нет точных дефиниций и в труде самого Эйнштейна [22].

Если мы видим методологическую непоследовательность, несоответствие собственной риторики заявляемым принципам, присутствие манипулятивных технологий и практически одновременное насаждение одних и тех же идей различными авторами, то нужно задаться вопросом: не способствуют ли эти авторы реализации некоей социальной программы? Методологи Нового времени используют явно агрессивные выпады против «старых» концепций, чего не может позволить себе исследователь, заинтересованный в достижении объективного и беспристрастного знания. Например: «Ни в логике, ни в физике в понятиях нет ничего здравого» [4, гл. XV]. Такое отношение к прошлому мы встречаем, пожалуй, впервые, – характерным стилем научного повествования всегда выступало уважительное и осторожное отношение к интеллектуальной традиции. Поэтому можно утверждать, что Новое время явило собой не столько переосмысление социального опыта, сколько полный *разрыв* с ним.

Действительно, все ведущие философы-основатели новой науки так или иначе являются создателями идей реформирования общества. В качестве примера рассмотрим теорию еще одного английского идеолога Нового времени, Томаса Гоббса. Его идеи представляют интерес в связи с тем, что они лежат в основе современной политической философии, получили распространение в этике, истории, физике, геометрии, то есть явились не частным случаем научного творчества, а концептуальной основой нового миропорядка. На неслучайность появления теории Гоббса указывает и личность самого автора. Его биографы скромно пишут о происхождении из семьи приходского священника. Однако факт учебы в Оксфордском университете свидетельствует о тесных связях Гоббса с английской аристократией. Гоббс был наставником сына Уильяма Кавендиша, барона Гардвика; был знаком с Френсисом Бэконом – не только ученым, но и государственным деятелем, членом Парламента, лорд-канцлером и пэром Англии. Также Гоббс был знаком с Галилео Галилеем, представителем дворянского рода (несколько его предков были приорами – членами правящего совета Флорентийской республики) [6]. Новое время характеризуют как эпоху буржуазных революций, но мы видим, что идеологами этих революций выступала старая элита, реализующая свой интерес посредством «прогрессивных» идей под лозунгами гуманизма и либерализма. Таким образом, технология реформирования общества опирается на две взаимосвязанные парадигмы – *научную* и *социальную*. Первая является обоснованием второй, формируя непререкаемый *авторитет* научного знания как внеэмпирическое основание новой системы ценностей.

Эмпирический подход к научному знанию Бэкона, Гоббса и Локка принято рассматривать как один из вариантов развития философии науки Нового времени наряду с рационализмом Декарта и Спинозы, что должно свидетельствовать о борьбе идей. С момента возникновения эмпирицистской традиции ее положения были подвергнуты критике. Так, Д. Юм объяснил, что идея *причинности* не может быть выведена из опыта: «События во вселенной постоянно чередуются, и один объект сменяет другой в непрерывной последовательности; но сила, или мощь, приводящая в движение весь механизм, полностью скрыта от нас и никогда не проявляется ни в одном из доступных ощущению качеств тел» [23, гл. VII]. Но несмотря на внутренние противоречия, в основу научного мировоззрения лег именно эмпиризм, трансформировавшийся в позитивизм. Кроме того, принципиальные позиции эмпиризма и рационализма более сходятся, нежели расходятся. Близость позиций проявляется: а) в резко негативном отношении к «старой» науке, особенно аристотелевскому и схоластическому методу; б) в противопоставлении субъекта и объекта познания; в) в попытках найти опору познания и истины в изолированном индивиду; г) в механизации природы; д) в повсеместном внедрении математически-количественного метода.

Рассмотрим основные тезисы Гоббса, на которых основана методология новой науки:

1. Мышление вторично по отношению к чувственному опыту. «Что касается человеческих мыслей, то... взятые отдельно, каждая из них есть представление (representation) или призрак (appearance) какого-либо качества или другой акциденции тела вне нас, называемого обычно объектом...» [7, ч. 1, гл. 1]. Данный тезис основан... ни на чем. Это своего рода декларация самоочевидного теоретического положения, отсылающего нас ко второму тезису.

2. Объект первичен по отношению к субъекту. «Объект действует на глаза, уши и другие части человеческого тела и в зависимости от разнообразия своих действий производит разнообразные призраки... Все эти так называемые чувственные качества являются лишь разнообразными движениями материи... посредством которых объект различным образом давит на наши органы» [7, ч. 1, гл. 1]. Здесь повторяется известная мысль Демокрита, уже критически переосмысленная античными философами. Рассуждения Гоббса не только не содержат никакой «прорывной» идеи, но выглядят довольно примитивными. Не понятно, что именно и каким образом оказывает «давление» на органы чувств. И неясно, как мы можем удостовериться в реальности объекта без нашей способности его воспринимать.

3. Процесс познания есть механическое соединение *отдельных* частей – ощущений в образы, мыслей и слов в суждения. «Когда человек рассуждает, он лишь образует в уме итоговую сумму путем сложения частей или остаток путем вычитания одной суммы из другой...» [7, ч. 1, гл. V]. Этот тезис вступает в противоречие со вторым, так как игнорирует факт изначального существования объекта как целого. И возможно ли в принципе достоверное воспроизведение реальности исходя из таких ненадежных свидетельств как показания органов чувств, неминуемо искажающих объект? Мы намеренно не говорим здесь о достижениях современной науки, «эффekte наблюдателя», волновой природе материи и «квантовой запутанности», так как наша задача – вскрыть методологическую неясность самого эмпирического подхода.

Метафизическое ядро новой науки составили три основных принципа:

а) индивидуализм: материя есть совокупность изолированных частиц; сознание есть сумма опытных данных; общество есть результат согласования частных интересов;

б) функционализм: в основе бытия – не универсальная сущность-субстанция, а бесконечное множество отношений и функций; все находится в постоянном движении и реформировании в зависимости от соотношения элементов;

в) механицизм: частицы лишены внутренних связей; объекты могут оказывать только внешнее воздействие друг на друга; сознание как в капсуле заключено в человеческом теле и не имеет выхода в другое сознание.

Фундаментальной теорией стала физика Ньютона, которая явилась обоснованием реальности сил гравитации, образующих всю систему мироздания. Однако внимательный читатель «Математических начал натуральной философии» с удивлением обнаружит, что сам автор не только нигде не использует понятие «гравитация», но даже не представляет главной «своей» формулы закона всемирного тяготения с гравитационной постоянной G . Ученые признают, что гравитационная постоянная отсутствовала в явном виде у Ньютона и в работах других ученых вплоть до начала XIX в. «Эксперименты по измерению гравитационной постоянной G , проведенные в последние годы несколькими группами, демонстрируют поразитель-

ное несовпадение друг с другом» [15]. В работе Ньютона мы также не встретим ни одного описания *экспериментального* доказательства действия сил гравитации, а ведь опыт должен быть основой физической теории. Содержанием данного сочинения являются только математические абстракции в виде геометрических рисунков правильных сфер и прямых линий, в природе, однако, не встречающихся. В заключении Ньютон признается, что «до сих пор не указывал причины самого тяготения», то есть не объяснял *физической* сущности данного явления, констатируя, что «эта сила исходит от некоторой причины, которая проникает до центра Солнца и планет» [19, с. 662]. Понятие «*некоторая причина*» удовлетворила идеологов Нового времени в большей степени, чем «абстрактные» термины старой науки.

Социальная программа Т. Гоббса, как и научная, опирается на ряд необоснованных тезисов:

1. Природное равенство людей приводит к взаимному недоверию. «Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами» [7, ч. 1, гл. XIII].

2. Из недоверия – всеобщая война всех против всех. «Нет более разумного для человека способа обеспечить свою жизнь, чем принятие предупредительных мер, т. е. силой или хитростью держать в узде всех, кого он может» [7, ч. 1, гл. XIII].

3. Из страха рождается политическая организация общества. «При установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося необходимым следствием естественных страстей людей» [7, ч. II, гл. XVII].

Основная идея сводится к тому, что без внешней власти люди не способны к самоорганизации. В качестве «*опытного*» обоснования Гоббс приводит факт из жизни ... современного ему европейца, который «отправляясь в путь, вооружается и старается идти в большой компании; отправляясь спать, запирает двери...» [7, ч. 1, гл. XIII]. Мало того, что автор рассуждает о *человеке как таковом*, так еще пытается объяснить поведение первобытного человека исходя из реалий Англии XVII в. Далее Гоббс все же приводит в пример дикие племена Америки, которые «не имеют никакого правительства, кроме власти маленьких родов-семей, внутри которых мирное сожителство обусловлено естественными вожелениями...» [7, ч. 1, гл. XIII]. Но этот пример подтверждает прямо противоположное – возможность длительного мирного сосуществования родовых общин. Групповая стратегия выживания очевидно *эффективнее* индивидуальной. Современная биохимия выявила в качестве условия выработки гормона окситоцина, отвечающего за чувство спокойствия и безопасности, нахождение индивида в группе себе подобных. Гоббс не знал о гормональной системе, но тогда о каких *опытных* доказательствах он говорит?

Помимо того, что теория Гоббса не содержит эмпирических данных, она не имеет и логической аргументации. Если человек от природы эгоистичен, то как примитивному обществу удалось на протяжении тысячелетий сохранять себя? Если порядок есть результат естественного договора, то как человек смог добровольно согласиться на ограничение своих прав? Если первичное сообщество людей есть семья и род, то можно ли представлять естественного человека как изолированного индивида? Очевидно, что Гоббс рассуждает исходя из условий *капитализма*, то есть такого общества, где люди испытывают страх за сохранность своей собственности, где господствует жесткая конкурентная борьба, а меньшинство эксплуатирует большинство. Именно для такого общества характерно постоянное ощущение нехватки ресурсов, и господствующее меньшинство предпочитает уменьшать численность большинства, ввергая человечество в перманентную войну. Впрочем, сам Гоббс признает, что войны ведут между собой «короли и лица, облеченные верховной властью», которые «всегда находятся в состоянии непрерывной зависти». Но тут же оправдывает элиты тем, что «они при этом поддерживают трудолюбие своих подданных» [7, ч. 1, гл. XIII]. Этот циничный довод вступает в противоречие с исходным тезисом о «равенстве всех людей»: что дает основание господствующему меньшинству эксплуатировать большинство? И почему «трудолюбие» является добродетелью не общечеловеческой, а лишь «подданных»?

Форматируя общество нового типа, сама интеллектуальная верхушка не разорвала отношения с духовной традицией прошлого, продолжая изучать магию, алхимию, астрологию и оккультные науки. Известно, например, что Ньютон, представляющийся в сознании большинства механиком-материалистом, главным трудом своей жизни считал алхимические исследования: «В 1936 году стало известно о существовании огромных архивов рукописей Нью-

тона религиозного и алхимического содержания» [11]. Личность Ньютона не менее загадочна, а его официальная биография содержит ряд несостыковок. Так, биографы пишут, что Ньютон «искренне считал, что его род восходит к шотландским дворянам XV века, однако историки обнаружили, что в 1524 году его предки были бедными крестьянами», но «к концу XVI века семья разбогатела и перешла в разряд йоменов (землевладельцев)» [16]. Неужели в Англии XVI–XVII вв. выходец из крестьянской семьи сумел окончить привилегированный Кембридж, стал управляющим монетного двора и президентом Королевского общества? Ведь известно, что крестьяне ни при каких обстоятельствах не могли стать землевладельцами. Единственным собственником земли в Англии до сих пор является королевская семья, а правом *пользования* земли наделялись только аристократия и духовенство [14].

Поворотным пунктом в разделении науки на явную и тайную можно считать эпоху Возрождения, время основания Платоновской академии во главе с Марсилио Фичино. Современные элиты являются наследниками тех элит, которые построили общество модерна. Так, Майкл Зиммерман обнаруживает истоки такого явления современности, как трансгуманизм в эпохе Возрождения, и замечает, что ученые «подчас подчищают истоки модерна» для сокрытия факта, что он сформировался под влиянием эзотерических взглядов: «Так называемая «пострелигиозная современность» не преуспела в избавлении от оккультных мечтаний, духовных трансформаций и метафизической тоски... Распад традиционных религиозных, космологических и общественных порядков открыл «пространство возможностей», благодаря которому мыслители, испытавшие влияние различных эзотерических традиций (гностицизма, герметизма, каббалы, розенкрейцерства, масонства и так далее), смогли реализоваться как «серьезные игроки», определившие цели и устремления современности» [25]. Переоткрытие предположительно древних священных рукописей, особенно гностических текстов и «Герметического корпуса», сформировало идеологию интеллектуалов Ренессанса, которые пытались выстроить новую парадигму отношений человека с Богом [12], а механизированную, бездуховную науку элита преподносила массам под видом просвещения. Новая наука представила реальность в виде «объективных законов», не зависящих от чьей-либо воли. В физике это – «всемирное тяготение»; в биологии – «естественный отбор»; в экономике – «невидимая рука рынка»; в политике – «система сдержек и противовесов»; в социологии – «прогресс». Во всех науках Нового времени распространяется идея надчеловеческой силы, направляющей природное и социальное движение... из ниоткуда в никуда.

Своим циничным отношением к народу известен более всего трактат Макиавелли «Государь», описывающий способы достижения власти и управления людьми [18]. Менее известен похожий трактат Джордано Бруно «О связях как таковых» [2]. Бруно описывает механизмы магической манипуляции и дистанционного контроля. Как пишет профессор сравнительного религиоведения Йоан Петру Кулиану, эта работа по своему значению превосходит многие труды по политической и социальной теории современности [3]. «В магических формулах, используемых в трактате Бруно, призывается «Великий Демон» (Daemon Magnus). Первым же это выражение применил Фичино в комментариях к «Пиру» Платона» [17]. То, что Бруно называл «Великим манипулятором», «Великим демоном» и «Великим магом», Гоббс позднее называет «Левиафаном». Сегодня в общественный дискурс вводится понятие «Искусственный интеллект» [24]. Это персонифицированный механизм, работающий на основе человеческих эмоций и желаний и возвышающийся над людьми своей бесстрастностью и неумолимостью подобно древнему Року или Фатуму. Описывая механизмы управления людьми, отделенными друг от друга, замкнутыми на своих собственных потребностях, постоянно озабоченными и враждующими, мыслители Возрождения используют термины «сеть», «капкан», «ловушка», «силки», «приманка» [17]. Наиболее успешное управление то, которое основано на иллюзии удовлетворения эгоистических желаний, особенно эротических. Не улучшение человеческой природы, а использование ее низменных проявлений – похоти, жадности, тщеславия, зависти – является истинной целью манипулятора. Этим объясняется отмечаемое многими историками философии противоречие гуманизма Возрождения, который, с одной стороны, возносит человека до божественных высот, а с другой – низводит его в животное состояние. В действительности это не противоборствующие течения мысли, а выражение *единой* идеологии, призванной разделить общество на господ и рабов.

Выход из кризисной ситуации возможен путем вовлечения философского анализа в сферу научных исследований для решения следующих задач: 1) осознание групповых интересов как движущей силы науки; 2) критический пересмотр научного языка; 3) отказ от догма-

тических притязаний фундаментальных теорий классической науки; 4) создание новой метафизики с использованием древней интеллектуальной традиции; 5) осмысление духовной сущности человека и мира как целого.

Список литературы

1. Алексеев С. О. Введение в общую теорию относительности, ее современное развитие и приложения : учеб. пособие. Екб. : Изд-во Урал. ун-та., 2015. 380 с.
2. Бруно Дж. О связях как таковых. М. : Циолковский, 2018. 176 с.
3. Бовдунов А. Профессор Кулиану и тайная история Запада. Ч. 1. Великий Манипулятор. URL: <https://zavtra.ru/blogs/aleksandr-bovdunov-professor-kulianu-i-tajnaya-istoriya-zapada-chast-1-velikij-manipulyator-2012-11-22-040126> (дата обращения: 04.04.2023).
4. Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Новый органон // Lib.ru. 1935. URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt> (дата обращения: 04.04.2023).
5. Гайденко П. П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. М. : Наука, 1980. 566 с.
6. Гоббс Т. Энциклопедия Кругосвет : универсальная научно-популярная энциклопедия. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/GOBBS_TOMAS.html (дата обращения: 04.04.2023).
7. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt_with-big-pictures.htm (дата обращения: 04.04.2023).
8. Дедова И. А. Язык современной науки как философская проблема // Языки и смыслы : мат-лы XX Междунар. науч. конф. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2022. С. 289–292.
9. Дедова И. А. Лексическая основа научного знания: критический аспект // Научный потенциал. Ч. 2. Чебоксары : Науч.-исслед. ин-т психологии и педагогики, 2021. № 1 (32). С. 21–25.
10. Дедова И. А. Состояние гуманитарных наук в эпоху цифровизации // Цифровой мир: перспективы и угрозы для человеческой цивилизации. Ч. 1. : сб. науч. ст. Ялта : РИО ГПА, 2023. С. 142–146.
11. Дмитриев И. С. Неизвестный Ньютон: силуэт на фоне эпохи. СПб. : Алетейя, 1999. 784 с.
12. Дугин А. Йоан Кулиану: Модерн и черная магия Кибелы. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/yoan-kulianu-modern-i-chernaya-magiya-kibely> (дата обращения: 04.04.2023).
13. Зеленцова М. Г. Современная наука: проблемы и перспективы // Вестник гуманитарного факультета Ивановского гос. химико-технол. университета. 2006. № 1. С. 71–77.
14. Землевладение в старой Англии: история земельного права // Международное право. URL: <https://interlaws.ru/zemlevladienie-v-staroj-anglii-istorija-zemel'nogo-prava/> (дата обращения: 04.04.2023).
15. Иванов И. Новые измерения гравитационной постоянной еще сильнее запутывают ситуацию // Элементы. Новости науки. Физика. 13.09.2013. URL: https://elementy.ru/novosti_nauki/432079 (дата обращения: 01.08.2023).
16. Карцев В. П. Ньютон // Жизнь замечательных людей. М. : Молодая гвардия, 1987.
17. Комогорцев А. Старые волки в новой шкуре: гностические корни трансгуманизма // Изборский клуб. 2023. № 10. С. 92–97.
18. Макиавелли Н. Государь. М. : АСТ, 2023. 416 с.
19. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / под ред. Л. С. Полака. М. : Наука, 1989. 687 с.
20. Привалов Ю., Ожован М., Лощинин М. Как социологию и экономическое знание вернуть в семью объективных наук? Критика современного состояния гуманитарного знания. Ч. 1. Киев : Центр социальных экспертиз, Ин-т социологии Нац. академии наук Украины, 2020. № 11 (3). С. 159–208.
21. Тэйлор Э. Ф., Уилер Дж. А. Физика пространства-времени. М. : Мир, 1971. 319 с.
22. Эйнштейн А. Теория относительности. Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2000. 224 с.
23. Юм Д. Исследование о человеческом разумении. 1748. URL: <http://lib.ru/INOOLD/UM/razumenie.txt> (дата обращения: 04.04.2023).
24. Davis E. Techgnosis: Myth, Magic and Mysticism in the Age of Information. New York : Harmony Books, 2004. Русский перевод: Дэвис Э. Техногнозис. Миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Серия: Philosophy. Екб. : Ультра. Культура, 2008. 480 с.
25. Religious Motifs in Technological Posthumanism by Michael E. Zimmerman // Western Humanities Review. Special issue on Nature, Culture, Technology / Ed. Anne-Marie Feenberg-Dibon and Reginald McGinnis. 2009. Vol. LXIII. № 3. Pp. 67–83. URL: <https://eroskosmos.org/religious-motifs-in-technological-posthumanism/> (дата обращения: 04.04.2023).

Science as Psychotechnology: a critical analysis

Dedova Irina Anatolyevna

PhD in Philosophical Sciences, Volga State Technological University.
Russia, Yoshkar-Ola. E-mail: iraira0906@mail.ru

Abstract. Modern science, the foundations of which were laid in Modern times, proved unable to meet the most important demands of society. The purpose of the article is to find out the reasons for the spiritual failure of science and to show the possibility of its intellectual overcoming by the forces of philosophical analysis. The methodological basis of such an analysis is a systematic approach. The hypothesis of the research is the position that the crisis phenomena of modern society are caused by the transformation of the methodological foundations of science and metaphysical ideas about the essential interrelations of man and the world. Scientific theories exist within the framework of a paradigm, the structure of which is the relationship of metaphysics, metalogics and metaethics. As a result, the study showed that formally denying metaphysics, the science of Modern times actually built a new metaphysics under the guise of "strictly objective" and "grounded" knowledge. Science has become not only a way to find the truth, but also a program to transform people's consciousness, that is, psychotechnology. The works of the founders of classical science are used as arguments, the critical analysis of which showed the inconsistency of their rhetoric with the declared principles of scientific knowledge. The ideologists of the New Time created science for the "enlightenment" of the masses and the formatting of a new type of society. The intellectual elite itself did not break off relations with the spiritual tradition of the past, continuing to study magic, alchemy, astrology and occult sciences. The way out of the crisis situation is possible by involving philosophical analysis in the field of scientific research to solve the following tasks: awareness of group interests as the driving force of science; critical revision of scientific language; rejection of dogmatic claims of fundamental theories of classical science; creation of a new metaphysics using the preclassical intellectual tradition; comprehension of the spiritual essence of man and the world as a whole.

Keywords: metaphysics, methodology, science, scientific language, psychotechnology, social program, elite, empiricism.

References

1. Alekseev S. O. *Vvedenie v obshchuyu teoriyu otnositel'nosti, ee sovremennoe razvitie i prilozheniya : ucheb. posobie* [Introduction to the general theory of relativity, its modern development and applications : textbook]. Ekb. Ural University Publishing House. 2015. 380 p.
2. Bruno Dzh. *O svyazyah kak takovyh* [About connections as they are]. M. Tsiolkovsky. 2018. 176 p.
3. Bovdunov A. *Professor Kulianu i tajnaya istoriya Zapada. Ch. 1. Velikij Manipulyator* [Professor Kulianu and the secret history of the West. Part 1. The Great Manipulator]. Available at: <https://zavtra.ru/blogs/aleksandr-bovdunov-professor-kulianu-i-tajnaya-istoriya-zapada-chast-1-velikij-manipulyator-2012-11-22-040126> (date accessed: 04.04.2023).
4. Bacon F. *Velikoe vosstanovlenie nauk. Novyj organon* [The Great Restoration of Sciences. New organon] // Lib.ru. 1935. Available at: <http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt> (date accessed: 04.04.2023).
5. Gajdenko P. P. *Evoluciya ponyatiya nauki: Stanovlenie i razvitie pervyh nauchnyh programm* [The evolution of the concept of science: The formation and development of the first scientific programs]. M. Nauka (Science). 1980. 566 p.
6. Hobbes T. *Enciklopediya Krugosvet : universal'naya nauchno-populyarnaya enciklopediya* [Encyclopedia Circumnavigation : a universal popular science encyclopedia]. Available at: https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/GOBBS_TOMAS.html (date accessed: 04.04.2023).
7. Hobbes T. *Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or Matter, form and power of the church and civil state]. Available at: http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt_with-big-pictures.htm (date accessed: 04.04.2023).
8. Dedova I. A. *Yazyk sovremennoj nauki kak filosofskaya problema* [The language of modern science as a philosophical problem] // *Yazyki i smysly : mat-ly XX Mezhdunar. nauch. konf.* – Languages and meanings : materials of the XX International Scientific Conference. Novosibirsk. CPI NSU. 2022. Pp. 289–292.
9. Dedova I. A. *Leksicheskaya osnova nauchnogo znaniya: kriticheskij aspekt* [Lexical basis of scientific knowledge: critical aspect] // *Nauchnyj potencial – Scientific potential. Part 2.* Cheboksary. Scientific research. Institute of Psychology and Pedagogy, 2021. No. 1 (32). Pp. 21–25.
10. Dedova I. A. *Sostoyanie gumanitarnykh nauk v epohu cifrovizacii* [The state of the humanities in the era of digitalization] // *Cifrovoj mir: perspektivy i ugrozy dlya chelovecheskoj civilizacii – Digital world: prospects and threats to human civilization. Part 1.* : collection of scientific art. Yalta. RIO GPA. 2023. Pp. 142–146.
11. Dmitriev I. S. *Neizvestnyj N'yuton: siluet na fone epohi* [Unknown Newton: silhouette against the background of the epoch]. SPb. Aleteya. 1999. 784 p.
12. Dugin A. *Joan Kulianu: Modern i chernaya magiya Kibely* [Ioan Kulianu: Modernity and the black magic of Cybele]. Available at: <https://www.geopolitica.ru/article/yoan-kulianu-modern-i-chernaya-magiya-kibely> (date accessed: 04.04.2023).

13. Zelencova M. G. *Sovremennaya nauka: problemy i perspektivy* [Modern science: problems and prospects] // *Vestnik gumanitarnogo fakul'teta Ivanovskogo gos. himiko-tekhnol. universiteta* – Herald of the Faculty of Humanities of the Ivanovo State Chemical-Technol. university. 2006. No. 1. Pp. 71–77.
14. *Zemlevladienie v staroj Anglii: istoriya zemel'nogo prava* – Land ownership in Old England: the history of land law // *Mezhdunarodnoe pravo* – International law. Available at: <https://interlaws.ru/zemlevladienie-v-staroj-anglii-istoriya-zemel'nogo-prava/> (date accessed: 04.04.2023).
15. Ivanov I. *Novye izmereniya gravitacionnoj postoyannoj eshche sil'nee zaputyvayut situaciyu* [New measurements of the gravitational constant confuse the situation even more] // *Elementy. Novosti nauki. Fizika* – Elements. Science news. Physics. 13.09.2013. Available at: https://elementy.ru/novosti_nauki/432079 (date accessed: 01.08.2023).
16. Karcev V. P. *N'yuton* [Newton] // *Zhizn' zamechatel'nyh lyudej* – Life of remarkable people. M. Molodaya gvardiya (Young Guard). 1987.
17. Komogorcev A. *Starye volki v novoj shkure: gnosticheskie korni transgumanizma* [Old wolves in a new skin: Gnostic roots of transhumanism] // *Izborskiy klub* – Izborsky Club. 2023. No. 10. Pp. 92–97.
18. Machiavelli N. *Gosudar'* [Sovereign]. M. AST. 2023. 416 p.
19. Newton I. *Matematicheskie nachala natural'noj filosofii* [Mathematical principles of natural philosophy] / ed. by L. S. Polak. M. Nauka (Science). 1989. 687 p.
20. Privalov Yu., Ozhovan M., Loshchinin M. *Kak sociologiyu i ekonomicheskoe znanie vernut' v sem'yu ob"ektivnyh nauk? Kritika sovremennogo sostoyaniya gumanitarnogo znaniya. Ch. 1* [How can sociology and economic knowledge be returned to the family of objective sciences? Criticism of the current state of humanitarian knowledge. Part 1]. Kiev. Center for Social Expertise, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences. Academy of Sciences of Ukraine. 2020. No. 11 (3). Pp. 159–208.
21. Taylor E. F., Wheeler J. A. *Fizika prostranstva-vremeni* [Physics of space-time]. M. Mir. 1971. 319 p.
22. Einstein A. *Teoriya otnositel'nosti* [Theory of relativity]. Izhevsk. Regular and chaotic dynamics. 2000. 224 p.
23. Hume D. *Issledovanie o chelovecheskom razumenii* [Research on human understanding. 1748]. Available at: <http://lib.ru/INOOLD/UM/razumenie.txt> (date accessed: 04.04.2023).
24. Davis E. *Techgnosis: Myth, Magic and Mysticism in the Age of Information*. New York : Harmony Books, 2004. Transl. in Russ.: *Davis E. Tekhnognoziz. Mif, magiya i misticizm v informacionnuyu epohu* [Technognosis. Myth, magic and Mysticism in the Information Age]. Series: Philosophy. Ekb. Ultra.Kultura. 2008. 480 p.
25. *Religious Motifs in Technological Posthumanism* by Michael E. Zimmerman // *Western Humanities Review. Special issue on Nature, Culture, Technology* / ed. Anne-Marie Feenberg-Dibon and Reginald McGinnis. 2009. Vol. LXIII. No. 3. Pp. 67–83. Available at: <https://eroskosmos.org/religious-motifs-in-technological-posthumanism/> (date accessed: 04.04.2023).

Влияние метафизики Иммануила Канта на формирование и развитие философии Н. А. Бердяева

Шумской Андрей Викторович

кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук,
Уральский государственный университет физической культуры,
Россия, г. Челябинск. ORCID: 0000-0001-9765-8754. E-mail: shav.82@mail.ru

Аннотация. Автор ставит проблему влияния метафизики Иммануила Канта на формирование и развитие философского мировоззрения выдающегося русского философа Николая Бердяева. Актуальность проводимого автором исследования обусловлена слабой степенью разработки среди отечественных и зарубежных историков философии проблемы влияния философии Иммануила Канта на философское творчество Н. Бердяева. Влияние кантовского типа мысли на становление и развитие философского мирозерцания Н. Бердяева до сих пор слабо изучено и почти не затрагивалось исследователями его творчества. Цель исследования состояла в том, чтобы реконструировать рецепцию и понимание Н. Бердяевым сущности и характера метафизики Канта, его типа мысли. Автор стремился показать решающее влияние Канта на формирование Бердяевым теоретико-методологических оснований собственной метафизики, которая в зрелые годы определялась им как религиозный экзистенциализм. Основными методами исследования проблемы являлись методы реконструкции и анализа, синтеза и обобщения, герменевтический подход как философский метод понимания текстов. Хронологические рамки исследования проблемы охватывают период творчества Н. Бердяева с 1910-х по конец 1920-х гг. Показано, что Бердяев относился к философии Канта как важнейшему экзистенциальному событию в истории развития западного духа. В статье сделан вывод, что Бердяев положительно относился к критическому методу Канта, видел в его применении основной метод развенчания иллюзий традиционной метафизики и онтологии. Полученные результаты проведенного исследования могут быть использованы в процессе изучения русской религиозной философии и философского наследия Николая Бердяева.

Ключевые слова: Иммануил Кант, критическая гносеология, Николай Бердяев, метафизика, бытие, рационализм, трансцендентальное сознание, экзистенциальная философия.

Введение. Философское творчество Н. Бердяева, выдающегося представителя русского экзистенциализма и христианского персонализма, оставило значительный след в мировой философии. Духовные и идейные истоки его философского мировоззрения многообразны, и были связаны как с влиянием на него видных философов Запада, так и с выдающимися представителями русской философии и литературы XIX в. Среди западных философов наибольшее влияние на Николая Бердяева оказал Кант, которого он ценил с молодых лет. Обращение к кантианству для Бердяева было важнейшим источником развития собственной философской мысли, мировоззрения в целом. Философию Канта он относил к типу философии свободы, но не до конца развитой. Из всех немецких философов ближе к свободе стоял именно Кант, так как его философия не была монистической [6, с. 498]. Сам Бердяев был верен философии свободы на протяжении всего своего творчества, причем в кантовском ее понимании и постановке [13, с. 909]. Впоследствии Бердяев развил метафизику свободы Канта в экзистенциалистском христианском ключе. Актуальность исследования определяется слабой степенью разработки среди отечественных и зарубежных историков философии проблемы влияния философии Иммануила Канта на философское творчество Н. Бердяева. В связи с этим представляется важным обращение к проблеме реконструкции представлений Бердяева о характере метафизики Канта, интерпретации им его основных идей, влияния Канта на тип философской мысли Бердяева. Хронологические рамки статьи охватывают период творчества Бердяева с 1910-х по конец 1920-х гг., когда он уже твердо стоял на почве религиозной философии и прошел период увлечения критическим марксизмом и идеализмом. Проблема влияния Канта на русскую философскую мысль ставилась не раз отечественными и зарубежными исследователями [11; 14; 20], в то время как проблема влияния Канта на философию Бердяева затрагивалась лишь косвенно в немногочисленных публикациях и по настоящее время еще слабо изучена. Так, М. Силантьева предприняла попытку сравнить трансцендентальную диа-

лектику Канта и экзистенциальную диалектику Бердяева. Автор совершенно обоснованно отмечает критическое усвоение и развитие Бердяевым кантовского трансцендентализма в сторону новой метафизики свободы [17]. Польский исследователь Я. Красицки затронул проблему правды-истины в философии Н. Бердяева в широком историко-философском контексте, а также в отношении к ключевым проблемам философии И. Канта, а также проблему отношения Бердяева к неокантианству [15; 19]. Монографии и диссертации, посвященные проблеме влияния Канта на творчество Н. Бердяева, на сегодняшний день отсутствуют. В связи с этим представляется важным и актуальным обратиться к данной проблеме, которая позволит прояснить истоки формирования философского мышления Бердяева, тип его философского сознания.

Метафизика и гносеология Канта в критической интерпретации Бердяева. Общая оценка Бердяевым философии Канта была с самого начала двойственной. С одной стороны, Канта он считал величайшим из мыслителей в истории западной философии, симптоматично отразившим дух новой эпохи. С другой стороны, мысль Канта представлялась ему слишком наукообразной, дискурсивной и сложной. Бердяев очень рано прошел и усвоил школу Канта, но никогда не считал себя кантианцем в строгом смысле этого слова. Влияние Канта он чувствовал всю свою творческую жизнь. Более всего Бердяева потрясло в Канте его учение о различении порядка природы и порядка свободы, мира ноуменального и мира феноменального, гуманистический дух его этики. По мнению Бердяева, Канту не удалось развить своей метафизики, особенно в области практического разума. В метафизике Канта Бердяеву изначально были чужды его этический формализм, моралистическое истолкование религии, трансцендентность вещей в себе, их непознаваемость, невозможность духовного опыта относительно мира ноуменального, стремление к наукообразности [1, с. 445].

Кант для Бердяева был отправной точкой в теории познания. Развивая гносеологию Канта, Бердяев пришел к своей оригинальной теории познания. Ее суть состояла в критике рационализма, рационализации бытия. Бытие есть конструкт логического мышления, понятие и продукт мысли. До процесса рационализации человек имеет дело с первичным и подлинным бытием, не познаваемым через понятие. Первичный мир соответствует кантовской вещи в себе, тогда как философская категория бытия есть мир явлений. Больше всего Бердяев удивлялся тому, что Кант совсем не объяснил причины непознаваемости мира вещей в себе и открытости для познания только мира явлений [1, с. 447]. Особо гениальным Бердяеву казалось учение Канта о трансцендентной иллюзии разума (Schein).

Бердяев признавал огромные заслуги Канта в области критики старой натуралистической метафизики. Но Кант вместе с тем свидетельствовал о серьезной болезни в бытии человечества – болезни рационализма. Философия Канта имманентно выражала роковой разрыв человека с корнями и истоками бытия. Рационализм Канта подрывал живое и непосредственное мироощущение человека, которое составляет основу христианского мировоззрения. Согласно Бердяеву, кантианство несовместимо с верой в Воскресение Христа и христианской эсхатологией [7, с. 223]. Идущий путем Канта неизбежно жертвует христианским реализмом. Кант как бы закупоривает человеческое сознание в сфере рассудка и мышления. Для Бердяева кантианство являлось продуктом развития протестантизма. Кант был продолжателем дела Лютера, но только в области философии. Тип мысли Канта был тесно связан с протестантизмом. Кант мыслил в рамках протестантской парадигмы и именно поэтому приходит к религии в пределах разума. В философии Канта человек оказывается оторванным от божественной глубины реальности, от бытия духовного. Рассудок и рефлексия становятся как бы сферой бытия человека [7, с. 232]. Германская философия после Канта попыталась пробиться к бытию, но породила ложный идеалистический объективизм.

Протестантизм породил крайне отвлеченную духовность, которая полностью воплотилась в философии Канта. Кант жестко поставил бытие в зависимость от познающего субъекта и его рациональных категорий. Выход из подобного тупика Бердяев видел в переходе к мистической философии, которая исходит не из отвлеченного рассудка, а из органического разума, которому только и открывается глубина реальности. Соединение с реальностью возможно лишь через цельную жизнь духа, то есть разум органический [7, с. 225].

Кант не видит в познании брачной тайны, тайны соединения человека с бытием, отрывает познавательный акт от самой жизни. Между тем истинный смысл познания для Бердяева есть брак познающего с бытием. Критическое мышление Канта как бы отрывается от живого питания и корней бытия, приходит к упразднению бытия и иллюзионизму [7, с. 240]. По-

добного взгляда придерживался и русский философ Е. Трубецкой, который полагал, что метафизика Канта содержала в себе предпосылки иллюзионизма [18, с. 9]. В этом Бердяев видит коренной грех кантианства. Для Бердяева мышление есть бытие, познание есть жизнь и акт, имманентный самой жизни. Субъект и объект принадлежат бытию, тождественны ему. Если в молодые годы Бердяев склонялся к тезису первичности бытия и был еще не вполне свободен от онтологизма, то уже в зрелые годы он намечает полный разрыв с онтологической философией и приходит к тезису примата свободы над бытием.

Новая гносеология в понимании Бердяева должна избежать ошибки смешения первичного и вторичного сознания. Первичное сознание есть живой опыт реальности до ее рационализации. Сущее дано первичному сознанию интуитивно и непосредственно. Сознание вторичное впадает в рационализацию бытия, ему открывается лишь мир объектов [7, с. 254]. Основной гносеологический предрассудок Канта Бердяев связывал с дроблением познания как целостного акта, отождествлением его с рационализацией и дискурсивным мышлением. Все, что находится по ту сторону рассудка, у Канта объявляется химерой и диалектической видимостью разума. Оправдывается лишь та область бытия, которая дана в эмпирическом опыте, и может быть, объективирована и доступна для рассудка. По мнению же Бердяева, Логос и смысл мира могут быть даны в познании только на уровне первичного сознания [7, с. 255].

Основной факт гносеологии, по мнению Бердяева, состоит в том, что познание антропоцентрично, познает конкретный человек, а не «сознание вообще», или, по терминологии Канта, трансцендентальное сознание [7, с. 256]. При этом истинное познание ничего общего не имеет с психологизмом и антропологизмом. Истина достижима лишь на путях космической церковной гносеологии, она раскрывается на почве соборного, а не индивидуального сознания. Соборное сознание не тождественно трансцендентальному сознанию Канта. Его сущность Бердяев видит в действии Духа Божьего, Логоса в философском познании. Приобщение к Божественному Логосу есть благодатное познание внутри церкви как мистического вселенского организма. Большой разум Бердяев называет разумом соборным. Церковно-соборное сознание находится вне сферы объективирования и рационализации бытия, разделения на субъект и объект [7, с. 257]. Сущее дано не рассудочному и индивидуальному сознанию, а лишь церковному и соборному. Живое бытие нельзя вывести из рассудка, оно интуитивно, дано изначально, из него можно только изойти. Дискурсивное мышление не знает путей к бытию, оно лишь конструирует бытие, превращает его в категорию рассудка. Рационалистическое сознание есть болезненное состояние самого бытия, распадение на субъект и объект [7, с. 261].

Ошибка гносеологии Канта, согласно Бердяеву, заключалась в том, что субъект познания и сам познавательный акт изначально противопоставляются бытию. Точка зрения Николая Бердяева состояла в том, что акт познания происходит с самим бытием, осуществляется в его недрах. Сущность познания заключается в творческом приросте бытия, его совершенствовании и развитии, осуществлении ценностей. Акт познания есть творческое просветление самого бытия, самопознание, к которому приобщается конкретный человек. При этом познание не утрачивает конкретного личностного характера. Таким образом, кантовскому трансцендентальному сознанию в гносеологии Бердяев противопоставил творческий мистический реализм, суть которого заключается в том, что истина достижима лишь в церковном соборном сознании и разуме и не может быть достоянием ни автономного разума, ни универсального трансцендентального сознания [7, с. 262]. Для церковного сознания субъект и объект тождественны в духе мистического панонтологизма. Деятельность Логоса, то есть соборного разума, есть осмысливание и просветление бытия, солнечное овладение бытием [7, с. 263].

Путь, которым следует идти, Бердяев определяет как критический сознательный творческий догматизм [7, с. 273]. На этом пути гносеологический критицизм, эмпиризм и рационализм должны быть преодолены и отброшены, потому что находятся в сфере объективации и вторичного рационализированного сознания. Кант самой постановкой вопроса о возможности опыта, который имеет дело с материалом познания и его последующей обработкой рассудком, отделяет субъекта от объекта, мышление от бытия. Опыт Канта не первичный, а рационально конструированный, в нем уже не присутствует живое бытие, а даны лишь явления. Критическая философия Канта была основана на рассечении целостного познавательного акта. Для Бердяева тайна жизни познания заключается в том, что акт познания протекает в недрах самой жизни.

Кант, по мнению Бердяева, ошибался, когда пытался в своей критической философии окончательно преодолеть догматизм. Сам Кант признавал необходимость догматического

метода разума в чистом познании, но к догматизму как определенному типу философствования относился отрицательно, по той причине, что без критики способности самого чистого разума невозможно в познании продвигаться вперед, расширять сферу знания [12, с. 44]. Априоризм Канта был порождением отвлеченного мышления. Бердяев исходил из того, что догматизм неустраним из познавательного акта, сама жизнь познания догматична [7, с. 281]. Выход из того кризиса, в который зашла новоевропейская метафизика, Бердяев видел в преодолении рационалистической субъект-объектной философской парадигмы, обращении к живому духовному опыту в познании. Новая метафизика должна удержать критический дух философии Канта, стремление к тождеству Шеллинга, но прокладывая себе путь через соборный христианский опыт, мистическую Церковь. Наивность старой философии должна быть отброшена. Новая философия должна базироваться на гносеологическом мистическом реализме, одинаково противоположном рационализму, эмпиризму и критицизму [7, с. 282]. Мышление, противопоставляемое бытию, есть продукт рационалистической рефлексии. Существование субъекта и мышления вне бытия есть иллюзия рационализма. Первоначально же дано только живое бытие и отношения внутри него.

Роль Канта в судьбе германской метафизики в интерпретации Бердяева. Немецкая метафизика нового времени в представлении Бердяева – явление исключительное и симптоматичное, корнями уходящее в дух германской мистики. Откровением немецких мистиков стала истина о волюнтаризме, темных истоках бытия. Гносеологический рационализм немецкого идеализма был обратной стороной иррационалистического волюнтаризма германской мистики. В нем исчезает тайна индивидуальной жизни. Так, бытие у Канта оказывается конструкцией трансцендентального сознания. Именно в немецкой метафизике нового времени трагедия познания достигает своей остроты. Кант стал выразителем двух тенденций. С одной стороны, его учение об практическом разуме, воле и царстве свободы явилось выражением и рационалистическим истолкованием волюнтаризма, утверждением религии в пределах разума. С другой стороны, в философии Канта рельефно отображалась имманентная трагедия познания, связанная с прохождением через смерть как неизбежный момент развития духа, погружением в автономность субъекта познания. Трагедия познания в европейской метафизике нового времени была экзистенциальной необратимой трагедией, свидетельствующей о процессе секуляризации в познании, «снятии» трансцендентной санкции с познания, вступлении на путь имманентного познания и испытания свободой. Такова, по мнению Бердяева, была судьба европейской философии. Возврат в докантовский метафизический догматизм после критической философии Канта был уже непродуктивен.

Германская философия всегда стремилась к онтологизму и была охвачена метафизическим духом. Философия Канта в своей сущности была также пронизана метафизическим мотивом, который очень заметен в «Критике практического разума». В учении Канта о практическом разуме волюнтаризм является ключевым и фундаментальным метафизическим основоположением. Бердяев полагал, что учение о волюнтаризме в германской метафизике приобрело односторонний характер. Немецким философам не удалось развить учение о волюнтаризме и пойти дальше. Метафизика после Канта породила лишь идеалистический объективизм и уклонилась в сторону монистической философии. Она больше не удовлетворялась целостностью священного знания докантовской метафизики.

Философия Канта, по мнению Бердяева, была двойственной – статически она принадлежит к трансцендентному типу мысли, но динамически – выражает трагедию познания [3, с. 305]. В этом Николай Александрович видел основной смысл кантианства. Поэтому Кант в истории западной метафизики закладывает новую философскую парадигму субъекта, а не объекта, намечает движение от наивного реализма и благополучия натуралистической онтологии с ее тождеством познающего субъекта и познаваемого объекта к критической метафизике. Кант был более «прогрессивен» в философском отношении по сравнению со своими предшественниками. Однако останавливаться на кантовской философии, по мнению Бердяева, неверно, из Канта надо исходить и двигаться дальше. Философское познание есть неотвратимый и судьбоносный процесс развития духа в сторону секуляризации познания, снятия со знания ореола священности и трансцендентной санкции [7, с. 305]. После Канта философская мысль вступает на имманентный путь познания, который приводит к трагедии в познании. Познающий субъект теряет живую связь с бытием, происходит грехопадение, то есть отпадение от первоначальной цельности. Учение Канта о непознаваемой вещи в себе символизировало онтологический разрыв человека с глубиной бытия. Кант через критику

трансцендентной натуралистической метафизики намечает поворот к имманентной метафизике и вместе с тем создает непроходимую пропасть между миром вещей в себе и миром явлений. Бердяев полагал, что из философии Канта должен быть найден имманентный выход к новой метафизике, преодолевающей онтологический разрыв между субъектом познания и бытием. Метафизика Канта заключала в себе лишь частичную истину.

Германская метафизика после Канта развивалась в ложном направлении монизма, неблагоприятном для апологетики христианского персонализма и экзистенциализма. Неокантианство, возникшее после Канта, затемнило и исказило великое открытие Канта, закрыло его главную метафизическую идею различения вещи в себе и явления. Открытие Канта должно быть по-новому реабилитировано [8, с. 7]. Германская мистика породила великую немецкую философию, но одностороннюю и ограниченную. Высшим откровением германской метафизики становится имманентизм, последовавший после Канта. Для Бердяева имманентизм означает мистическое и религиозное взросление человека. Кант менее всего был выразителем имманентной философии. Он еще был полон пафоса философии трансцендентного типа, что выражалось главным образом в его учении о непознаваемости ноумена и религии только в пределах разума [7, с. 307].

Обратной стороной трансцендентизма Канта было его стремление к научности и позитивизму. Кант был очень зависим от математического естествознания, что ограничивало его философское творчество [10, с. 53]. Творческая философия в представлении Бердяева может быть только догматической и цельной философией, а не критической, скептической и раздвоенной. Творческий догматизм достижим только через творческий акт духа, в то время как критическая рефлексия лишает познавательный акт творческой мощи.

Бердяев полагал, что Кант в своей критической философии очень точно отобразил подзаконную и ветхозаветную природу рационального критического познания. Сознание человека уже не дерзает на творческие акты, оно становится послушным законам и нормам трансцендентального сознания. Общеобязательное послушание трансцендентальным нормам и законам означает пребывание человека в состоянии грехопадения, его подчиненность последствиям греха, то есть необходимости и объективации. Выход из подобного экзистенциального состояния Бердяев видит в творчестве нового бытия. Критическая философия с ее гносеологическими категориями символизировала приспособление к падшему бытию, она соответствовала поработанному состоянию человека. Сознание Канта выражает еще состояние дотворческой эпохи, ему была чужда творческая мораль. Критическая философия есть отражение падшести бытия, но она также необходима, как и государство с его судебной системой и полицией для поработанного грехом человека [10, с. 103–104].

В Канте намечается окончание творческого духа Ренессанса. Пафос Канта уже не выражает радости познания, а становится рефлектирующим сознанием и нуждается в юридическом оправдании. Кант своей критической рефлексией и сомнением подрывает веру в безграничную познавательную мощь человека, что впоследствии особенно в неокантианстве привело к имперсонализму, сциентизму и вытеснению антропологизма в познании [9, с. 158].

Идея объективации в экзистенциальной философии Бердяева. Основную задачу Бердяев видел в том, чтобы развить метафизику Канта, обосновать принципиальную возможность познания мира ноуменального первичным сознанием до всякой рационализации. Бердяев различал два типа сознания: первичное и вторичное. Первичное сознание изначально погружено в глубину первореальности, в нем дано тождество субъекта и объекта. Вторичное сознание находится в сфере объективации духа, связано с распадом на субъект и объект. Впоследствии отчуждение духа Бердяев трактовал как результат процесса объективации и социализации. Объективный мир возникает как продукт объективации сознания. Объективацию Бердяев отождествлял с грехопадением, отпадением человеческого духа от первореальности. Истина для Бердяева заключается в том, что субъект создан Богом, объект же есть создание субъекта. Используя терминологию Канта, он называет субъекта ноуменом, а объект феноменом [1, с. 447]. Реальность не совпадает со сферой бытия и совсем не тождественна понятию объективности. Она представляет собой прежде всего царство свободы и творческого духа, мир до его рационализации и объективации.

В последние годы Бердяев пришел к отрицанию онтологической философии и разрыву с ней. Онтология имеет дело с объективным бытием как продуктом рационализации, в то время как экзистенциальная метафизика прорывается к свободе и субъекту. Кант открывает возможность экзистенциальной философии, но его мысль не пошла этим путем [4, с. 7]. Свой

тип мысли Бердяев определяет как экзистенциальный. Экзистенциальная философия есть философия субъекта, а не объекта, внутреннего существования, а не бытия, свободы, а не необходимости. Существование непроницаемо для объективированного познания, находится вне распада на субъект и объект [1, с. 124]. Философию, исходящую из субъекта, «я», а не объекта, мира, Бердяев относил к христианскому типу мысли, философии духа и личности.

Основную свою метафизическую идею Бердяев формулировал как примат свободы и духа над бытием. Дух и свобода не есть бытие в том виде, как его понимает классическая рационалистическая онтология. Царство Духа есть реальность свободы, творчества и общения в любви личностей. Бытие возникает вследствие направленности духа вовне, оно есть царство детерминации и необходимости [1, с. 621]. Идея объективации становится для Бердяева основной. Она состояла в том, что объективная реальность порождается определенной направленностью духа, сознания, отпавшего от первореальности. Объективированный мир Бердяев трактует как определенное состояние реальности, которое может быть изменено. Объект порождается субъектом уже отпавшим от первореальности. Объективация имеет иррациональный источник и связана с грехопадением человека. Категория бытия есть уже продукт объективации мысли. Бердяев, говоря языком Канта, называет бытие трансцендентальной иллюзией. Подлинная реальность есть первожизнь, а не бытие. Первожизнь есть мир свободы и творческого духа, личности, внутреннего существования. Объективность есть порабощение духа, состояние разобщенности и вражды [2, с. 344]. Свою заслугу Бердяев видел в том, что впервые в истории философского познания подошел к проблеме грехопадения и падшести мира с гносеологической точки зрения. В этом он был прямым наследником и продолжателем Канта, значительно продвинув вперед его метафизику. В своей последней работе «Истина и откровение» Бердяев основную идею экзистенциальной философии видел в том, что экзистенции принадлежит примат над эссенцией. Экзистенциальную философию он определяет как философию опыта и свободы. Кант в своем учении о свободе намечает путь к экзистенциальной философии, но не раскрывает ее. Для Бердяева глубина Existenz и есть свобода, а свобода есть Existenz [5, с. 12].

Заключение. Бердяев относился к метафизике Канта сквозь призму христианского персонализма и мистического реализма. Сознание Канта для него хотя и было пронизано элементами христианской культуры, но было очень отклонено от сознания церковного [8, с. 28]. Философия Канта символизировала для Бердяева отрыв человека от глубины бытия и погруженности его в сферу вторичного рационализированного сознания. Положительное значение философии Канта он видел в критическом методе его философствования, развенчании иллюзий традиционной метафизики и онтологии. Вместе с тем мысль Канта развевалась и осуществлялась в рамках объективированного познания, что для Бердяева являлось большим заблуждением. Кант породил такой тип метафизики, который, с одной стороны, закрывал двери для метафизического познания бытия и духовного опыта, а с другой стороны, открывал перспективу построения подлинной метафизики свободы и духа. Критически усвоив опыт кантовской метафизики, Бердяев уже в 1910–1920-е гг. приходит к своей главной идее, которая состояла в том, чтобы прорвать границы трансцендентального сознания с его незыблемыми и общеобязательными априорными формами и выйти к духовному опыту, экзистенциальной глубине человека.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Малое собрание сочинений. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2016. 672 с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М. : Мир книги : Литература, 2006. 416 с.
3. Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. М. : Астрель, 2007. 1179 с.
4. Бердяев Н. А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности. М. : АСТ, 2007. 381 с.
5. Бердяев Н. А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб. : РХГИ, 1996. 384 с.
6. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М. : Республика, 1995. 383 с.
7. Бердяев Н. А. Русская идея. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2005. 832 с.
8. Бердяев Н. А. Диалектика божественного и человеческого. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2005. 620 с.
9. Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. М. : Канон+, 2002. 448 с.
10. Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2004. 678 с.
11. Калинин Л. А. Кант в русской философской культуре : монография. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. 311 с.

12. Кант И. Критика чистого разума. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2007. 1120 с.
13. Кант: pro et contra. Рецепция идей немецкого философа и их влияние на развитие русской философской традиции. Антология. СПб. : Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2005. 924 с.
14. Кант и философия в России. М. : Наука, 1994. 273 с.
15. Красицки Я. Борьба за правду (Бердяев, Кант и другие) // Соловьевские исследования. 2014. № 2 (42). С. 108–127.
16. Нижников С. А. Творчество Иммануила Канта в диалоге культур России и Запада. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 255 с.
17. Силантьева М. В. И. Кант и Н. Бердяев. Диалектика в трех измерениях. Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Иммануила Канта : труды международного семинара и международной конференции : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 123–133.
18. Трубецкой Е. Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства. М. : Типография «Русская печатня», 1917. 335 с.
19. Krasicki J. Mikolaj Bierdiajew a neokantyzm // Estetyka i Krytyka. 2012. № 26 (4). S. 223–236.
20. Pozzi V. Kant e l'Ortodossia Russa. Accademie ecclesiastiche e filosofia in Russia tra XVIII e XIX secolo. FUP – Collana Premio Istituto Sangalli per la Storia Religiosa. Firenze : FUP, 2017. 218 p.

The influence of Immanuel Kant's Metaphysics on the formation and development of N. A. Berdyaev's philosophy

Shumskoy Andrey Viktorovich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences,
Ural State University of Physical Culture.
Russia, Chelyabinsk. ORCID: 0000-0001-9765-8754. E-mail: shav.82@mail.ru

Abstract. The author poses the problem of the influence of Immanuel Kant's metaphysics on the formation and development of the philosophical worldview of the outstanding Russian philosopher Nikolai Berdyaev. The relevance of the research conducted by the author is due to the weak degree of development among domestic and foreign historians of philosophy of the problem of the influence of Immanuel Kant's philosophy on the philosophical work of N. Berdyaev. The influence of the Kantian type of thought on the formation and development of N. Berdyaev's philosophical worldview has so far been poorly studied and has hardly been touched upon by researchers of his work. The purpose of the study was to reconstruct N. Berdyaev's reception and understanding of the essence and nature of Kant's metaphysics, his type of thought. The author sought to show the decisive influence of Kant on Berdyaev's formation of the theoretical and methodological foundations of his own metaphysics, which in mature years he defined as religious existentialism. The main methods of studying the problem were methods of reconstruction and analysis, synthesis and generalization, hermeneutical approach as a philosophical method of understanding texts. The chronological framework of the study of the problem covers the period of N.'s creativity. Berdyaev from the 1910s to the end of the 1920s. It is shown that Berdyaev treated Kant's philosophy as the most important existential event in the history of the development of the Western spirit. The article concludes that Berdyaev had a positive attitude to Kant's critical method, saw in its application the main method of debunking the illusions of traditional metaphysics and ontology. The results of the research can be used in the process of studying Russian religious philosophy and the philosophical heritage of Nikolai Berdyaev.

Keywords: Immanuel Kant, critical epistemology, Nikolai Berdyaev, metaphysics, being, rationalism, transcendental consciousness, existential philosophy.

References

1. Berdyaev N. A. *Maloe sobranie sochinenij* [Small collection of works]. SPb. Azbuka; Azbuka-Atticus. 2016. 672 p.
2. Berdyaev N. A. *Samopoznanie (Opyt filosofskoj avtobiografii)* [Self-knowledge (The experience of philosophical autobiography)]. M. The world of books: Literature. 2006. 416 p.
3. Berdyaev N. A. *Padenie svyashchennogo russkogo carstva: Publicistika 1914–1922* [The Fall of the Sacred Russian Kingdom: Journalism 1914–1922]. M. Astrel. 2007. 1179 p.
4. Berdyaev N. A. *Duh i real'nost'. Osnovy bogochelovecheskoj duhovnosti* [Spirit and Reality. Fundamentals of God-human spirituality]. M. AST. 2007. 381 p.
5. Berdyaev N. A. *Istina i otkrovenie. Prolegomeny k kritike Otkroveniia* [Truth and revelation. Prolegomena to the criticism of Revelation]. SPb. RHGI. 1996. 384 p.
6. Berdyaev N. A. *Carstvo Duha i carstvo Kesarya* [The Kingdom of the Spirit and the kingdom of Caesar]. M. Respublika (Republic). 1995. 383 p.

7. Berdyaev N. A. *Russkaya ideya* [Russian idea]. M. Eksmo; SPb. Midgard. 2005. 832 p.
8. Berdyaev N. A. *Dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [Dialectics of the divine and human]. M. AST; Kharkiv. Folio. 2005. 620 p.
9. Berdyaev N. A. *Smysl istorii. Novoe srednevekov'e* [The meaning of history. New Middle Ages]. M. Canon+. 2002. 448 p.
10. Berdyaev N. A. *Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka* [The meaning of creativity: The experience of justifying a person]. M. AST; Kharkiv. Folio. 2004. 678 p.
11. Kalinnikov L. A. *Kant v russkoj filosofskoj kul'ture : monografiya* [Kant in Russian philosophical culture : monograph]. Kaliningrad. Publishing House of the I. Kant Russian State University. 2005. 311 p.
12. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Criticism of pure reason]. M. Eksmo; SPb. Midgard. 2007. 1120 p.
13. Kant: *pro et contra. Recepciya idej nemeckogo filozofa i ih vliyanie na razvitie russkoj filosofskoj tradicii. Antologiya* – Kant: pro et contra. Reception of the ideas of the German philosopher and their influence on the development of the Russian philosophical tradition. Anthology. SPb : Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2005. 924 p.
14. *Kant i filosofiya v Rossii* – Kant and philosophy in Russia. M. Nauka (Science). 1994. 273 p.
15. Krasicki Ya. *Bor'ba za pravdu (Berdyaev, Kant i drugie)* [Struggle for the truth (Berdyaev, Kant and others)] // *Solov'evskie issledovaniya* – Solovyov studies. 2014. No. 2 (42). Pp. 108–127.
16. Nizhnikov S. A. *Tvorchestvo Immanuila Kanta v dialoge kul'tur Rossii i Zapada* [Creativity of Immanuel Kant in the dialogue of cultures of Russia and the West]. M. Political Encyclopedia. 2015. 255 p.
17. Silant'eva M. V. I. *Kant i N. Berdyaev. Dialektika v trekh izmereniyah. Kant mezhdru Zapadom i Vostokom. K 200-letiyu so dnya smerti i 280-letiyu so dnya rozhdeniya Immanuila Kanta : trudy mezhdunarodnogo seminara i mezhdunarodnoj konferencii : v 2 ch. Ch. 1* [I. Kant and N. Berdyaev. Dialectics in three dimensions. The kant between the West and the East. To the 200th anniversary of the death and the 280th anniversary of the birth of Immanuel Kant : Proceedings of the international seminar and international conference : in 2 parts. Part 1] / ed. by V. N. Bryushinkin. Kaliningrad. Publishing House of the I. Kant Russian State University, 2005. Pp. 123–133.
18. Trubeckoj E. *Metafizicheskie predpolozheniya poznaniya. Opyt preodoleniya Kanta i kantianstva* [Metaphysical assumptions of cognition. The experience of overcoming Kant and Kantianism]. M. Printing house "Russian Printing house". 1917. 335 p.
19. Krasicki J. *Mikolaj Bierdiajew a neokantyzm* // *Estetyka i Krytyka*. 2012. No. 26 (4). Pp. 223–236.
20. Pozzi V. *Kant e l'Ortodossia Russa. Accademie ecclesiastiche e filosofia in Russia tra XVIII e XIX secolo*. FUP – Collana Premio Istituto Sangalli per la Storia Religiosa. Firenze : FUP, 2017. 218 p.

Гуманистическое наследие Александра Меня в контексте мировоззренческих и методологических проблем образования

Копылов Олег Владимирович

аспирант кафедры культурологии и философии, преподаватель, Колледж профессионального образования, Пермский государственный национальный исследовательский университет.
Россия, г. Пермь. E-mail: ovkopylov@gmail.com

Аннотация. Православный пастырь протоиерей Александр Меня общепризнан выдающимся отечественным деятелем, глубоким научным исследователем и активным подвижником духовной культуры. Он жил и творил в позднюю советскую эпоху, где все более явственно нарастала социокультурная и нравственно-мировоззренческая дестабилизация в жизни общества. Богословское, религиозно-философское и научное наследие Александра Меня, а также его нравственно-патриотическое служение были направлены к сдерживанию дестабилизации. И по сей день его гуманистическое наследие актуально. Оно практически востребовано развивающейся духовной культурой постсоветского общества, религиозноведением и светской системой государственного и муниципального образования. Основная цель статьи – обосновать актуальность, социокультурную и педагогическую значимость гуманистического наследия Александра Меня. Рассмотренный просветительский и педагогический опыт Александра Меня, в основе которого были поставлены диалог и толерантность, позволяет увидеть мировоззренческие и методологические основы гуманистической педагогики. В статье рассмотрены не только теоретические аспекты наследия Александра Меня в образовательной области. Но на примере профессиональной деятельности в педагогике показана практическая значимость методов и принципов гуманистического наследия Александра Меня, продуцирующие формирование климата доверия, открытости, взаимного понимания и гражданского сотрудничества между различными мировоззренческими стратами в малых социальных группах (учебных группах профессионального колледжа). Игнорирование этих методов и принципов порождает напряжения, конфликты, насильственные противостояния и проявления экстремизма. Рассмотренный в рамках данной статьи целый ряд аспектов религиозно-исследовательского, педагогического и гуманитарного наследия Александра Меня могут способствовать более углубленному пониманию социокультурной значимости его воззрений, идей и концептов, а также самого феномена личности Александра Меня.

Ключевые слова: духовная культура, нравственно-патриотическое служение, религиозноведение, мировоззрение, обучение и воспитание, светское образование, диалог и толерантность.

Президент В. В. Путин назвал Александра Меня «наиболее ярким и достойным представителем Русской православной церкви, духовное, творческое, богословское наследие которого «с годами не утратило своей значимости и актуальности» [20]. Будучи авторитетным богословом, историком религии и религиозным философом, А. Меня углубленно занимался исследованиями культуры. Особенно его интересовали мир духовности и с ним связанные практики, традиции, сообщества, учения, а также выдающиеся духовные мыслители. Его исследовательская, просветительская и нравственно-патриотичная деятельность до настоящего времени остается важной темой гуманитарного знания. По признанию зарубежных исследователей, А. Меня стремился к глубокому мировоззренческому осмыслению и разрешению противоречивых гражданственных тенденций российского социума [например, см. 33]. Его энциклопедичное наследие по сей день актуально и востребовано нашим светским государством и светской системой государственного и муниципального образования. Хотя в его наследии нет специальных педагогических сочинений, но оно пронизано академичной толерантностью¹ и обильно насыщено методологическими и этико-психологическими аспектами педагогики².

© Копылов Олег Владимирович, 2023

¹ Толерантностью (от латинского *tolerantia* – терпение) уже после смерти А. Меня стали легально обозначать терпеливое понимание и отношение к чувствам, чужому мнению, вере и мировоззрению другого человека. Однако пастырское, мировоззренческое и патриотично-просветительное служение А. Меня уже многими десятилетиями ранее было пронизано реальной толерантностью [см. 16].

² Такие аспекты, в частности, представлены в его сочинениях: «Мировая духовная культура», «Трудный путь к диалогу», «Александр Меня отвечает на вопросы», а также в его опубликованных беседах и лекциях. Педагогическими аспектами насыщены и его богословские исследования по гомилетике – учению о

Некоторые аспекты богословского, проповеднического и просветительского служения, а также биографии Меня сравнительно обстоятельно освещены в ряде популярных изданий и в воспоминаниях его ближайшего окружения. Однако его реально значимый вклад в исследование религии, развитие культуры, формирование гражданственности и патриотизма, методологические и этико-психологические аспекты педагогики пока получил лишь фрагментарное отражение в отечественных и зарубежных научных изданиях.

Наиболее значимыми и ценными являются исследования известных отечественных и зарубежных философов, историков и религиоведов – С. С. Аверинцева, К. М. Антонова, А. А. Миргородского, Е. Б. Рашковского, К. Ю. Петровой, О. В. Хазанова и Т. Г. Скороходовой. Так, С. Аверинцев в статьях «Миссионер для племени интеллигентов» [1], «На вершине – крест» [2], «Православие», «Христианство в XX веке» [3, с. 346–357; 640–699] определяет значимый вклад А. Меня в православную культуру, указывает на сложности в интерпретации ряда публикаций мыслителя и на необходимость переосмысления его наследия. Философско-религиоведческий анализ К. М. Антонова весьма удачно, хотя и весьма сжато,³ характеризует исследовательское наследие Меня. Украинский исследователь А. А. Миргородский в публикациях «Религиозно-философские взгляды священника Александра Меня» [15] и «Толерантность в контексте религиозно-философского синтеза Александра Меня» [17] предлагает фрагментарный обзор религиозно-философской концепции Меня и его толерантных проявлений. Историк философии Е. Б. Рашковский в статье «Владимир Соловьев и Александр Мень в динамике российской истории» [26] указывает на близость культурно-гуманистических воззрений Меня мировоззрению Владимира Соловьева. Диалогичный метод познания в творчестве Александра Меня подвергают анализу историки К. Ю. Петрова и О. В. Хазанов [22]. Понимание инорелигиозных традиций и непредвзятость Меня при исследовании духовной культуры Востока глубоко изучена востоковедом Т. Г. Скороходовой [29].

Актуальны зарубежные исследования творчества Меня. Такова статья «Александр Мень и русская религиозная мысль в постсоветской ситуации» [33], опубликованная в Оксфордском справочнике по русской религиозной философии. Авторы статьи – Катерина К. Бауэр и Тим Ноубл (Экуменический институт теологического факультета Карлова университета в Праге). Чешские исследователи считают Меня главным представителем русской религиозной философии в СССР во второй половине XX в. (постсталинский период). Анализируя основные богословские концепты А. Меня, они указывают на их духовную связанность с открытостью миру и людям, а также на возможность «сотворчества» между Богом и человечеством. Подробно охарактеризованы концепты А. Меня о свободе и творчестве, составляющие основное содержание его богословской антропологии и богословия культуры.

Время трагической гибели Александра Меня (сентябрь 1990 г.) было для советского государства периодом переломным, породившим новые надежды и ожидания в массовом сознании. Размышляя об изменении мировоззренческой атмосферы в Отечестве и переходе от атеистического к светскому государству, А. Мень полагал, что от «секуляризации государства выигрывает весь наш народ в целом». Он был твердо убежден в том, что светское государство способно надежно защитить гуманистические ценности и свободу совести граждан. При этом, полагал он, законодательство и нормы морали будут содействовать единению граждан, построенному на веротерпимости [15, с. 133].

Поэтому значим представленный в данной статье анализ накопленного в постсоветском обществе опыта взаимоотношения государства с религией (в том числе с нашей крупнейшей конфессией – православием). Анализ содействует также поиску наиболее эффективных гражданственных подходов к этноконфессиональным проблемам. А. Мень был убежден, что в постсоветском обществе «не административные манипуляции и не обожествление власти, а нравственный рост людей» станет решающим фактором для всех сфер жизни [15, с. 133–135]. Гуманистическое наследие А. Меня и его гражданственный подход к взаимосвязи государства и религии позволяют глубже осмыслить и позитивно разрешить ныне сложившуюся противоречивую ситуацию в преподавании объективных знаний о религии в светских школах современной России.

пасторской и проповеднической деятельности. «ГОМИЛЕТИКА, по сути своей, очень близка педагогике», – констатирует изданные в Екатеринбурге В. С. Безруковой «Основы духовной культуры» [8, с. 480].

³ Например, не затронута его педагогическая деятельность, связанная с гражданским образованием.

Ведя широкую просветительскую и образовательную деятельность,⁴ А. Мень продуктивно размышлял и над проблемами образования. В том числе над вопросом взаимосвязи школы и религии, составляющими фундамент религиозного образования.⁵ Формирование мировоззрения россиян и педагогическая деятельность требуют четкого определения своих целей, содержания и методов. Но и религия как одна из исконных мировоззренческих основ социума направлена к воспитанию и духовному развитию человека. Она тоже претендует на онтологический статус в освоении духовной культуры. Поэтому А. Мень выдвигает вопрос: может ли пастырь, излагая знания о религии в широкой аудитории, опираться на академичные (небогословские) основания своей деятельности? Или он обязан обращаться за благословением к церкви как хранительнице «истинных знаний» о религии?

В одном из своих интервью, критикуя атеизм советской школы, А. Мень заявляет, что она обязана воспитывать у учащихся духовные ценности. «Но без Бога не получится», заявляет интервьюер С. Соловьев. А. Мень возражает: «Да, трудно говорить о религии без отсылок к Абсолюту, однако религия в школе не должна быть навязанной» [13]. А. Мень настаивает не только на преподавании в школе объективных знаний о религии, но и на обязательном разделении религиозной и светской педагогики.

Такое разделение сегодня особенно необходимо, поскольку в государственных и муниципальных школах РФ законодательно закреплена система светского образования. Здесь заметим: официально в СССР школа тоже называлась светской. Но в действительности она и советская педагогика демонстрировали *антирелигиозную школу*, в которой образ религии составлял смесь враждебности и невежества [27]. Вследствие воинственной атеистической пропаганды в советской школе ее выпускники понятия «светское» и «атеистическое» отождествляли как синонимы [30]. Потому же – и ввиду инерции массового сознания – некоторые верующие россияне на начальных этапах формирования РФ и модернизации образования опасались, что светская школа и теперь останется антирелигиозной. Но для таких опасений нет никаких оснований. После стремительного развала СССР с его воинствующими идейными установками и навязыванием безбожия в постсоветском государстве решительно введена действительная свобода совести и убеждений.

Опираясь на современную классификацию в религиоведении [24], уточним понятия «религиозная школа», «антирелигиозная школа» и «светская школа». Религиозная школа – самая ранняя форма педагогической деятельности. Она предназначена к восприятию и воспитанию религиозной веры у учащихся. Она также формирует у них навыки защиты и распространения своего вероисповедания. Поньше эта форма образования неотделима от культурной жизни православия и других конфессий с их ведомственными учебными заведениями, в том числе приходскими школами⁶. Религиозная школа, как правило, исключает свободу мировоззренческого выбора для учащихся.

Антирелигиозная школа – образовательный институт, в котором процесс обучения и воспитания направлен на формирование у выпускников предвзятости и нетерпимости по отношению к религии. Такая школа была важным элементом системы атеистического воспитания в СССР. Навязывая учащимся одиозные представления о религии, она отрицала наличие в религии многих общечеловеческих ценностей культуры и морали.

Светская школа близка к методологическим и толерантно-академичным требованиям А. Мень о необходимости представлять школьникам объективные знания о религии и обязательно разделять религиозную и светскую педагогики. В светской школе, независимо от ин-

⁴ Проявляя интерес к теории и практике образования, в конце 80-х гг. XX в. А. Мень открыл воскресную школу в подмосковной Новой деревне, а осенью 1989 г. основал Общедоступный православный университет и вел там занятия. Его публичные лекции звучали в институтах, школах и столичных Домах культуры. Он тесно сотрудничал с наиболее влиятельными средствами массовой информации: радио и телевидением. Первым из российских православных священников А. Мень на Пасху 1990 г. провел публичное выступление перед многотысячной поликонфессиональной аудиторией в спортивном комплексе «Олимпийский».

⁵ Религиозное образование (Religious education) – принятое обозначение различных подходов к преподаванию знания о религии в школе. На наш взгляд, более правильно обозначить эту сферу деятельности не как религиозное, но как *религиоведческое образование* [см. 25, 32].

⁶ По данным Русской Православной Церкви, на 2004 г. при ней действовали 9468 воскресных школ, из них в самой России – 4696 [19]. Помимо того, РПЦ обладает десятками собственных высших и средних учебных заведений.

дивидуальной мировоззренческой позиции учащихся, им преподают объективные знания о религии (история религий, их роль в общественной жизни и культуре). Такая – нейтральная к атеизму и теологии – форма преподавания религии исходит из признания свободы учащегося в выборе веры и из конфиденциальности его религиозных или атеистических убеждений. Светская школа составляет одно из завоеваний демократического и культурного развития человечества. Опираясь на академично-объективные и мировоззренческо-нейтральные методы научной педагогики, она активно содействует реальному обеспечению свободы мировоззрения и совести граждан. Наиболее такая структура необходима в многонациональной и многоконфессиональной стране.

Светская педагогика опирается на парадигму о религии как одном из наиболее глубоких и ярких феноменов этнической и мировой культуры. Для изучения религии и понимания ее реального вклада в историю и культуру неприемлема атеистическая ангажированность, но нет нужды и в ее некритическом восхвалении. Учащимся необходимы знания о религии, свободные от негативной предвзятости и апологии. Именно в этом и состоит исходно-методологическая позиция светской школы. Объективные, непредвзятые знания, как показывает история религиоведческого образования в ряде европейских стран [11], можно получить при использовании продуктивного, толерантного диалога.

Хотя А. Мень был пастырем, искренне преданным православию, но являясь глубоко мыслящей личностью, он стремился к корректному диалогу с приверженцами иных мировоззрений. Диалог выступал в его проповеднической и исследовательской деятельности в качестве академичного инструмента в поиске истины и поддержания его мировоззренческих и методологических принципов [23]. В определении основы диалога Александр Мень исходил из парадигмы понимания и писал: «Люди обычно уподобляются слепцам из индийской притчи, которые пытались определить, что такое слон, ощупывая отдельные части его тела. Ни интуиция, ни эмпирическое, ни логическое знание не могут охватить во всей полноте Многомерную Реальность. Отсюда и разнообразие, противоречивость, расхождение верований. При честном диалоге каждая из сторон должна отчетливо видеть эти расхождения. Иначе возникает путаница, которая мало способствует взаимопониманию» [15, с. 25–26]. Это высказывание он уточняет: понимание другого в диалоге это не простое восприятие информации, но возможность проникнуть за систему, за знаковые символы, к которым апеллирует эта система, для того чтобы наиболее адекватно постичь скрытый в этих системных символах смысл [14]. Основанный и применяемый А. Менем толерантный диалог содействовал этому постижению и становлению любви и согласия в приходах этого «добротного пастыря».

А. Мень выступал против даже скрытно-имплицитного введения религиозных идей в государственное образование. Такую сложную и деликатную сферу культуры и социума, как религия, возможно понять и освоить лишь при открытом диалогичном контакте и толерантном общении, ведущим к взаимопониманию учащихся и педагога. Методы преподавания знаний о религии формировались весьма разнообразно на этапах взаимоотношения нашего государства и религии. В постсоветском обществе возникли особенно серьезные расхождения в понимании места религии в обществе, в школьных программах и выборе методов ее преподавания. Расхождения обусловлены рядом факторов: различием концептуально-методологических позиций между участниками процесса образования и разработчиками образовательной политики; резким различием сложившихся методов в педагогике; некомпетентностью родителей учащихся в понимании места и роли религии в общественной жизни и культуре. Из-за некомпетентности и отсутствия толерантного диалога между участниками образовательного процесса в конце 90-х гг. минувшего века возникла напряженная дискуссия. Она обостряется поныне, провоцируя неумение услышать и понять позицию оппонентов, тем порождая острую конфронтацию [5; 9; 10; 13; 18; 21; 22; 28; 31; 32].

Отсутствие ориентации к диалогу особенно препятствует согласию оппонентов. Некомпетентность же многих из них – следствие серьезных упущений в образовательной и просветительской деятельности, поверхностных знакомств с историей религий и лишь с ее внешними проявлениями. Религия не ограничивается своим вероучением, культом, внешней атрибутикой, артефактами и архитектурой. Следует понимать значимость языка, смысл ритуалов религии, а также своеобразие мировидения, поведения верующих и их ценности. Такое понимание требует толерантных отношений с ними.

Некоторые религиозные деятели утверждают, что «истинное понимание» можно обрести лишь при инициации религиозного способа жизни. Таковое следует осуществлять путем

религиозного воспитания, обучения и непосредственного воцерковления. Подобный путь к «истинному пониманию» реализуют верующие учащиеся религиозной школы, как правило, питомцы семьи, приверженцы православия или иной конфессии. Но таков путь к «истинному пониманию» места и роли религии в истории и культуре, разумеется, не приемлем для системы государственного светского образования. Именно в ней возможно обрести подлинно академичное понимание религии для каждого учащегося, независимо от его этноса, семейного отношения к религии и его мировоззренческих убеждений.

Для А. Меня не было противоречия между наукой и религией. На его взгляд, они дополняют друг друга. Разумеется, некоторое понимание религии доступно любому, независимо от его позиции в мировоззрении. Однако подлинному пониманию и постижению религии, а также становлению собственных мировоззренческих убеждений содействуют гуманитарные и естественные дисциплины, свободные от сакральной ангажированности и опирающиеся на независимо-академическую парадигму. К таковым относятся: история, литература, биология, физика, психология, культурология, этика, эстетика и, конечно же, религиоведение. Содержание и методики этих дисциплин содействуют не только передаче знаний, но и становлению толерантных отношений. Эти методики используются при желании понять язык и опыт других. «Продвинутые» учащиеся, которые начинают идентифицировать собственные гражданские позиции и ценности, наиболее осознанно применяют эти методики и для обогащения самосознания и обеспечения готовности к практической самореализации.

Однако с позиций толерантной педагогики все же не следует резко разграничивать приемы и методики «истинного понимания» с методиками светскими. Как теология, так и религиоведение в исследовании религии и преподавании знаний о ней применяют ряд одинаковых понятий и методик (вера, Абсолют, отношения и прочее), связанные с применением диалога [6]. Наследие А. Меня, основными мировоззренческими аспектами которого являются диалог и толерантность, значимо для религиоведения и теологии. Но на наш взгляд, его наследие наиболее применимо именно в нейтральной светской школе. Полагаем, что для купирования конфронтации оппонентов, снижения напряжений в выборе оптимального подхода к преподаванию знаний о религии в государственной образовательной системе современной России, – также следует опираться на основные аспекты концептуально-методологического наследия А. Меня.

По нашему мнению, основной педагогической методологией в области духовно-нравственного обучения и воспитания может быть только личностно-ориентированное обучение. Это педагогическая методология, центром которой стоит учащийся со своими личностными особенностями. Процесс обучения строится в зависимости от его возможностей, запросов и желаний. Это педагогика, направленная на учащегося, через организацию, кооперацию, коммуникацию, самовыражение, которые обеспечивают у него становление таких компетенций и качеств, как гражданственность и патриотизм.

Для успешного использования предложенной методологии следует придерживаться определенного алгоритма в ходе педагогической деятельности:

1. Погружение учащегося в работу (с помощью спорных вопросов, которые вызывают сильные эмоции и провоцируют раскол в группах, общинах и обществе в целом):

- привлечение внимания;
- интерес к изучаемой проблеме;
- включение критического мышления.

2. Использование разнообразных педагогических методов в изучении или повторении учебного материала.

3. Построение диалогового пространства на занятиях (метод, с помощью которого конструируется общение равных субъектов с целью обмена, осмысления и сопоставления информации).

Применение этой педагогической методологии автор осуществил в занятиях по Основам философии и Всеобщей истории во всех группах I, II и III курса «Колледжа профессионального образования ПГНИУ» в 2018–2022 гг. Диалоговое конструирование учебного материала, сформированное на основе наследия А. Меня, позволило развить у учащихся колледжа такие важные компетенции, как взаимоуважение и патриотизм гражданина России.

Достичь таких результатов можно лишь в толерантном диалоге.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к пониманию того, что мировоззренческие принципы А. Меня способствуют разрешению ряда трудностей в сфере духовно-нравственно-

го образования в Отечестве. Незаменим педагогический опыт А. Меня в применении принципов диалога и толерантности, обогативший методологию духовно-нравственного обучения и воспитания. В частности, приобщение к строгому соблюдению прав человека. А также предотвращение и купирование проявлений агрессии. Поощрение уважения и понимания инакомыслящих. Просветительный и педагогический опыт А. Меня концептуально и эмпирически насытил и усовершенствовал образовательные программы и пособия по формированию культурных и религиозных компетенций.

Список литературы

1. *Аверинцев С.* Миссионер для племени интеллигентов // И было утро... Воспоминание об отце Александре Мене (коллектив авторов). М. : Вита-центр, 1992. С. 326–330.
2. *Аверинцев С.* На вершине – крест // Двадцать лет без отца Александра Меня. И с ним [предисловие, составление Е. Ю. Гениева, ответ. ред. Е. Б. Рашковский]. М. : Центр книги Рудомино, 2010. С. 244–249.
3. *Аверинцев С.* Собрание сочинений / под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова : словарь. София – Логос. Киев : ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. 902 с.
4. Академики требуют обучать теологии, 21.01.1999 // VIVOS VOCO. Февраль, 2002. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/OUTSIDE/-AVE/LETTER.HTM> (дата обращения: 11.11.2022).
5. *Андреева Л., Элбакян Е.* Теология и религиоведение в современной России // НГ-Религии. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2000-06-28/6_theology.html (дата обращения: 11.11.2022).
6. *Антонов К. М.* Зачем церкви религиоведение? // Вопросы теологии. 2020. Т. 2. № 4. С. 576–602.
7. *Антонов К. М.* Мень Александр Вольфович (Владимирович) // Энциклопедия религий / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М. : Академический проект : Гаудеамус, 2008. С. 798–799.
8. *Безрукова В. С.* Основы духовной культуры : энциклопедический словарь педагога. Екатеринбург, 2000. 937 с.
9. *Волин А.* От этого документа веет средневековьем и мракобесием // ГАЗЕТА, 15.11.2002. URL: <https://gazumgu.ru/atheism/learn/volin.htm> (дата обращения: 11.11.2022).
10. *Гинзбург В.* Страна погружается в мракобесие... // Новые известия, 30.07.2004. URL: <https://newizv.ru/news/society/30-07-2004/8714-vitalij-ginzburg-nobelevskij-laureat> (дата обращения: 11.11.2022).
11. *Козырев Ф. И.* Гуманитарное религиозное образование : книга для учителей и методистов. СПб. : РХГА, 2010. 392 с.
12. *Кузнецов М. Н., Понкин И. В.* Бесчестная дискуссия о религиозном образовании в светской школе: ложь, подмены, агрессивная ксенофобия. Правовой анализ. М. : Изд-во Учебно-научного центра доузовского образования, 2005. 219 с.
13. *Мень А., прот.* Беседа о педагогике. Интервью Сергея Соловьева с протоиереем Александром Меном. 20 января 1990. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gHVCJTE4v3w> (дата обращения: 20.11.2022).
14. *Мень А., прот.* Библиологический словарь. В 3 т. М. : Фонд имени Александра Меня, 2002.
15. *Мень А., прот.* Трудный путь к диалогу. М. : Жизнь с Богом, 2008. 368 с.
16. *Миргородский А. А.* Религиозно-философские взгляды священника Александра Меня // Донецкие чтения: Образование, наука и вызовы современности : мат-лы I Международной научной конференции (Донецк, 16–18 мая 2016). Т. 5. Филологические и философские науки / под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. Ростов н/Д : Изд-во Южного федерального университета, 2016. С. 263–269.
17. *Миргородский А. А.* Толерантность в контексте религиозно-философского синтеза Александра Меня // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016. № 3-4 (55). С. 122–125.
18. *Митрохин Н.* Клерикализация образования в России: к общественной дискуссии о введении предмета «Основы православной культуры» в программу средних школ : доклад // Институт изучения религии в странах СНГ и Балтии. URL: <http://religion.gif.ru/clerik/clerik.html> (дата обращения: 11.11.2022).
19. *Никитская Е. А.* Воскресная школа как феномен педагогической действительности. История и современность // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2008. № 9. С. 121–132.
20. Обращение президента РФ В. Путина к участникам мероприятий, посвященных памяти протоиерея Александра Меня // Культурно-просветительский центр «Дубрава». URL: <http://radubrava.ru/2015/09/09/president/> (дата обращения: 11.11.2022).
21. Открытое письмо Бородиной А. В. президенту России В. В. Путину в защиту курса ОПК // Образование и православие. URL: <http://www.orthedu.ru/-news/02-07-07.htm> (дата обращения: 13.11.2022).
22. *Петров А.* Горькие плоды просвещения // Независимая газета, 17.11.2003. URL: https://www.ng.ru/facts/2004-11-17/1_dneprov.html (дата обращения: 11.11.2022).
23. *Петрова К. Ю., Хазанов О. В.* Диалог как форма религиозного осмысления истории на примере творчества отца А. Меня // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 139–145.
24. *Писманик М. Г.* Религия в культуре и гражданском единении : монография. Пермь, 2019. 444 с.
25. *Писманик М. Г.* Светская школа и религия // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 4. С. 165–189.

26. Рашковский Е. Б. Владимир Соловьёв и протоиерей Александр Мень в динамике истории российской // Соловьёвские исследования. 2011. № 2 (30). С. 33–44.
27. Религия в истории и культуре : учебник для вузов / под ред. проф. М. Г. Писманика. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2000. 591 с.
28. Свободный урок? // НП «Родительский комитет». URL: <http://www.r-komitet.ru/obraz/opk-p-03.htm> (дата обращения: 11.11.2022).
29. Скороходова Т. Г. Востоковедное значение трудов А. Меня: актуальный аспект // ВОСТОК (ORIENS). 2011. № 5.
30. Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / пер. с англ. О. Б. Леонтьевой, науч. ред. М. Ю. Смирнов. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 551 с.
31. Теология в государственной системе образования России : мат-лы Круглого стола, 29 февраля 2000 г., г. Москва // VIVOS VOCO, февраль 2002. URL: <http://www.1543.su/VIVOVOCO/OUTSIDE/AVE/THEOLOGY.HTM> (дата обращения: 11.11.2022).
32. Шахнович М. Религия в школе: современный европейский ландшафт // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 4 (35). С. 30–45.
33. Kocandrl Bauer K., Noble T. Alexander Men and Russian Religious Thought in the Post-Soviet Situation : The Oxford Handbook of Russian Religious Thought / ed. by Caryl Emerson, George Pattison, Randall A. Poole. Oxford : Oxford University Press, 2020. Pp. 638–640.

The humanistic legacy of Alexander Men' in the context of ideological and methodological problems of education

Kopylov Oleg Vladimirovich

postgraduate student of the Department of Cultural Studies and Philosophy, lecturer, College of Professional Education, Perm State National Research University. Russia, Perm. E-mail: ovkopylov@gmail.com

Abstract. Orthodox pastor Archpriest Alexander Men' is generally recognized as an outstanding national figure, a deep scientific researcher and an active ascetic of spiritual culture. He lived and worked in the late Soviet era, where socio-cultural and moral and ideological destabilization in the life of society was growing more and more clearly. The theological, religious, philosophical and scientific heritage of Alexander Men', as well as his moral and patriotic ministry were aimed at deterring destabilization. To this day, his humanistic legacy is relevant. It is practically in demand by the developing spiritual culture of post-Soviet society, religious studies and the secular system of state and municipal education. The main purpose of the article is to substantiate the relevance, socio-cultural and pedagogical significance of the humanistic heritage of Alexander Men'. The considered educational and pedagogical experience of Alexander Men', which was based on dialogue and tolerance, allows us to see the ideological and methodological foundations of humanistic pedagogy. The article considers not only the theoretical aspects of Alexander Men's legacy in the educational field. But on the example of professional activity in pedagogy, the practical significance of the methods and principles of the humanistic heritage of Alexander Men' is shown, producing the formation of a climate of trust, openness, mutual understanding and civil cooperation between various ideological strata in small social groups (vocational college study groups). Ignoring these methods and principles generates tensions, conflicts, violent confrontations and manifestations of extremism. Considered in the framework of this article, a number of aspects of the religious research, pedagogical and humanitarian heritage of Alexander Men' can contribute to a more in-depth understanding of the socio-cultural significance of his views, ideas and concepts, as well as the phenomenon of the personality of Alexander Men'.

Keywords: spiritual culture, moral and patriotic service, religious studies, worldview, education and upbringing, secular education, dialogue and tolerance.

References

1. Averincev S. *Missioner dlya plemeni intelligentov* [A missionary for a tribe of intellectuals] // *I bylo utro... Vospominanie ob otce Aleksandre Mene (kollektiv avtorov)* – And it was morning... Remembrance of Father Alexander Mena (collective of authors). M. Vita-center. 1992. Pp. 326–330.
2. Averincev S. *Sobranie sochinenij* [Collected works] / ed. by N. P. Averintseva and K. B. Sigova : dictionary. Sofia – Logos. Kiev. DUKH I LITERA. 2005. 902 p.
3. Averincev S. *Na vershine – krest* [At the top there is a cross] // *Dvadcat' let bez otca Aleksandra Menya. I s nim [predislovie, sostavlenie E. Yu. Genieva, otvet. red. E. B. Rashkovskij]* – Twenty years without my father Alexander Men'. And with him [preface, compilation by E. Yu. Geniev, reply. ed. by E. B. Rashkovsky]. M. Rudomino Book Center. 2010. Pp. 244–249.

4. *Akademiki trebuyut obuchat' teologii*, 21.01.1999 – Academicians demand to teach theology, 21.01.1999 // VIVOS VOCO. February, 2002. Available at: <http://vivovoco.astronet.ru/OUTSIDE/-AVE/LET-TER.-HTM> (date accessed: 11.11.2022).
5. *Andreeva L., Elbakyan E. Teologiya i religiovedenie v sovremennoj Rossii* [Theology and religious studies in modern Russia] // *NG-Religii – NG-Religion*. Available at: https://www.ng.ru/ng_religii/2000-06-28/6_theology.html (date accessed: 11.11.2022).
6. *Antonov K. M. Zachem cerkvi religiovedenie?* [Why does the church need religious studies?] // *Voprosy teologii – Questions of theology*. 2020. Vol. 2. No. 4. Pp. 576–602.
7. *Antonov K. M. Men' Aleksandr Vol'fovich (Vladimirovich)* [Men' Alexander Volfovich (Vladimirovich)] // *Enciklopediya religii – Encyclopedia of Religions* / ed. by A. P. Zabayko, A. N. Krasnikova, E. S. Elbakyan. M. Akademicheskij Proekt (Academic Project); Gaudeamus. 2008. Pp. 798–799.
8. *Bezrukova V. S. Osnovy duhovnoj kul'tury : enciklopedicheskij slovar' pedagoga* [Fundamentals spiritual culture : an encyclopedic dictionary of a teacher]. Yekaterinburg. 2000. 937 p.
9. *Volin A. Ot etogo dokumenta veet srednevekov'em i mrakobesiem* [This document smells of the Middle Ages and obscurantism] // *GAZETA – NEWSPAPER*. 15.11.2002. Available at: <https://razumru.ru/atheism/learn/volin.htm> (date accessed: 11.11.2022).
10. *Ginzburg V. Strana pogruchaetsya v mrakobesie...* [The country is plunging into obscurantism...] // *Novye izvestia – New news*, 30.07.2004. Available at: <https://newizv.ru/news/society/30-07-2004/8714-vitalij-ginzburg-nobelevskij-laureat> (date accessed: 11.11.2022).
11. *Kozyrev F. I. Gumanitarnoe religioznoe obrazovanie : kniga dlya uchitelej i metodistov* [Humanitarian religious education : book for teachers and methodologists]. SPb. RHSA. 2010. 392 p.
12. *Kuznecov M. N., Ponkin I. V. Beschestnaya diskussiya o religioznom obrazovanii v svetskoj shkole: lozh', podmeny, agressivnaya ksenofobiya. Pravovoj analiz* [Dishonest discussion about religious education in a secular school: lies, substitution, aggressive xenophobia. Legal analysis]. M. Publishing house of the Educational and Scientific Center of pre-university education. 2005. 219 p.
13. *Men' A., prot. Beseda o pedagogike. Interv'yu Sergeya Solov'eva s protoiereem Aleksandrom Menem. 20 yanvarya 1990* – Alexander Men', prot. [A conversation about pedagogy. Interview of Sergei Solovyov with Archpriest Alexander Men']. January 20, 1990. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=gHVCJTJE4v3w> (date accessed: 20.11.2022).
14. *Men' A., prot. Bibliologicheskij slovar'. V 3 t. – Men' A., prot.* [Bibliological dictionary. In 3 vols]. M. Alexander Men' Foundation. 2002.
15. *Men' A., prot. Trudnyj put' k dialogu* [The difficult path to dialogue]. M. Life with God. 2008. 368 p.
16. *Mirgorodskij A. A. Religiozno-filosofskie vzglyady svyashchennika Aleksandra Menya* [Religious and philosophical views of the priest Alexander Men'] // *Doneckie chteniya: Obrazovanie, nauka i vyzovy sovremenosti : mat-ly I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Doneck, 16–18 maya 2016)* – Donetsk readings: Education, Science and challenges of modernity : materials of the I International Scientific Conference (Donetsk, May 16–18, 2016). Vol. 5. Philological and Philosophical sciences / under the gen. ed. of Prof. S. V. Bespalova. Rostov-na-Donu. Publishing House of the Southern Federal University. 2016. Pp. 263–269.
17. *Mirgorodskij A. A. Tolerantnost' v kontekste religiozno-filosofskogo sinteza Aleksandra Menya* [Tolerance in the context of the religious and philosophical synthesis of Alexander Men'] // *Aktual'nye voprosy obshchestvennyh nauk: sociologiya, politologiya, filosofiya, istoriya* – Topical issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history. 2016. No. 3-4 (55). Pp. 122–125.
18. *Mitrohin N. Klerikalizaciya obrazovaniya v Rossii: k obshchestvennoj diskussii o vvedenii predmeta "Osnovy pravoslavnoj kul'tury" v programmu srednih shkol : doklad* [Clericalization of education in Russia: towards a Public Discussion on the introduction of the subject "Fundamentals of Orthodox Culture" into the secondary school curriculum : report] // *nstitut izucheniya religii v stranah SNG i Baltii – Institute for the Study of Religion in the CIS and Baltic Countries*. Available at: <http://religion.gif.ru/clerik/clerik.html> (date accessed: 11.11.2022).
19. *Nikitskaya E. A. Voskresnaya shkola kak fenomen pedagogicheskoy dejstvitel'nosti. Istoriya i sovremenost'* [Sunday school as a phenomenon of pedagogical reality. History and modernity] // *Vestnik PSTGU – Vestnik PSTGU*. Series 4: Pedagogy. Psychology. 2008. No. 9. Pp. 121–132.
20. *Obrashchenie prezidenta RF V. Putina k uchastnikam meropriyatij, posvyashchennyh pamyati protoiereya Aleksandra Menya* – Address of the President of the Russian Federation V. Putin to the participants of the events dedicated to the memory of Archpriest Alexander Men' // *Kul'turno-prosvetitel'skij centr "Dubrava" – Cultural and educational Center "Dubrava"*. Available at: <http://radubrava.ru/2015/09/09/president/> (date accessed: 11.11.2022).
21. *Otkrytoe pis'mo Borodinoj A. V. prezidentu Rossii V. V. Putinu v zashchitu kursa OPK* – An open letter by A. V. Borodina to the President of Russia V. V. Putin in defense of the course of the defense industry // *Obrazovanie i pravoslavie – Education and Orthodoxy*. Available at: <http://www.orthedu.ru/news/02-07-07.htm> (date accessed: 13.11.2022).
22. *Petrov A. Gor'kie plody prosveshcheniya* [Bitter fruits of enlightenment] // *Nezavisimaya Gazeta – The Independent Gazette*, 17.11.2003. Available at: https://www.ng.ru/facts/2004-11-17/1_dneprov.html (date accessed: 11.11.2022).

23. Petrova K. Yu., Hazanov O. V. *Dialog kak forma religioznogo osmysleniya istorii na primere tvorchestva otca A. Menya* [Dialogue as a form of religious understanding of history on the example of the creativity of Father A. Men'] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Herald of Tomsk State University. History*. 2017. No. 50. Pp. 139–145.
24. Pismanik M. G. *Religiya v kul'ture i grazhdanskom edinenii : monografiya* [Religion in culture and civic unity : monograph]. Perm. 2019. 444 p.
25. Pismanik M. G. *Svetskaya shkola i religiya* [Secular school and religion] // *Social'no-gumanitarnye znaniya – Social and humanitarian knowledge*. 2000. No. 4. Pp. 165–189.
26. Rashkovskij E. B. *Vladimir Solov'yov i protoierej Aleksandr Men' v dinamike istorii rossijskoj* [Vladimir Solovyov and Archpriest Alexander Men' in the dynamics of Russian history] // *Solov'evskie issledovaniya – Solovyov Studies*. 2011. No. 2 (30). Pp. 33–44.
27. *Religiya v istorii i kul'ture : uchebnik dlya vuzov – Religion in history and culture : textbook for universities* / ed. by prof. M. G. Pismanik. M. UNITY-DANA. 2000. 591 p.
28. *Svobodnyj urok? – Free lesson?* // NP "Roditel'skij komitet" – NP "Parent Committee". Available at: <http://www.r-komitet.ru/obraz/opk-p-03.htm> (date accessed: 11.11.2022).
29. Skorohodova T. G. *Vostokovednoe znachenie trudov A. Menya: aktual'nyj aspekt* [The Oriental significance of the works of A. Men': an actual aspect] // *VOSTOK (ORIENS) – EAST (ORIENS)*. 2011. No. 5.
30. Smolkin V. *Svyato mesto pusto ne byvaet: istoriya sovetskogo ateizma* [The Holy place is never empty: the history of Soviet atheism] / transl. from English by O. B. Leontieva, scientific ed. by M. Y. Smirnov. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Review). 2021. 551 p.
31. *Teologiya v gosudarstvennoj sisteme obrazovaniya Rossii : mat-ly Kruglogo stola, 29 fevralya 2000 g., g. Moskva – Theology in the state education system of Russia : Round Table proceedings, February 29, 2000, Moscow* // VIVOS VOCO, February 2002. Available at: <http://www.1543.su/VIVOVOCO/OUTSIDE/AVE/THEOLOGY.HTM> (date accessed: 11.11.2022).
32. Shahnovich M. *Religiya v shkole: sovremennyy evropejskij landshaft* [Religion at school: modern European landscape] // *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom – State, religion, church in Russia and abroad*. 2017. No. 4 (35). Pp. 30–45.
33. Kocandrl Bauer K., Noble T. *Alexander Men and Russian Religious Thought in the Post-Soviet Situation : The Oxford Handbook of Russian Religious Thought* / ed. by Caryl Emerson, George Pattison, Randall A. Poole. Oxford : Oxford University Press, 2020. Pp. 638–640.

Опыт выявления гносеологического содержания экзистенциальной прозы А. С. Грина (на материале романа «Бегущая по волнам»)

Киричек Александр Владимирович¹, Ходикова Нина Анатольевна²

¹кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии,
Академия Государственной противопожарной службы МЧС России.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-0771-2815. E-mail: kirichek70@mail.ru

²кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии,
Академия Государственной противопожарной службы МЧС России.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-2415-6267. E-mail: 5856243@mail.ru

Аннотация. Одним из путей, позволяющих сделать изучение философии более интересным и увлекательным, является использование произведений художественной литературы, прежде всего, отечественной. Рассмотрение содержания последних сквозь призму категорий и понятий философии способно активизировать критическое мышление обучающихся, развить их творческие способности. Однако подавляющее большинство исследований, нацеленных на изучение философского содержания литературных произведений, посвящено проблемам онтологии, антропологии и социальной философии, тогда как вопросы теории познания остаются на дальней периферии подобных изысканий. Одна из причин такой ситуации заключается в том, что довольно сложно подобрать произведения, обладающие достаточно богатым гносеологическим содержанием. Одним из литературных произведений, дающих богатый материал для гносеологического анализа, является экзистенциальный роман Александра Грина «Бегущая по волнам». Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы эксплицировать теоретико-познавательное содержание данного произведения. Для реализации этой цели были привлечены различные виды анализа (гносеологический, сравнительный, литературоведческий, психологический), а также принципы и правила герменевтики. В статье показано, что главные герои романа – Томас Гарвей и Биче Сениэль – используют различные познавательные стратегии, являющиеся следствием их противоположных взглядов на антитезу «рациональное – мистическое». Однако при этом мистическое познание не столько противопоставляется рациональному, сколько трактуется в качестве дополнения и расширения последнего. Также в романе поднимается тема понимания, которое возможно только как взаимопонимание и предполагает деятельную любовь, рассматривается проблема истины как вопрос о выборе между подлинным и ложными путями овладения Несбывшимся. В заключении делается вывод, что гносеология Грина аксиологична, ибо неразрывно связана с антициентистским мировидением писателя. Полученные результаты могут быть использованы в процессе преподавания философии: приводятся вопросы и задания по произведению, адресованные обучающимся вузов и колледжей.

Ключевые слова: гносеология, понимание, Александр Грин, рациональное, мистическое, истина, преподавание философии, художественное произведение.

Введение. В современных условиях, когда темп социальных изменений постоянно увеличивается, когда на наших глазах резко изменяются контуры мировой цивилизации, модернизация высшего образования представляется необходимым и перманентным процессом, который затрагивает как содержание, так и методическое оснащение всех учебных дисциплин. Несмотря на многовековую историю, философия также не может остаться в стороне от новаций, ибо ее окостенение как с содержательной, так и методической стороны, чревато далеко идущими негативными последствиями для духовной жизни всего общества, что достаточно ярко продемонстрировал опыт преподавания диалектического и исторического материализма в советскую эпоху. Поэтому долгом каждого преподавателя философии является не только наполнение учебного курса новым содержанием, но и расширение арсенала используемых методик, которые, идя в ногу со временем, могли бы более качественно помогать решать задачи по развитию мышления обучающихся, оказывая в то же время позитивное влияние на их мировоззрение.

Одним из путей, способных сделать изучение философии более интересным и увлекательным делом, представляется широкое использование произведений художественной литературы, прежде всего, отечественной. Следует сказать, что на сегодня сложилась парадок-

сальная ситуация. С одной стороны, еще более ста лет назад авторитетные отечественные мыслители указывали на то, что «русская художественная литература является кладом самобытной русской философии» [21, с. 74], вторя им, современные исследователи продолжают множить научные и публицистические труды, посвященные экспликации философского содержания произведений художественной литературы, выполненные зачастую на стыке литературоведения и философии. В частности, можно отметить работы Е. Н. Бондаренко, Ключаревой и других [6; 17; 18].

Но, с другой стороны, результаты этих исследований, как правило, мало проникают в учебные курсы, а опыт вычерпывания философских смыслов в литературных творениях не получает широкого распространения среди обучающихся вузов. Возможно, одна из причин связана с тенденцией по постоянному усечению количества часов, отводимых на философию, в результате которой преподавателю с каждым новым витком «оптимизации любознательности» приходится буквально впихивать прежние объемы во все уменьшающуюся «шагреновую кожу» часов и зачетных единиц. В результате педагог оказывается в ситуации, когда хорошо бы успеть дать самое главное, которое зачастую оценивается обучающимися и как самое скучное, а на «развлекательное», на то, что способно вызвать живой интерес студентов и в то же время заставить их мозг активно работать и развиваться, обычно времени практически не остается.

По нашему убеждению, однако, есть и другие основания, замедляющие внедрение анализа художественной литературы в программы философии (и конечно, некоторых других социогуманитарных дисциплин). В частности, далеко не все разделы философии в равной мере оказываются конгруэнтными тому философскому содержанию, которое можно извлечь из романа, повести, рассказа, новеллы или стихотворения. Действительно, даже самый краткий взгляд на исследования, выполненные на стыке литературоведения и философии, показывает, что чаще всего в центре внимания оказывается философско-антропологическая проблематика, то есть темы свободы, любви, смысла жизни, одиночества, творчества и тому подобное [20; 26], в меньшей степени – социально-философская и онтологическая тематика (проблемы мироустройства, восприятие пространства и времени, социальные последствия развития техники и тому подобное) [1; 23], наконец, гносеологическому содержанию повезло, видимо, меньше всего – оно остается на дальней периферии таких исследований. Внести вклад в восполнение этого пробела и призвана настоящая статья.

Таким образом, актуальность экспликации гносеологического содержания литературного произведения обусловлена, с одной стороны, необходимостью внедрения в педагогический процесс новых образовательных технологий, и с другой стороны, имеющимся налицо дефицитом исследований, в которых осуществлялся бы такой исследовательский поиск. Для изучения было выбрано одно из самых известных сочинений экзистенциальной прозы Александра Грина (1880–1932) – роман «Бегущая по волнам» (1927), который удобен тем, что не только обладает богатым и разноплановым философским содержанием, но также отличается компактностью, доступностью, дважды – в 1967 и 2007 гг. – был экранизирован.

Необходимо подчеркнуть, что данный роман Грина хорошо изучен, прежде всего, с литературоведческой точки зрения [17; 18; 19; 30], также рассматривалось его антропологическое и онтологическое своеобразие [4; 14; 15], а вот его гносеологическое содержание до настоящего времени не становилось предметом философской рефлексии, несмотря на то, что автором ставится и решается целый спектр проблем, имеющих как прямое, так и косвенное отношение к теории познания.

Исходя из вышеизложенного, цель работы заключается в выявлении гносеологического содержания указанного романа, в качестве конкретизации цели были определены следующие задачи:

- 1) определить основные гносеологические проблемы и темы в романе;
- 2) рассмотреть варианты их решения, представленные автором;
- 3) проанализировать центральные гносеологические категории и понятия;
- 4) наметить пути использования романа при изучении вопросов гносеологии в курсе философии.

Теоретические основы (методология исследования). Для достижения поставленной цели и решения сформулированных задач в качестве центральной методологической процедуры был избран гносеологический анализ. Суть последнего видится в экспликации теоретико-познавательных проблем и категорий (понятий), поставленных и используемых в романе, в выявлении и уточнении гносеологических позиций главных героев, практикуемых ими по-

знавательных стратегий (своего рода их «гносеологических кредо»). В качестве дополнительных привлекались другие виды анализа – сравнительный, литературоведческий, психологический, а также применялись принципы и правила герменевтики.

Надо отметить, что на сегодня нет хорошо и глубоко разработанной методологии выявления философского содержания литературных произведений. Представляется, что решать эту задачу можно двумя путями. Первый условно можно назвать «гносеологией сверху» – он связан с наложением на текст романа категориально-понятийной сетки гносеологии. Его реализация предполагает сначала нахождение в тексте проблем, тем и понятий, традиционно исследуемых и используемых в теории познания, а затем рассмотрение того, как эти темы раскрываются, проблемы решаются, а понятия осмысливаются (интерпретируются) автором и героями произведения (например, поиск в повествовании понятий истины, заблуждения, субъекта познания, средств познания, нахождения следов и признаков агностицизма, скептицизма, гносеологического оптимизма, соотношения эмпирического и теоретического, чувственного и рационального и тому подобное). Вторая стратегия, именуемая «гносеологией снизу», предполагает в качестве исходного не проблемно-понятийное поле гносеологии, а само литературное произведение, которое подлежит бережному рассмотрению как особый самобытный и целостный мир с присущими ему законами и правилами, своеобразным хронотопом, мир, в который познание вплетено как его органическая часть, а герои выступают носителями уникальных мировоззрений, следствиями которых оказываются используемые ими познавательные стратегии. При этом, исходя из методологического принципа дополнительности, одновременное использование обеих подходов представляется не только возможным, но и наиболее продуктивным.

Результаты. Прежде чем перейти к гносеологическому анализу произведения, следует отметить, что «Бегущая по волнам» занимает в творческом наследии А. С. Грина особое место. В отличие от подавляющего большинства других его романов и рассказов, включая и феерию «Алые паруса», где мистическое если и присутствует, то незримо (за исключением, пожалуй, летающего человека в «Блестящем мире»), где явно или подспудно проводится мысль, что чудеса надо делать своими руками, в «Бегущей по волнам» мистическое персонализировано в образе божественной и в то же время вполне осязаемой девушки Фрези Грант, не только обладающей такими сверхспособностями, как умение бегать по волнам, подчинять себе волю других людей, предвидеть ход событий, но и могущей в критический момент спасти главного героя, телекинетически отведя от него удар 20-ти пудовой штамбы. В конечном же счете Фрези, как показано в работе [13], становится режиссером ключевых событий романа, помогая Гарвею обрести если не само Несбывшееся, то, по меньшей мере, любимую женщину как верную спутницу в вечной охоте за таковым.

Несмотря на то, что роман «Бегущая по волнам» посвящен, прежде всего, философско-антропологическим проблемам, он, тем не менее, в то же время обладает и достаточно богатым гносеологическим содержанием, которое, однако, не лежит на поверхности – чтобы его выявить, для начала необходимо взглянуть сквозь призму некоторых категорий теории познания на центральный конфликт произведения, которым выступает столкновение мировоззрений двух главных героев – романтического, чувственно-мистического мировидения Томаса Гарвея и рассудочно-рационального миропонимания Биче Сениэль.

Двое молодых людей, парень и девушка, принадлежащие к одному социальному слою – образованных аристократов, и к тому же тянущиеся друг к другу, неожиданно расстаются в тот самый момент, когда любовь Гарвея к Биче достигает своего апогея. Причина кроется в несовместимости точек зрения на мистическую реальность: несмотря на то, что Гарвей совершенно не похож на сумасшедшего или лгуна, Биче упорно отказывается верить в то, что его встреча с легендарной Фрези Грант была реальной.

По сути, перед нами наглядно-образное воплощение оппозиции «рациональное – иррациональное». Биче представляет полюс разума, науки, что, однако, не делает ее бесчувственной, неспособной на сильные эмоции: она не только переживает по поводу идейных расхождений с Гарвеем, но и не может долго находиться на семейном корабле, оскверненном Гезом и его командой. Тем не менее Биче готова признать лишь то, что не противоречит ее рационально-научной картине мира: несмотря на то, что чудесное едва ли не силой пытается проникнуть в ее жизнь, девушка активно его выпроваживает, то есть отрицает, открыто признаваясь в своей слепоте к миру чудес [10, с. 172] – по сути тому самому «миру духов», о котором писал Гете в «Фаусте» [8, с. 247]. Биче также предельно рациональна в поступках, все обдумыв-

вает, рассчитывает и взвешивает. У нее прекрасная память, она хорошо рисует – настолько хорошо, что ее рисунки напоминают своей точностью чертежи, то есть также носят скорее рациональный, чем эмоциональный характер. В вопросе о познаваемости мира позиция Биче в то же время близка к *скептицизму*: не будет преувеличением сказать, что у нее прекрасно развито *критическое мышление* [29, с. 12], но именно оно и мешает ей поверить в реальность Фрези Грант.

Гарвей, напротив, деятельно открыт чуду, он готов пойти за внутренним голосом (который, как выяснится позже, принадлежит Фрези Грант), даже если тот толкает его на безрассудство – будь то путешествие на корабле в компании с незнакомым капитаном, имеющим весьма сомнительную репутацию, или же отчаянный бросок на защиту каменной статуи, к «телу» которой устремлена мчащаяся на всех парах двадцатипудовая чугунная штамба. Разумеется, Гарвей, как и любой вменяемый человек, иррационален лишь изредка – в отдельные, узловы́е моменты жизни (моменты экзистенциального выбора), что, однако, не превращает его в рационалиста-скептика.

Именно открытость мистическому измерению бытия, умение смотреть на мир открытыми глазами (то есть не отвергать заранее альтернативные точки зрения) делает Гарвея способным видеть то, что скрыто от большинства людей, коими являются обитатели профанного мира. Иными словами, Томас обладает *сенситивностью к чудесному*, даже сам настойчиво предлагает «знакам и фигурам» войти в его жизнь, чтобы «озарить и стереть» «ржавчину Несбывшегося» [10, с. 13]. То же самое можно сказать и о Дэзи – будущей супруге протагониста. Именно она первой заметила лодку с Гарвеем, несмотря на то, что в тот момент у нее был здоров только один глаз. Возможно, временно «одноглазой» Грин сделал Дэзи для того, чтобы показать инаковость ее видения мира. Она видит окружающее не столько глазами, сколько сердцем, что позволяет ей едва ли не насквозь видеть других людей, «переноситься в чужие ощущения», что, кстати, затрудняет ее общение с ними [10, с. 179].

Дэзи в определенной степени воплощает архетип Дикарки [14], продолжая традиции лермонтовской Бэлы и купринской Олеси. Пусть Дэзи не живет в лесу или в горах, она тем не менее близка этим героиням своей непосредственностью, чистотой, наивностью, суеверностью. И также наделена особой *проницательностью*, свет на которую в определенной степени проливает рассказ Грина «Словоохотливый домовый» [9, с. 158–162], написанный за несколько лет до «Бегущей по волнам».

В этом коротком произведении автор ведет речь о *двух видах проницательности*: первый из них присущ домовому и 20-летней Анни, которая настолько погружена в мир природы, что способна распознавать «знаки ее прекрасной души» и в солнечном зайчике, и в звучании камня, и в журчании ручья. Второй вид проницательности, доступный людям, но закрытый для домового, Грин отождествляет со способностью понимать «знаки сердца», иначе говоря, разбираться в сложных хитросплетениях человеческих чувств и отношений. Можно предположить, что Анни причастна не только к первому, но и ко второму виду проницательности.

В «Бегущей по волнам» главные герои – Гарвей и Дэзи – также владеют двумя видами проницательности: с одной стороны, они прекрасно понимают других людей, но кроме того, обладают способностью проникать в сверхчувственный мир, в то самое мистическое измерение, в котором пребывает Фрези Грант вместе со своим таинственным островом.

С понятием проницательности органически связана другая центральная гносеологическая тема романа – *тема понимания* – традиционная для теории познания со времен В. Дильтея, считавшего понимание важнейшей методологической процедурой «наук о духе» [11]. Когда в конце повествования Дэзи восклицает: «Человека не понимают!», то невольно задаешься вопросом: что значит понять человека? В сущности, ответом на этот вопрос является весь роман, ибо Гарвей ищет не столько абстрактное Несбывшееся, сколько конкретного человека – любимую женщину – способную его понять, разделив с ним и его убеждения, и образ жизни, и веру в реальность Фрези Грант.

Для Грина понимание – это, прежде всего, понимание другого человека – человека живого, ближнего, находящегося рядом, вступающего в живое общение с героем (но не постижение явлений природы или текстов). Понимание выступает не столько как познавательная процедура, сколько как экзистенциальное событие, несводимое к эмпатии. Понять – это не просто познать мир чувств и мыслей другого человека, не только умение встать на его место, посмотреть на мир его глазами. Для писателя подлинное понимание предполагает едва ли не полное согласие с мировоззрением другого человека, понять – это разделить мироощущение и мировидение другого [7], оказавшись «второй половинкой» его души. Поэтому *понимание*

возможно только как взаимопонимание [2; 5], иначе говоря, оно не может быть полноценным, если носит односторонний характер.

В романе образным воплощением истинного понимания между людьми являются отношения между Дэзи и Гарвеем. Уже с самого момента их знакомства девушка почти во всем соглашается с ним: выражает и понимание, и поддержку, и оправдывает Томаса [10, с. 72–73], хорошо распознает его мотивы, в частности, с какой целью он предложил Тоббогану сыграть в покер [10, с. 83], наконец, даже догадывается, что Гарвей встречался с Фрези Грант [10, с. 83, 90]. Став женой героя, Дэзи едва ли не сливается с ним, о чем Грин пишет так: «Всегда согласная, что бы ей я ни предложил, она немедленно согласилась» [10, с. 179]. Однако и Гарвей, в свою очередь, старается максимально постичь глубинные желания и мысли девушки и тем радикально отличается от ее жениха Тоббогана, о котором капитан Проктор, дядя девушки, говорит, что тот в отношении Дэзи словно «слепой и глухой» [10, с. 76].

Когда в эпилоге романа Гарвей воплощает в жизнь тайную мечту Дэзи о собственном доме, становится ясным – *подлинное взаимопонимание невозможно без деятельной любви*, суть которой, как верно подметил Э. Фромм, заключается в «заботе и ответственности за личностный рост того, кого мы любим» [28, с. 88]. В сущности, Грин здесь в образной форме раскрывает идею *любящего познания*, получившую философское обоснование, в частности, в творчестве русского философа В. С. Соловьева [25, с. 146] и в работах американского психолога А. Маслоу [22, с. 25], идею, согласно которой любовь суть неперемное условие истинного познания того, кого мы любим.

Следует, однако, отметить, что взаимопонимание между Гарвеем и Дэзи детерминировано не столько тем, что оба они наделены развитой способностью к эмпатии, а в большей степени обусловлено родством их душ, которое не создается, не возвращается, а изначально дается свыше как некий дар. Получается, что взаимопонимание нельзя выстроить, выпестовать в ходе совместного общения, оно либо возникает сразу, либо не появляется вовсе. По сути эта же точка зрения проводится Грином в вышеупомянутом рассказе «Словоохотливый домовый», где Анни и Ральф, зная друг о друге лишь из писем, при первой же очной встрече, до всяких слов, с первого же взгляда понимают, что являются двумя половинками единой души [9, с. 158–162].

Антиподом понимания выступает, разумеется, непонимание. В романе непониманием главного героя, прежде всего, страдают его антагонист капитан Гез [10, с. 59] и горячо любимая им Биче Сениэль [10, с. 172]. Несмотря на то, что Гарвей предстает как опытный коммуникатор, носитель достаточно широких взглядов, ему не удается понять Геза, а Гез, соответственно, не понимает Гарвея. В итоге, по мнению Гарвея, именно непонимание становится главной причиной их конфликта, в результате которого Гез сначала проникается к Гарвею ненавистью, а затем ссаживает его с корабля на шлюпку в открытом океане.

Если для Геза непонимание становится источником ненависти к Гарвею [10, с. 59], то Биче непонимание приводит к тому, что Гарвей для нее делается «почти неживым» [10, с. 172]. В эпилоге девушка так выражает свое гносеологическое кредо: «Не понимаю – значит, не существует!» [10, с. 187]. Для Биче понять Гарвея означало бы, прежде всего, поверить в реальность его встречи с Фрези Грант, однако факт существования последней резко противоречит ее рационалистическому мировидению, в котором нет места для мистического. В результате Биче отвергает и мировоззрение Гарвея, и его любовь, предпочитая оставаться «слепой», чтобы сохранить статус-кво – цельность собственной рассудочной картины мира.

Согласно Грину, понять человека – это не просто войти в его внутренний мир, но и присвоить его, принять и согласиться с его мировоззрением, разделить его чувства и мысли, поверить и довериться ему. Тогда как непонимание ведет к разрушению не только любви или дружбы, но делает невозможным всякое общение, приводит к экзистенциальной смерти другого.

Таким образом, позиция Грина оказывается близкой и к «философии жизни» (в частности, взглядам В. Дильтея), и к гуманитарному мышлению М. М. Бахтина. С первым его роднит признание частично иррационального характера понимания [16, с. 24], со вторым – положение о диалогичности понимания, о возможности понимания только как взаимопонимания [3, с. 306], о том, что человека «можно любить, жалеть и т. п., но главное – его можно (и нужно) понимать» [3, с. 308]. Но, с другой стороны, трудно согласиться с точкой зрения писателя на понимание как некий дар небес, которому невозможно научиться. Весь опыт развития психологии и психотерапии на протяжении последних ста лет свидетельствует об обратном – о том, что и пониманию, и любви можно и нужно учиться. Стоит хотя бы вспомнить работы

психологов-гуманистов, начиная с «Искусства любви» Э. Фромма [27] и заканчивая «Становлением человека» К. Роджерса [24].

Наконец, еще одной важной темой, поднимаемой в романе, является центральная для гносеологии *проблема истины*. Последняя ставится в форме вопросов, решаемых главным героем: как отличить истинное Несбывшееся от его многочисленных подделок-суррогатов, как выбрать истинный путь к Несбывшемуся, а не пойти в очередной раз по одному из многих ложных путей, ведущих в тупик? [10, с. 10]. Несмотря на то, что Гарвей в конце концов в лице Дэзи обретает свое Несбывшееся, то есть его поиски оказываются успешными, на указанные вопросы едва ли можно найти в романе полный и окончательный ответ. Тем не менее Грин уже в начале повествования все же дает некоторые довольно сбивчивые указания, следование которым может повысить вероятность успеха охоты за Несбывшимся.

В частности, можно отметить следующие особенности подлинного Несбывшегося и правильного движения к нему: сначала надо уяснить сущность и тип Несбывшегося [10, с. 5] и покориться ему [10, с. 6], оно может восстать только само [10, с. 6], в его поисках надо обращать внимание на «знаки и фигуры» [10, с. 13], на явления параллелизма [10, с. 5], «ловить все намеки, пользоваться каждым лучом среди туч и лесов» [10, с. 13]. Иными словами, *надо быть сенситивным ко всему*, что происходит вокруг, замечать необычное; даже самые малые события, случайные совпадения, «шепот Вселенной» могут указать верный путь.

При этом, как показывается в романе, сам путь к обретению Несбывшегося едва ли может быть простым и прямым. Он, с одной стороны, похож на *охоту*, с другой – на *игру*. В этой игре весь мир предстает как огромный ребус, подбрасывающий «охотнику» все новые задачи, для разрешения которых надо проявить не только ум, но и смелость, мужество, а порой – милосердие и сострадание. Поэтому Несбывшееся похоже в какой-то степени на Грааль, на град Китеж, которые открываются и покоряются только отважным людям с чистой душой и добрым сердцем. Разумеется, к таковым относится и Томас Гарвей, словно нанизывающий одно доброе дело на другое – то он заступает за девушку, защищая ее от Геза, то помогает Дэзи вылечить глаз, то хочет намеренно проиграть деньги Тоббогану, то готов навести на себя подозрения в убийстве Геза, чтобы выгородить Биче, и тому подобное. Поэтому неудивительно, что именно к таким людям, как Гарвей, в нужный момент на помощь приходят создания из трансцендентных миров, в частности, божественная Фрези Грант.

Среди «знаков и фигур», способных указать верный путь к Несбывшемуся, особое значение автор придает явлениям параллелизма, по сути предваряя в образной форме юнгианский акаузальный принцип синхроничности [31]. Об этом лучше всего сказала, пожалуй, Биче Сениэль: «Уже начал двоиться мир благодаря вам: два желтых платья, две «Бегущие по волнам» и – два человека в одном!» [10, с. 172]. Но вместо того, чтобы в этих «случайных» совпадениях увидеть знаки Несбывшегося, Биче закрывается от них и даже впадает в отчаяние. Гарвей же, напротив, приветствует их и следует за ними, ибо за случайными совпадениями видит проявления некой единой воли, плетущей «венки событий» именно таким образом, чтобы помочь ему обрести именно то, что сделает его счастливым.

Таким образом, путь к Несбывшемуся как к экзистенциальной истине человека открывается далеко не всем, чтобы его найти и успешно пройти до конца, необходимо, с одной стороны, обладать высокой нравственностью, и с другой, уметь смотреть на мир открытыми глазами, распознавая за случайными совпадениями, знаками и фигурами осмысленный «венки событий», ткущийся трансцендентным режиссером.

К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет рассмотреть некоторые другие гносеологические проблемы романа. В частности, в главе VII писатель сталкивается в ожесточенном споре двух матросов, имеющих кардинально противоположные мнения о капитане Гезе [10, с. 32–33], как бы показывая, что в мире людей законы формальной логики (а именно закон противоречия) не действуют. А в главе XX Дэзи в качестве критерия истинности легенды о Фрези Грант приводит такое основание: «Я верю, потому что от этой истории хочется что-то сделать» [10, с. 92], иначе говоря, критерием истинности выступает способность знания побуждать к деятельности.

Наряду с темой понимания автор также раскрывает проблему познания душевного мира другого человека. И Гарвей, и Дэзи оказываются искусными коммуникаторами, способными расположить к себе человека, побудить его к самораскрытию, используя правильно сформулированные вопросы, а также, возможно, жесты, интонации и другие паралингвистические и невербальные средства.

Также отдельного рассмотрения заслуживают гносеологические метафоры Грина, к числу которых можно отнести следующие: закрытую дверь и отсутствующий ключ от нее; мелодию и истинный оркестр; конец нити к запрятанному клубку.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что гносеологическое кредо Грина близко не только к романтизму с его культом чудесного и таинственного, но также к «философии жизни» и экзистенциализму, признающими превосходство иррациональных путей познания мира – понимания, вживания, интуиции, переживания, веры в мистическое. Однако вместе с тем Грин вовсе не отвергает разум, признает его необходимость и достаточность для решения большинства жизненных проблем. Внеиррациональные способы постижения бытия актуализируются лишь тогда, когда человек оказывается перед лицом экзистенциального выбора, в точке бифуркации на траектории собственной судьбы, когда неведомое предлагает вступить на рискованную стезю «охоты» за Несбывшимся. Именно в такие минуты неопределенности человек не просто ждет, а призывает мистическое, те самые «знаки и фигуры», войти в его жизнь, чтобы помочь осуществить свое подлинное предназначение. Поэтому на самом деле Грин ближе к славянофилам и В. С. Соловьеву с их идеей целостного познания, взаимодополнительности разума, чувства и веры, науки, искусства и религии [12], чем к романтикам и иррационалистам, принижающим роль разума в постижении мироздания.

На основе проведенного анализа можно также сформулировать вопросы и задания (в частности, темы для эссе и сочинений), адресованные обучающимся вузов и колледжей, изучающим философию (в рамках семинаров, посвященных проблемам познания). Например, задание можно представить в следующей форме:

1. Прочитайте роман Александра Грина «Бегущая по волнам» и его рассказ «Словоохотливый домовый» и постарайтесь найти ответы на нижеуказанные вопросы:

- 1) Какая гносеологическая проблематика присутствует в романе?
- 2) В чем принципиальная разница между взглядами Гарвея и Биче на пути познания мира?
- 3) Почему Биче отказывается верить в реальность Фрези Грант?
- 4) Как Вы думаете, почему писатель сделал Дэзи временно «одноглазой», что этим он хотел показать?
- 5) Что имеет в виду Биче, когда говорит: «Я слепа»?
- 6) Что имеет в виду Гарвей, когда утверждает, что «все открыто для всех»?
- 7) Как решается проблема понимания в романе?
- 8) Как Вы понимаете слова Биче Сениэль: «Не понимаю – значит, не существует!»?
- 9) Как Вы понимаете следующие слова Дэзи: «"Человека не понимают". Надо его понять, чтобы увидеть, как много невидимого!»?

10) Что домовый безуспешно силится понять более 30 лет и почему ему это не удается?

11) В чем, по мнению домового, состоит непроницательность людей?

12) Чем проницательность людей отличается от проницательности домовых?

2. Напишите эссе по одной из следующих тем:

- 1) Проблема понимания и ее раскрытие в романе «Бегущая по волнам».
- 2) Проблема рационального и иррационального в романе «Бегущая по волнам».
- 3) Охота и игра как способы познания и обретения Несбывшегося.
- 4) Два рода проницательности-непроницательности в новелле А. Грина «Словоохотливый домовый».

Рекомендуемый объем эссе – 2–4 страницы формата А-4.

Заключение. Подводя итоги проведенного анализа гносеологического содержания романа Грина «Бегущая по волнам», можно заключить следующее:

1) основное гносеологическое содержание романа связано с дихотомией рационального и мистического как двух способов постижения мира, которые отстаивают, соответственно, Биче Сениэль и Томас Гарвей;

2) однако мистическое познание не столько противопоставляется рациональному, сколько рассматривается в качестве дополнения, расширения последнего;

3) рассматривая проблему понимания, автор показывает, что оно возможно лишь как взаимопонимание, а последнее необходимо воплощается в деятельной любви;

4) истина в романе трактуется как экзистенциальная категория, олицетворяемая образом Несбывшегося, обретение которого связано с необходимостью найти единственный подлинный путь к нему, правильно интерпретируя целеуказующие «знаки и фигуры».

В целом же гносеология Грина в основе своей аксиологична, то есть ценностно заряжена, нравственно окрашена. Автор не скрывает своих симпатий ни к возвышенному миру чудесного, ни к мистическому познанию, противопоставляя их миру обыденности и рациональным путям постижения мира. Таким образом, не будет преувеличением утверждать, что в «Бегущей по волнам» находит воплощение антисциентистское мировидение писателя.

В заключение нельзя не отметить, что экспликация гносеологического содержания отдельных произведений Грина будет способствовать аксиологизации преподавания философии, инкорпорации ценностного измерения даже в, казалось бы, сугубо нейтральные темы («Познание как предмет философского анализа», «Истина, ее сущность и критерии», «Рациональное и иррациональное в познании» и другое).

Список литературы

1. Акимов О. Ю. Структура мира в творчестве А. Платонова // Ценности и смыслы. 2012. № 4 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-mira-v-tvorchestve-a-platonova> (дата обращения: 29.03.2022).
2. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // М. М. Бахтин Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 381–393.
3. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // М. М. Бахтин Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 297–325.
4. Белогорская Л. Модель мира в романе А. Грина «Бегущая по волнам» // Проза. ру. URL: <https://proza.ru/2016/04/08/182> (дата обращения: 14.09.2022).
5. Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М. : Прогресс : Гнозис, 1991. 176 с.
6. Бондаренко Е. Н. Натурфилософская проза второй половины XX века: концепция личности : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 168 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004748000> (дата обращения: 16.10.2022).
7. Бубер М. Я и Ты // Бубер Мартин. Два образа веры. М. : Республика, 1995. С. 15–92.
8. Гёте И. В. Малое собрание сочинений. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2018. 704 с.
9. Грин А. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. IV. М. : Правда, 1980. 480 с.
10. Грин А. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. V. М. : Правда, 1980. 496 с.
11. Жихарева Т. Проблема понимания в философии В. Дильтея и М. Хайдеггера // Vox. Философский журнал. 2013. № 14. С. 164–181. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ponimaniya-v-filosofii-v-dilteya-i-m-haydeggera> (дата обращения: 15.09.2022).
12. Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии // И. В. Киреевский. Духовные основы русской жизни. М. : Институт русской цивилизации, 2007. С. 228–294.
13. Киричек А. В. Архетип Анимы в неоромантической прозе Александра Грина (на материале романа «Бегущая по волнам») // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 4 (24). С. 115–122. DOI: 10.25730/VSU.2070.21.058.
14. Киричек А. В. Архетипы неоромантизма: Дикарка и Фродо // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 260–264.
15. Киричек А. В. Философские смыслы и символы в романе А. С. Грина «Бегущая по волнам»: онтологическая проблематика // Культура и безопасность. 2022. № 4. С. 13–21. DOI: 10.25257/KB.2022.4.13-21.
16. Киричек А. В. Гносеологический анализ гуманитарной парадигмы в психологии : дисс. ... канд. филос. наук. М., 2000. 160 с.
17. Ключарева А. О. Психолингвистический аспект метафор А. С. Грина // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2017. № 15. С. 129–136. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29245835_70857064.pdf (дата обращения: 15.09.2022).
18. Ключарева А. О. Структура и функции метафор в произведениях А. С. Грина : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2017. 168 с. URL: <https://diss.unn.ru/files/2018/887/diss-Klyucherova-887.pdf> (дата обращения: 16.09.2022).
19. Кобзев Н. А., Загвоздкина Т. Е. Поэтика прозы Александра Грина : монография. Симферополь : Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2006. 160 с.
20. Кротова Д. В. Феномен творческой личности в понимании Д. В. Шаламова // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 6. С. 65–71. URL: <http://vestnik43.ru/6-2017-vgu.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).
21. Лосев А. Ф. Страсть к диалектике: Литературные размышления философа. М. : Советский писатель, 1990. 320 с.
22. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М. : Смысл, 1999. 425 с.
23. Маслова А. Г. Философские мотивы в поэзии Е. И. Кострова // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 2. С. 36–40. URL: <http://vestnik43.ru/2-2017-vgu.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).
24. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М. : Прогресс : Универс, 1994. 479 с.

25. Соловьев В. С. Смысл любви // В. С. Соловьев. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991. С. 99–160.

26. Улитина Н. М. Экзистенциальная проблема страха в творчестве М. Ю. Лермонтова как социокультурный концепт // Научный журнал КубГАУ. 2017. № 126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnaya-problema-straha-v-tvorchestve-m-yu-lermontova-kak-sotsiokulturnyy-kontsept> (дата обращения: 29.03.2023).

27. Фромм Э. Искусство любить. СПб. : Азбука-классика, 2004. 219 с.

28. Фромм Э. Психоанализ и этика. М. : Республика, 1993. 415 с.

29. Ходикова Н. А. Критическое мышление и информационная грамотность // Культура и безопасность. 2021. № 3. С. 11–15. DOI: 10.25257/KB.2021.3.11-15.

30. Шевцова Г. И. Художественное воплощение идеи движения в творчестве А. С. Грина (мотивный аспект) : дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2003. 20 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002343171.pdf (дата обращения: 16.09.2022).

31. Юнг К. Г. О «синхроничности» // К. Г. Юнг. Избранное. М. : Попурри, 1998. С. 427–443.

The experience of identifying the epistemological content of the existential prose of A. S. Green (based on the novel "Running on the Waves")

Kirichek Alexander Vladimirovich¹, Hodikova Nina Anatolyevna²

¹PhD in Philosophical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Philosophy, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-0771-2815. E-mail: kirichek70@mail.ru

²PhD in Philosophical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Philosophy, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-2415-6267. E-mail: 5856243@mail.ru

Abstract. One of the ways to make the study of philosophy more interesting and fascinating is the use of works of fiction, primarily domestic. Consideration of the content of the latter through the prism of categories and concepts of philosophy can activate the critical thinking of students, develop their creative abilities. However, the vast majority of studies aimed at studying the philosophical content of literary works are devoted to the problems of ontology, anthropology and social philosophy, while questions of the theory of knowledge remain on the far periphery of such research. One of the reasons for this situation is that it is quite difficult to choose works that have a sufficiently rich epistemological content. One of the literary works that provides rich material for epistemological analysis is Alexander Green's existential novel "Running on the Waves". The purpose of this article is to explicate the theoretical and cognitive content of this work. To achieve this goal, various types of analysis (epistemological, comparative, literary, psychological), as well as the principles and rules of hermeneutics were involved. The article shows that the main characters of the novel – Thomas Garvey and Biche Seniel – use various cognitive strategies resulting from their opposing views on the antithesis of "rational – mystical". However, at the same time, mystical knowledge is not so much opposed to rational knowledge, as it is interpreted as a supplement and extension of the latter. The novel also raises the topic of understanding, which is possible only as mutual understanding and presupposes active love, the problem of truth is considered as a question of choosing between genuine and false ways of mastering the Unfulfilled. In conclusion, it is concluded that Green's epistemology is axiological, because it is inextricably linked with the writer's anti-scientific worldview. The results obtained can be used in the process of teaching philosophy: questions and tasks on the work addressed to students of universities and colleges are given.

Keywords: epistemology, understanding, Alexander green, rational, mystical, truth, teaching philosophy, artwork.

References

1. Akimov O. Yu. *Struktura mira v tvorchestve A. Platonova* [The structure of the world in the works of A. Platonov] // *Cennosti i smysly* – Values and meanings. 2012. No. 4 (20). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-mira-v-tvorchestve-a-platonova> (date accessed: 29.03.2022).

2. Bahtin M. M. *K metodologii gumanitarnykh nauk* [To the methodology of the humanities] // *M. M. Bahtin. Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M. Iskusstvo (Art). 1986. Pp. 381–393.

3. Bahtin M. M. *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukah* [The problem of text in linguistics, philology and other humanities] // *M. M. Bahtin. Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M. Iskusstvo (Art). 1986. Pp. 297–325.

4. Belogorskaya L. Model' mira v romane A. Grina "Begushchaya po volnam" [The model of the world in A. Green's novel "Running on the waves"] // Prose.ru. Available at: <https://proza.ru/2016/04/08/182> (date accessed: 14.09.2022).
5. Bibler V. S. *Mihail Mihajlovich Bahtin, ili Poetika kul'tury* [Mikhail Mikhailovich Bakhtin, or the Poetics of culture]. M. Progress : Gnosis. 1991. 176 p.
6. Bondarenko E. N. *Naturfilosofskaya proza vtoroj poloviny XX veka: koncepciya lichnosti : diss. ... kand. filol. nauk* [Natural philosophical prose of the second half of the twentieth century: the concept of personality : diss. ... PhD in Philology]. M. 2010. 168 p. Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004748000> (date accessed: 16.10.2022).
7. Buber M. *Ya i Ty* [Me and You] // *Buber Martin. Dva obraza very* [Two images of faith]. M. Republic. 1995. Pp. 15–92.
8. Goethe I. V. *Maloe sobranie sochinenij* [Small collection of works]. SPb. Azbuka (ABC) : Abc-Atticus. 2018. 704 p.
9. Green A. S. *Sobranie sochinenij : v 6 t. T. IV* [Collected works : in 6 vols. Vol. IV]. M. Pravda (Truth). 1980. 480 p.
10. Green A. S. *Sobranie sochinenij : v 6 t. T. V* [Collected works : in 6 vols. Vol. V]. M. Pravda (Truth). 1980. 496 p.
11. Zhihareva T. *Problema ponimaniya v filosofii V. Dil'teya i M. Hajdeggera* [The problem of understanding in the philosophy of V. Dilthey and M. Heidegger] // *Vox. Filosofskij zhurnal – Vox. Philosophical Journal*. 2013. No. 14. Pp. 164–181. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ponimaniya-v-filosofii-v-dilteya-i-m-haydeggera> Russian Russian Spiritual Foundations (date accessed: 15.09.2022).
12. Kireevskij I. V. *O neobhodimosti i vozmozhnosti novyh nachal dlya filosofii* [On the necessity and possibility of new beginnings for philosophy] // I. V. Kireevskij. *Duhovnye osnovy russkoj zhizni* [Spiritual foundations of Russian life]. M. Institute of Russian Civilization. 2007. Pp. 228–294.
13. Kirichek A. V. *Arhetip Animy v neoromanticheskoj proze Aleksandra Grina (na materiale romana "Begushchaya po volnam")* [The archetype of Anima in the neo-romantic prose of Alexander Green (based on the novel "Running on the Waves")] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of Humanitarian Education*. 2021. No. 4 (24). Pp. 115–122. DOI: 10.25730/VSU.2070.21.058.
14. Kirichek A. V. *Arhetipy neoromantizma: Dikarka i Frodo* [Archetypes of Neo-Romanticism: Savage and Frodo] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik – Yaroslavl Pedagogical herald*. 2015. No. 3. Pp. 260–264.
15. Kirichek A. V. *Filosofskie smysly i simvoly v romane A. S. Grina "Begushchaya po volnam": ontologicheskaya problematika* [Philosophical meanings and symbols in A. S. Green's novel "Running on Waves": ontological problematics] // *Kul'tura i bezopasnost' – Culture and Security*. 2022. No. 4. Pp. 13–21. DOI: 10.25257/KB.2022.4.13-21.
16. Kirichek A. V. *Gnoseologicheskij analiz gumanitarnoj paradigmy v psihologii : diss. ... kand. filos. nauk* [Epistemological analysis of the humanitarian paradigm in psychology : diss. ... PhD in Philos. Sciences]. M. 2000. 160 p.
17. Klyuchareva A. O. *Psiholingvisticheskij aspekt metafor A. S. Grina* [Psycholinguistic aspect of A. S. Green's metaphors] // *Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti – Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*. 2017. No. 15. Pp. 129–136. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29245835_70857064.pdf (date accessed: 15.09.2022).
18. Klyuchareva A. O. *Struktura i funkcii metafor v proizvedeniyah A. S. Grina : diss. ... kand. filol. nauk* [The structure and functions of metaphors in the works of A. S. Green : diss. ... PhD in Philological Sciences]. M. 2017. 168 p. Available at: <https://diss.unn.ru/files/2018/887/diss-Klyucherova-887.pdf> (date accessed: 16.09.2022).
19. Kobzev N. A., Zagvozdkina T. E. *Poetika prozy Aleksandra Grina : monografiya* [The poetics of Alexander Green's prose : monograph]. Simferopol. Crimean Educational and Pedagogical State Publishing House. 2006. 160 p.
20. Krotova D. V. *Fenomen tvorcheskoy lichnosti v ponimanii D. V. Shalamova* [The phenomenon of creative personality in the understanding of D. V. Shalamov] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2017. No. 6. Pp. 65–71. Available at: <http://vestnik43.ru/6-2017-vgu.pdf> (date accessed: 15.09.2022).
21. Losev A. F. *Strast' k dialektike: Literaturnye razmyshleniya filosofa* [Passion for dialectics: Literary reflections of a philosopher]. M. Soviet writer. 1990. 320 p.
22. Maslow A. *Novye rubezhi chelovecheskoj prirody* [New frontiers of human nature]. M. Smysl (Sense). 1999. 425 p.
23. Maslova A. G. *Filosofskie motivy v poezii E. I. Kostrova* [Philosophical motives in the poetry of E. I. Kostrov] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2017. No. 2. Pp. 36–40. Available at: <http://vestnik43.ru/2-2017-vgu.pdf> (date accessed: 15.09.2022).
24. Rogers K. R. *Vzglyad na psihoterapiyu. Stanovlenie cheloveka* [A look at psychotherapy. The formation of man]. M. Progress : Univer. 1994. 479 p.
25. Solov'ev V. S. *Smysl lyubvi* [The meaning of love] // *S. Solov'ev Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. M. Iskusstvo (Art). 1991. Pp. 99–160.
26. Ulitina N. M. *Ekzistencial'naya problema straha v tvorchestve M. Yu. Lermontova kak sociokul'turnyj koncept* [The existential problem of fear in the work of M. Y. Lermontov as a socio-cultural concept] // *Nauchnyj*

zhurnal KubGAU – Scientific journal KubSAU. 2017. No. 126. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnaya-problema-straha-v-tvorchestve-m-yu-lermontova-kak-sotsiokulturnyy-kontsept> (date accessed: 29.03.2023).

27. Fromm E. *Iskusstvo lyubit'* [The Art of Loving]. SPb. ABC-classics. 2004. 219 p.

28. Fromm E. *Psihoanaliz i etika* [Psychoanalysis and ethics]. M. Republic. 1993. 415 p.

29. Hodikova N. A. *Kriticheskoe myshlenie i informacionnaya gramotnost'* [Critical thinking and information literacy] // *Kul'tura i bezopasnost'* – Culture and security. 2021. No. 3. Pp. 11–15. DOI: 10.25257/KB.2021.3.11-15.

30. Shevcova G. I. *Hudozhestvennoe voploshchenie idei dvizheniya v tvorchestve A. S. Grina (motivnyj aspekt) : diss. ... kand. filol. nauk* [Artistic embodiment of the idea of movement in the work of A. S. Green (motivic aspect) : diss. ... PhD in Philological Sciences]. Yelets. 2003. 20 p. Available at: https://new-disser.ru/_avto-referats/01002343171.pdf (date accessed: 16.09.2022).

31. Jung K. G. *O "sinhronistichnosti"* [On "synchronicity"] // *K. G. Jung. Izbrannoe* [Favorites]. M. Potpourri. 1998. Pp. 427–443.

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 764(092)

DOI: 10.25730/VSU.7606.23.022

Глава Алеутской и Аляскинской епархии епископ Николай (Зиоров) и его время

Печатнов Владимир Олегович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки,
Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-6733-031x. E-mail: vopechatnov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена главе Алеутской и Аляскинской епархии Николаю (Зиорову). Он обойден вниманием историков, оставаясь в тени своего знаменитого преемника – свт. Тихона (Беллавина), будущего Патриарха Московского и всея Руси, при котором заокеанская епархия достигла своего наивысшего расцвета. Епископ Николай был деятельным и талантливым архипастырем (годы служения в Америке – 1891–1898), которому путем смелых и широких преобразований удалось вывести заокеанскую епархию из состояния упадка, последовавшего за продажей Аляски Соединенным Штатам в 1867 г. В Государственном историческом архиве России хранятся документы, написанные рукой этого самобытного православного мыслителя, администратора Русской православной церкви и патриота России, которые содержат важные сведения о настроениях православной паствы, повседневной жизни приходов, взаимоотношениях православной церкви с другими конфессиями и светскими властями Североамериканских Соединенных Штатов. Обосновывается вывод о том, что благодаря тесным связям со Св. Синодом и лично К. Победоносцевым в Российской Империи были хорошо осведомлены о состоянии дел в американской епархии РПЦ и поддерживали многие начинания епископа Николая.

Ключевые слова: Алеутская и Аляскинская епархия, Епископ Николай (Зиоров), Аляскинское Духовное Правление, Священный Синод, униатское движение в США, Русская православная церковь, православие в Америке.

Епископ Николай (Зиоров) – знаковая фигура в истории русского православия в Америке, глава Алеутской и Аляскинской епархии в 1892–1898 гг. [2, с. 322–328]. Он обойден вниманием историков, оставаясь в тени своего знаменитого преемника – свт. Тихона (Беллавина), будущего Патриарха Московского и всея Руси, при котором заокеанская епархия достигла своего наивысшего расцвета. Между тем, именно еп. Николай заложил тот фундамент, на котором строил свт. Тихон. Под его руководством в жизни епархии произошел поворот к лучшему, и она стала перестраиваться, приспосабливаясь к новым условиям своего существования. При нем были осуществлены важные реформы и намечены пути дальнейшего развития православия на американской почве. Это нашло отражение во впервые публикуемом отчете еп. Николая о состоянии епархии в 1895 г., в котором он подводит первые итоги своей реформаторской деятельности и намечает меры по дальнейшему переустройству епархии. Перед нами рабочий документ, отображающий жизнь и проблемы большого епархиального хозяйства с отпечатком яркой и энергичной личности самого автора. Это был незаурядный церковный и общественный деятель, образованный богослов, педагог и духовный писатель.

Будущий пастырь родился в 1851 г. в Херсонской губернии в семье священника. Учился в Златопольской дворянской гимназии, а затем окончил Одесскую духовную семинарию, где обучался «наукам богословским, философским, словесным, историческим, физико-математическим и языкам – греческому, латинскому и французскому» [10]. Завершил образование в Московской духовной академии, которую окончил в 1875 г. со степенью магистра богословия.

Работал преподавателем истории, а затем инспектором в нескольких провинциальных духовных семинариях. В 1887 г. был пострижен в монахи, получил сан архимандрита и назначен ректором Могилевской духовной семинарии, а еще через два года возглавил Тифлисскую духовную семинарию. Осенью 1891 г. Николай был отозван в Санкт-Петербург и назначен епископом Аляскинским и Алеутским.

Он получил тяжелое наследство. После уступки Аляски Соединенным Штатам в 1867 г. православная церковь в Америке перестала быть духовной миссией на окраине Российской империи и оказалась в иностранном государстве, законы и нравы которого резко расходились с российскими. Подавляющее большинство русского населения и священнослужителей покинуло Аляску, куда хлынули миссионеры протестантского и католического толка, занимавшиеся прозелитизмом среди местных жителей – как язычников, так и православных. Финансирование епархии, ранее поддерживаемой упраздненной Русско-Американской кампанией, резко пошло на убыль.

К внешним трудностям добавилась деградация местного православного духовенства, пополнявшегося случайными выходцами из России или полуграмотными клириками из местных креолов. Участились случаи бытового разложения и пьянства, доходившие до столицы империи. «Благодаря слабости епископов..., – писал российский консул в Сан-Франциско обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву, – приходы наши наполнены людьми безо всякого образования и по большей части нетрезвого поведения, и если мы не примем мер к удалению этих лиц, то мы окончательно загубим Православие в Америке» [1].

Прибыв на место нового служения, владыка Николай первым делом провел инспекцию православных приходов Аляски. За два с половиной месяца он проделал двенадцать тысяч верст по морю и суше, послав в Св. Синод подробный отчет о своих впечатлениях с общим выводом: «Из всего виденного и услышанного мною во время путешествия заключаю, что Аляскинская епархия находится в печальном положении». Священники опустили: «служат очень редко (только по воскресеньям днем, – и то не всегда...)», «вместо церковного дела занимаются посторонними делами»; «школы почти не существуют», «церковное хозяйство ведется из рук вон плохо», отчетность заброшена. Между тем, «инославные миссии год от году умножаются и усиливаются на счет Православия», а местные власти им потворствуют «в целях поскорее обамериканизировать население Аляски. А наше духовенство сидит, сложа руки». Паства «одичала»: «признаками этого служит свобода в блудливых отношениях мужчин и женщин; проституция в самых широких размерах распространилась по островам и на Аляске»; «к церковным обычаям охладели; постов вовсе не соблюдают – не только мирские, но и духовные». «Если оставить дело в таком виде, как оно есть сейчас, – подводил печальный итог епископ, – то... через другие двадцать пять лет от Православия в Алеутской епархии останется только историческое воспоминание» [11].

Владыка предложил ряд мер по исправлению ситуации: усилить поддержку епархии со стороны российских дипломатических миссий, «сменить все наличное духовенство Алеутской епархии и заменить его новыми способными силами, с образованием, а главное – с добросовестностью и любовью к своему делу», образовать в России миссионерское общество для помощи епархии в учреждении школ, богаделен, приютов и тому подобное, организовать распространение православной литературы на туземном и английском языках, готовить свои кадры священно-, церковнослужителей, для чего посылать наиболее способных учеников местных приходских школ в сибирские и дальневосточные духовные семинарии, а в будущем – создать свою духовную семинарию в Америке.

Эта программа действий получила одобрение Св. Синода и обер-прокурора К. П. Победоносцева. «Слава Богу, в первый раз там явился епископ разумный и заботливый, и потому дело оживилось», – писал он императору Александру III в начале 1893 г. [8]. В лице Победоносцева владыка Николай получил влиятельного покровителя и союзника, который вникал в дела епархии, вступил с ним в регулярную переписку и выгораживал перед Св. Синодом. С его помощью в 1894 г. были одобрены расширенные штаты священников и причта, предложенные еп. Николаем, а финансирование епархии увеличено с 52 820 до 74 770 руб. в год, включая ассигнования на новые школы в Ситке и Уналашке. Была также принята рекомендация епископа о создании двух благочиний на Аляске (Ситкинской и Уналашкинской) «в видах надлежащего надзора за поведением клириков» [12; 13].

Человек властный, волевой и решительный, опытный администратор, еп. Николай управлял епархией твердой рукой, иногда сжимавшейся в кулак. Епископ Иннокентий (Пу-

стынский), бывший при Николае членом Аляскинского Духовного Правления, вспоминал, что «стол во время наших заседаний не раз трещал от аргументов, производимых именно кулаком» [3, с. 556]. Владыка был строг, любил дисциплину и послушание. Но он владел и силой убеждения, был умелым оратором, обладал зорким глазом и хорошим пером: недаром его путевые заметки об Америке и поездках по епархии часто печатались в приложениях к «Церковным Ведомостям» – официальному органу Св. Синода (чему также способствовала протекция Победоносцева), а вскоре вышли отдельным изданием [4]. С поистине неумемной энергией он брался за самые разные дела: организовал масштабное празднование 100-летия православия в Америке в 1894 г., используя его для материальной поддержки епархии, инициировал создание впоследствии очень популярного первого печатного органа епархии «Американский Православный Вестник», открывал новые школы и приходы (как, например, в Чикаго и Стриторе), занимался строительством новых православных храмов, постоянно терепил просьбами о защите интересов епархии российских дипломатов и даже Белый Дом – путем личных и письменных обращений к президентам Г. Кливленду и У. Маккинли [6, с. 18–20, 22, 26–27].

Но главной заботой епископа стало кадровое обновление клира. Найти достойных священнослужителей для службы в далекой Америке, особенно – на суровой Аляске – было крайне сложно. В Петербурге подбором кадров занимался Св. Синод и лично Победоносцев, получавшие прошения соискателей о приеме на службу в епархию. Они пересылались в Аляскинское духовное правление, еп. Николай производил отбор, запрашивая служебные характеристики на приглянувшихся ему кандидатов. Некоторых из них он знал по совместной учебе и служению на юге России и в Грузии. Неслучайно большую часть новобранцев составили выходцы из Киевской, Херсонской, Одесской и Полтавской губерний. Особенно удачным стал «набор» 1895 г., когда Владыка во время своего отпуска в России ездил по духовным учебным заведениям и сам подбирал там новых священнослужителей. Среди них был выпускник Киевской духовной семинарии Федор Пашковский (впоследствии – митрополит Феофил – глава всей Американской метрополии, наследницы русской духовной миссии в Америке), выпускники Санкт-Петербургской духовной академии Иоанн Кочуров, Александр Хотовицкий и Илия Зотиков. Кочуров скоро станет самым популярным православным проповедником в Чикаго, Хотовицкий – настоятелем Свято-Николаевского собора в Нью-Йорке и редактором «Американского православного вестника», а Зотиков – его верным помощником. По возвращении в Россию все трое погибнут от рук советской власти, а в конце XX в. будут причислены к сонму новомучеников Русской православной церкви. К этой славной когорте принадлежал и священник Иоанн Корчинский, который пройдет долгий путь миссионерского служения на Аляске и Гавайях, в Канаде, Мексике и Австралии, а по возвращении на родину будет расстрелян как «враг народа» в 1941 г. Еп. Николай имел чутье на подвижников. В итоге ему удалось в короткий срок радикально обновить личный состав священнослужителей епархии: по состоянию на 1896 г. при нем были назначены 18 из 25 штатных священников и 15 из 18 штатных псаломщиков при том, что обновление клира продолжалось и после 1896 г. [9]. Священнослужители «николаевского набора» составили костяк кадрового состава епархии вплоть до ее конца в 1917 г.

Об этом и другом говорится в публикуемом отчете еп. Николая, в котором подводятся первые итоги осуществленных реформ. Даже в этом, казалось бы, сугубо бюрократическом документе ощущается рука хорошего литератора и самобытного наблюдателя. Отчет интересен еще и откровенным деловым тоном в описании проблем епархии. Его автор не щадит своих провинившихся подчиненных, но и воздаст должное отличившимся подвижникам, пострадавшим за православное дело. Он дает трезвую оценку профессиональному и нравственному состоянию своего клира, отмечая достигнутый в этом отношении прогресс. Интересны наблюдения епископа об «американизации» русских священнослужителей в США и угрозе утраты ими духовной и национальной самобытности. Он яркими красками описывает происки главных противников РПЦ в Америке – агентов Аляскинской торговой кампании и инославных миссионеров. Характерна его преимущественно критическая оценка униатского движения в США, которое, с одной стороны, служило главным источником пополнения православной паствы в Америке, а с другой – создавало немало проблем ввиду различий церковных традиций между унией и православием, явственно ощущаемых и по сей день. Внимание читателя привлечет и не приукрашенный анализ состояния православной паствы в Америке с ее ярко выраженными национальными различиями, причем говорящими не в пользу соотечественников. В отчете также содержится ряд дельных предложений, которые будут реализо-

ваны уже при преемнике Николая свт. Тихоне: о создании православного монастыря в Америке, переносе кафедры из Сан-Франциско в Нью-Йорк, учреждении самостоятельного викариатства для Аляски. Не будет преувеличением сказать, что Владыка Николай заложил основы будущего процветания епархии при своем преемнике.

После возвращения из Америки еп. Николай сделает большую церковную и общественную карьеру: будет назначен епископом Симферопольским и Таврическим, а затем – митрополитом Варшавским и Привисленским; станет членом Государственного Совета от монашеского духовенства до самой своей кончины в 1915 г. Но он до конца жизни сохранит интерес к делам заокеанской епархии, в которую вложил столько сил.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 279/1. Оп. 1. Д. 484 (1886–1893 гг.). Л. 3–3 об.
2. Богданова Т. А., Миронович А. Николай (Зиоров) // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 50. С. 322–328.
3. Ефимов А. Б., Ласаева О. В. Алеутская и Северо-Американская Епархия при Святителе Тихоне. М.: ПСТГУ, 2012.
4. Николай (Зиоров). Из моего дневника. Впечатления и заметки во время пребывания на всемирной выставке в г. Чикаго и путешествия по Американским Соединенным Штатам. Преосвященного Николая, епископа Алеутского и Аляскинского. Санкт-Петербург, 1894.
5. Печатнов В. В., Печатнов В. О. Американская эпопея епископа Нестора (Засса) // Вестник Вятского государственного университета. 2022. № 2 (144). С. 41–56.
6. Печатнов В. В., Печатнов В. О. Русский епископ в Америке «позолоченного века» // Вестник МГИМО. 2021. № 1 (14). С. 7–30.
7. Печатнов В. О., Печатнов В. В. Российская дипломатия и Православная Российская Церковь в США (1867–1917 гг.) // Российская история. 2021. № 5. С. 83–96.
8. Победоносцев К. П. Письма к Александру III. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_p/pobed1893.html (дата обращения: 11.03.2023).
9. РГИА (Российский государственный исторический архив) // Клировая ведомость Алеутской епархии, составленная в 1896 г. Ф. 796. Оп. 178. Д. 3549. Л. 41–161.
10. РГИА // Послужной список Преосвященного Николая, Епископа Алеутского и Аляскинского. Ф. 796. Оп. 178 (1897 г.). Д. 3549. Л. 21.
11. РГИА // По рапорту Преосвященного Алеутского с донесением о положении Алеутской епархии и о тех мерах, какие оказываются необходимыми для улучшения ее состояния Ф. 796. Оп. 173 (1892 г.). Д. 2762. Л. 2–7.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 173 (1892 г.). Д. 2762. Л. 80.
13. Церковные ведомости. 1894. № 11. С. 105–108.

The head of the Aleutian and Alaska Diocese, Bishop Nicholas (Ziorov) and his time

Pechatnov Vladimir Olegovich

Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of History and Politics of Europe and America,
Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-6733-031x. E-mail: vopechatnov@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the head of the Aleutian and Alaska diocese, Nikolai (Ziorov). He has been ignored by historians, remaining in the shadow of his famous successor – svt. Tikhon (Bellavin), the future Patriarch of Moscow and All Russia, under whom the Overseas diocese reached its highest heyday. Bishop Nicholas was an active and talented archpastor (years of service in America – 1891–1898), who, through bold and broad transformations, managed to bring the overseas diocese out of the state of decline that followed the sale of Alaska to the United States in 1867. The State Historical Archive of Russia contains documents written by the hand of this original Orthodox thinker, administrator of the Russian Orthodox Church and patriot of Russia, which contain important information about the moods of the Orthodox flock, the daily life of parishes, the relationship of the Orthodox Church with other denominations and the secular authorities of the North American United States. The conclusion is substantiated that due to the close ties with St. Synod and personally K. The Pobedonostsevs in the Russian Empire were well aware of the state of affairs in the American diocese of the Russian Orthodox Church and supported many initiatives of Bishop Nicholas.

Keywords: Aleut and Alaska Diocese, Bishop Nicholas (Ziorov), Alaska Spiritual Board, Holy Synod, Unite movement in the USA, Russian Orthodox Church, Orthodoxy in America.

References

1. Archive of the Foreign policy of the Russian Empire. F. 279/1. Inv. 1. File 484 (1886–1893). Sh. 3–3 turn.
2. Bogdanova T. A., Mironovich A. Nikolaj (Ziorov) [Nikolay (Ziorov)] // *Pravoslavnaya enciklopediya – Orthodox Encyclopedia*. M. 2018. Vol. 50. Pp. 322–328.
3. Efimov A. B., Lasaeva O. V. *Aleutskaya i Severo-Amerikanskaya Eparhiya pri Svyatitele Tihone* [The Aleut and North American Diocese under St. Tikhon]. M. PSTSU. 2012.
4. Nikolaj (Ziorov). *Iz moego dnevnika. Vpechatleniya i zametki vo vremya prebyvaniya na vsemirnoj vystavke v g. Chikago i puteshestviya po Amerikanskim Soedinennym Shtatam. Preosvyashchennogo Nikolaya, episkopa Aleutskogo i Alyaskinskogo* [From my diary. Impressions and notes during your stay at the World's Fair in Chicago and travel to the United States of America. His Grace Nicholas, Bishop of Aleut and Alaska]. SPb. 1894.
5. Pechatnov V. V., Pechatnov V. O. *Amerikanskaya epopeya episkopa Nestora (Zassa)* [The American epic of Bishop Nestor (Zassa)] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2022. No. 2 (144). Pp. 41–56.
6. Pechatnov V. V., Pechatnov V. O. *Russkij episkop v Amerike "pozolochennogo veka"* [The Russian bishop in America of the "gilded Age"] // *Vestnik MGIMO – Herald of MSIIR*. 2021. No. 1 (14). Pp. 7–30.
7. Pechatnov V. O., Pechatnov V. V. *Rossiyskaya diplomatiya i Pravoslavnaya Rossiyskaya Cerkov' v SShA (1867–1917 gg.)* [Russian diplomacy and the Orthodox Russian Church in the USA (1867–1917)] // *Rossiyskaya istoriya – Russian History*. 2021. No. 5. Pp. 83–96.
8. Pobedonoscev K. P. *Pis'ma k Aleksandru III* [Letters to Alexander III]. Available at: http://www.hrono.ru/libris/lib_p/pobed1893.html (date accessed: 11.03.2023).
9. RSHA (Russian State Historical Archive) // Clerical herald of the Aleut Diocese, compiled in 1896, F. 796. Inv. 178. File 3549. Sh. 41–161.
10. RSHA // The service record of His Grace Nicholas, Bishop of Aleut and Alaska. F. 796. Inv. 178 (1897). File 3549. Sh. 21.
11. RSHA // According to the report of His Grace of Aleut with a report on the situation of the Aleut diocese and on the measures that are necessary to improve its condition F. 796. Inv. 173 (1892). File 2762. Sh. 2–7.
12. RSHA. F. 796. Inv. 173 (1892). File 2762. Sh. 80.
13. *Tserkovnye vedomosti – Church records*. 1894. No. 11. Pp. 105–108.

УДК 764(092)

DOI: 10.25730/VSU.7606.23.023

**«Дело Православия в Алеутской епархии ... начало снова оживать
и подавать надежды на лучшее будущее»
Отчет Епископа Николая (Зиорова) о состоянии
Алеутской и Аляскинской епархии за 1895 г.**

Печатнов Валентин Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии им. А. Ф. Шишкина.
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации.
ORCID: 0000-0001-9340-9363. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Аннотация. Материал представляет собой научную публикацию документа – «Отчет о состоянии Алеутской и Аляскинской епархии за 1895 год», написанного епископом Алеутским и Аляскинским Николаем (Зиоровым) для Св. Синода РПЦ. Документ хранится в Государственном историческом архиве России. В публикуемом отчете подводятся первые итоги осуществленных им реформ. Этот, казалось бы, сугубо бюрократический документ дышит живостью и неравнодушием радеющего о своем деле архиерея. Откровенно и по-деловому описывая проблемы епархии, автор делает интересные наблюдения об «американизации» русских священнослужителей в США и угрозе утраты ими духовной и национальной самобытности, а также критически анализирует состояние православной паствы в Америке с ее ярко выраженными национальными различиями. Страницы, посвященные униатскому движению в США, в лице своей иерархии боровшемуся с православием, а в лице своей паствы желающему перейти в православие, вызывают интерес намного более чем исторический, будучи актуальными и для сегодняшнего дня. В отчете также содержится ряд важных предложений, которые будут реализованы уже преемником Николая свт. Тихоном, при котором епархия достигнет своего наивысшего расцвета. Публикация снабжена предисловием и научно-справочным комментарием.

Ключевые слова: Алеутская и Аляскинская епархия, епископ Николай (Зиоров), Аляскинское духовное правление, Священный Синод, униатское движение в США, Русская православная церковь, православие в Америке.

С 1891 по 1898 гг. Алеутскую и Аляскинскую епархию Русской православной церкви возглавлял епископ Николай (Зиоров), специально посвященный в епископский сан для служения этой епархии. Сорокалетний епископ принял епархию в критический момент. В Св. Синоде уже задумались о закрытии заокеанской церковной структуры и передаче американских приходов в ведение одной из сибирских епархий, но обер-прокурор К. П. Победоносцев и куратор епархии митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор (Никольский) убедили Синод дать епархии последний шанс.

Кризис американского православия наступил после продажи Аляски США в 1867 г. Вместо православной Российской империи православная церковь в Америке оказалась в иностранном государстве, законы и нравы которого резко расходились с российскими. Подавляющее большинство русского населения и священнослужителей покинуло Аляску. Вместо них туда приехали протестантские и католические миссионеры и занялись прозелитизмом среди местных жителей – как язычников, так и православных. Финансирование епархии, ранее поддерживаемой упраздненной Русско-Американской кампанией, резко пошло на убыль.

Решительно и энергично взялся епископ Николай за исправление ситуации. За первые пять лет его правления состав священства в епархии был обновлен более чем на 70 %, а состав церковнослужителей – помощников священников – более чем на 80 % [8]. Для лучшего контроля над духовенством на Аляске было создано два новых благочиния. Финансирование епархии было увеличено на 40 %, при этом часть дополнительных средств предназначалась для новых церковноприходских школ, созданных в Ситке и Уналашке. Преосвященный Николай принимал в православие униатов, сотнями и тысячами воссоединявшихся с православной церковью в рамках Униатского движения, открывал новые приходы и духовные миссии, курировал строительство новых храмов. Наконец, по его инициативе в епархии появилось первое периодическое издание – «Американский православный вестник», впоследствии ставшее

очень популярным и издававшееся до 1973 г. В результате деятельности еп. Николая американская епархия вышла из кризиса и был подготовлен ее расцвет, наступивший при преемнике Преосвященного Николая свт. Тихоне (Беллавине), будущем Патриархе Московском и всея Руси.

Публикуемый отчет еп. Николая по своей структуре и задачам следует общему порядку обязательных ежегодных отчетов всех епископов Русской православной церкви, направлявшихся в Св. Синод. В нем владыка подводит первые итоги своей деятельности и намечает меры по дальнейшему развитию епархии. Оригинал отчета рукописный (машинопись еще только входила в употребление в епархии) и, видимо, переписан набело в Аляскинском духовном правлении с черновика, составленного вл. Николаем. Его предваряет краткое сопроводительное письмо, написанное малоразборчивым почерком самого архиерея. Отчет был зарегистрирован в Св. Синоде 9 апреля 1896 г. и получил гриф «конфиденциально». К основному отчету прилагаются отчеты о работе церковноприходских школ в Ситхе, на Уналашке и других приходах епархии.

Текст отчета не имеет следов правки или комментариев получателей. Тем не менее он был внимательно прочитан в Св. Синоде. Об этом свидетельствуют подписи на титульном листе ознакомившихся с ним членов Синода, а главное – широкое использование сведений из него во «Всепоподданнейшем отчете Обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896–1897 гг.» [1, с. 160, 162–165]. Надо заметить, что с К. П. Победоносцевым – крупным государственным деятелем, ближайшим советником Александра III, учителем Николая II – у вл. Николая сложились доверительные отношения. С самого начала его служения в Америке Победоносцев всячески помогал епископу в его начинаниях, отмечал его перед Св. Синодом и царским двором, вел с ним интенсивную переписку [4, с. 43–44].

Отчет еп. Николая хранится в фонде Святейшего Правительствующего Синода Государственного исторического архива России [7]. Документ публикуется полностью и в современной орфографии при сохранении старых русских написаний американских топонимов (например, Сеатли – Сиэтл). Текст снабжен краткими комментариями справочного характера.

О состоянии Алеутской и Аляскинской епархии за 1895 г.

В состав Алеутской епархии в отчетном году, кроме церковью Аляскинской Территории и Алеутских островов, до 1867 г. состоявших под покровительством русского флага, входили еще вновь открытые в сем и предшествующем году – приходы и миссии уже, собственно, в Северо-Американских Соединенных Штатах. Всех приходов и миссий в отчетном году в Алеутской епархии было 24 (на Аляске и Алеутских островах 13 и в Соединенных Штатах – 11).

Все эти приходы, состоя под непосредственным управлением Епархиального архиерея и Аляскинского духовного правления¹, разделялись на три благочиния: Ситхинское, Уналашкинское и Нью-Йоркское. К Ситхинскому благочинию относились следующие церкви: Ситхинская Архангело-Михайловская, Киллисновская – св. Андреевская, Джуновская – св. Николаевская, Кенайская – Успенская, Кадьякская – Воскресенская и Афогнакская² – Рождество-Богородичная. К Уналашкинскому округу относились следующие церкви: Уналашкинская – Воскресенская с Атхинскою (прежняя приходская церковь), Георгиевская – на острове св. Георгия, Петро-Павловская на острове св. Павла, Покровская в Михайловском редуте (приписана вся Кускоквимская миссия), Кресто-Воздвиженская в Икогмюте на Квихпахе, Нугашакская Петро-Павловская и Бельковская Воскресенская. Кроме этих церковей в состав Ситхинского и Уналашкинского благочиний входило около 70 часовен, которыми заведовали местные начетчики в качестве псаломщиков, а в иных местах и учителей школ грамотности.

К Нью-Йоркскому благочинию относились следующие церкви: Нью-Йоркская св. Николаевская, Бриджпортская св. Духовская, Анзонийская Трехсвятительская (приписная к нью-йоркской церкви), Вилькесбарская Успенская с Шептонскою Иоанно-Крестительскою (приписная), Осцеольская Рождество-Богородичная с Филиппсбургскою Иоанно-Крестительскою (припис-

¹ Духовное правление, по сути, не отличалось от духовной консистории и было совещательным и исполнительным органом управления епархией, находившемся в ведении правящего архиерея. Оно должно было всесторонне помогать архиерею в управлении епархией, занимаясь, в частности, церковным судом в епархии и епархиальными финансами, а если архиерейская кафедра становилась вакантной, брало на себя все управление епархией.

² Открыт приход на местные средства, причем второй псаломщик Кадьякской церкви Николай Кашеваров назначен туда священником (прим. еп. Николая).

ная), Аллегенская Александро-Невская, Чикаговская св. Владимирская со Стриторскою – Трехсвятительскою (приписная) и Миннеаполисская – Покровская. Кроме этих приходских церквей на континенте Америки существовали еще четыре миссии под непосредственным управлением Епархиального архиерея – С. Францисканская, Джексонская, Сеаттлвская, Гальвестонская и Арабская – в Нью-Йорке.

В состав Аляскинского духовного правления, кроме Епархиального архиерея как председателя оно, входили еще следующие члены: протоиерей Н. Гринкевич, священник Д. Камнев, диакон Н. Васильев и иподиакон Н. Ренский. В начале 1895 г. член Правления иеромонах Иннокентий переведен был в г. Осцеолу, а затем, в мае месяце в Аллегени, а с декабря месяца и совершенно уволен в Россию. Причиной такого передвижения иеромонаха Иннокентия было его недисциплинированное отношение к Епархиальной власти.³ Диакон Васильев переведен священником в Анзонию с оставлением на содержании диакона. Таким образом, к началу 1896 г. в состав Правления входили Епархиальный архиерей, протоиерей (с 25 декабря) Н. Гринкевич (он же и казначей), священник Д. Камнев (он же и секретарь) и иподиакон Н. Ренский (он же заведующий епархиальным складом). Обязанности делопроизводства по Правлению лежали в различное время на различных лицах, – к концу года признано за лучшее возложить эти обязанности на трех псаломщиков: П. Попова, П. Грепачевского и Ф. Пашковского с платой за их труд из суммы, ассигнованной для сей цели одному из членов Правления, на котором будет лежать обязанность делопроизводства.

О должностном действовании Аляскинского духовного правления нельзя, к сожалению, сказать много утешительного: крайняя медлительность в делопроизводстве, отсутствие интереса к делу, нехотение взяться за дело, сваливание с одних плеч на другие – вот общие черты должностного действования Правления⁴. Члены Правления, несмотря на мои настаивания, бумаг почти не исполняют, а потому постоянно получают жалобы со всех сторон на неисполнительность и так далее. Вследствие такой инертности Правления в нынешнее лето почти вся Аляска оставалась без свечей, так что в иных местах даже в Пасху нечем было осветить церковь. Репрессивные меры мало помогают, ибо все члены хорошо понимают, что менять часто состав Правления выпиской новых членов из России – и неудобно, и невыгодно, а посему и действуют все так, кто как хочет, и сколько хочет. В конце концов, вся тягота Правления, даже в мелочах, лежит на Епархиальном архиерее. Архиерей не имеет даже домашнего секретаря, а посему в большинстве случаев собственноручно ведет важнейшее делопроизводство. Духовного попечительства при Аляскинском духовном правлении нет. Благочинными в настоящее время состоят: в Ситхе – иеромонах Анатолий, кандидат Санкт-Петербургской духовной академии, назначенный туда в сентябре месяце прошлого года, а до этого времени состоял священник Владимир Донской, перешедший с сентября месяца на службу в Таврическую епархию. О благочинном В. Донском можно сказать только одно хорошее: как священник, как миссионер, как благочинный он оставил по себе добрую память в Алеутской епархии.

Благочинным Уналашкинского округа в течение всего года состоял священник А. Кедровский – студент Вологодской духовной семинарии. О Кедровский подает большие надежды – и своим благочестивым житием, и своею примерно-усердной деятельностью в звании благочинного и миссионера. До его назначения на Уналашку благочинным состоял иеромонах Митрофан, который своим пьянственным житием и скандалами вынудил меня отправить его обратно в Россию.

С апреля до конца отчетного года состоял нью-йоркским благочинным священник Е. Баланович, переведенный из Новой Деревни, что на Черной речке в Санкт-Петербурге, а до него – протоиерей А. Товт⁵. Протоиерей А. Товт из обращенных униатов, назначен был мною

³ На этом бурная карьера Иннокентия (Пустынского) не закончилась. По возвращении в Россию он работал в духовной цензуре, а в 1903 г. вернулся в Америку и возглавил вновь образованный Аляскинский викариат. В 1909 г. снова вернулся в Россию, возглавлял ряд епархий, а в начале 1920-х гг. примкнул к «обновленцам». Арестован ОГПУ в 1933 г., расстрелян в 1937.

⁴ Недовольство еп. Николая работой членов Правления имело серьезные основания. Его особые нарекания вызывал старший член Правления священник Н. Гринкевич, который в ответ на критику владыки за неисправное ведение отчетности подал прошение об увольнении в Россию. В 1896 г. он был выведен из состава Правления, а вскоре после этого вернулся на родину [12].

⁵ В 1994 г. прот. Алексей Товт (1853–1909) был прославлен в лике святых Православной Церковью в Америке. Униатский священник из Австро-Венгрии, о. Алексей обратился в православие в США в

благочинным в этот округ – в уповании, что – как знающий дух и направление своих соплеменников-униатов – будет самым лучшим управителем в качестве благочинного и вместе с тем – одним из преданнейших мне сотрудников в деле обращения униатов. К сожалению, о. Товт не оправдал моих надежд: упрямый, своенравный, он решительно не хотел признавать ничьей власти, действуя часто очертя голову и вопреки моим распоряжениям, как например: он устроил покупку Аллегенской церкви с долгом в 5500 долл.; такую же операцию произвел и в Бриджпорте с постройкой тамошней церкви; наконец, самовольное расходование сумм по своей приходской церкви сперва – в Миннеаполисе, а затем и в Вилькесбаррах безо всякого контроля, – заставило меня, когда он подал прошение об увольнении от благочиния, – принять эту отставку и назначить на его место вновь прибывшего из С. Петербурга священника Е. Балановича. К сожалению, священник Баланович при порядочных административных способностях и при знании канцелярского дела не оказался в Новом свете на высоте своего звания. Войдя в мелочи и дрызги приходской жизни, он сразу разменял себя на мелочи, а затем, запутавшись в этих дрызгах, вынужден был и совсем оставить свою службу в Алеутской епархии. Назначенный на его место благочинным священник И. Недзельницкий⁶ обнаруживает пока послушание, усердие и умелость в деле управления приходом и благочинием. С введением в дело Епархиального управления благочиннического надзора заметно оживилась деятельность духовенства, – особенно на Аляске, и особенно в Ситхинском благочинии, где сам благочинный личным примером и усердием в служебных делах много влиял на подведомое духовенство.

В истекшем году открыты следующие миссии: в Нью-Йорке – Сиро-Арабская, в Гальвестоне – греко-сербская, в Сеаттле – греко-сербская. Последняя, однако же, ввиду отказа Министерства финансов дать средства на ее отдельное существование может быть соединена снова с Джексоновской миссией. Открыты также две псаломщицких вакансии в Анзони, штате Коннектикут и при Нью-Йоркской св. Николаевской церкви. Последняя ввиду затруднений, вызываемых со стороны министерства финансов, может быть закрыта, хотя и с ущербом для миссионерского дела в Нью-Йоркском благочинии. Открытие новых миссий и приходов вызывается частью присоединением униатов – карпато-руссов к православию, а частью – нуждами православного населения в Америке, в состав которого, главным образом, входят теперь греки, сербы и арабы.

В отчетном году Епархиальным архиереем посещены дважды почти все приходы Соединенных Штатов за исключением Сеаттле и Гальвестона – во время следования в Россию (отпуск) и на обратном пути из России. Архиерейские служения были в Миннеаполисе, Чикаго и Нью-Йорке (по дважды).

Монастырей в Алеутской епархии нет, хотя в интересах религиозного просвещения в духе православия и желательно бы было иметь, по крайней мере, два монастыря: один в восточных штатах Америки (для вновь воссоединенных униатов-русинов), а другой – на Аляске (хорошо бы на острове Еловом, где почивает инок Герман, просветитель алеутов)⁷.

В отчетном году обозрение церковей Аляски и Алеутских островов было поручено мною тамошним благочинным, причем благочинный В. Донской объехал все свое благочиние, про-

1892 г., за три года до периода отчета еп. Николая. Ниже последний отзывается о нем отрицательно, но впоследствии, по всей вероятности, о. Алексей привык к иерархической дисциплине православной Церкви, а еп. Николай изменил о нем свое мнение. В отчете о состоянии епархии за 1897 г. он отметит его среди «выдающихся в епархии по своему усердию и деятельности» [9].

Во всяком случае, если благочиннический опыт о. Алексея был неудачным, то о его деятельности как проповедника и апологета Православия следует сказать обратное и даже больше. Неутомимый проповедник православной веры среди униатов, прот. Алексей за семнадцать лет своего служения в православной Церкви (1892–1909) прямо или косвенно повлиял на обращение в православие более 20 тысяч униатов [13].

⁶ Протопресвитер Иоанн Недзельницкий (1866–1946) – усердный пастырь и миссионер, более полувека прослуживший в Малороссии и в Америке. Период отчета еп. Николая был первым годом его служения в США. В 1906 г. он вернется в Россию, но после революции, спасаясь от преследований советской власти, снова прибудет в Соединенные Штаты, где продолжит священническое служение до конца своих дней. Подробнее о нем см. [3, с. 49–50, 52].

⁷ Преподобный Герман (Попов, 1751–1836) входил в первую группу миссионеров, принесших свет православной веры на американский континент в 1794 г. Глава Кадьякской духовной миссии с 1807 г., монах высокой духовной жизни, учитель веры, скорый помощник местным жителям в их нуждах и болезнях, их заступник перед светским начальством. Прославлен в лике святых в 1970 г.

быв в путешествии около трех месяцев, испытывая всевозможные лишения, а иногда даже и опасности от бури на море. Нучекский отдел он объехал вместе с псаломщиком А. Кашеваровым, совершив, где требовалось, требы и дав религиозное утешение бедным алеутам, в течение нескольких лет не видевшим священника. В благочинии Ситхинском более других выдавался своею миссионерскою деятельностью священник А. Ярошевич в Кенайской миссии⁸. Свою ревность по Богу он дважды даже запечатлел своею кровию; лукавые и нечестивые приказчики Аляскинской торговой кампании дважды его избили до крови, причем один из них врывался в церковь во время богослужения с пистолетом, чтобы выгнать народ на работу. Этого священника, как и других наших миссионеров, возненавидели приказчики Аляскинской торговой кампании за стремление водворить в среде инородческого населения трезвость и целомудрие, которым не покровительствуют они, – и, конечно, в своекорыстных целях.

Уналашкинский благочинный посетил Михайловский редут, побывал и на Квихпаке, где освятил, по моему поручению, вновь устроенную церковь во славу Креста Господня, посетил и Прибыловы острова, и в селении Бельковском и на острове Ун. И здесь замечается такой же антагонизм между нашим духовенством и приказчиками Аляскинской торговой кампании, особенно в Нушагаке. К сожалению, жалобы наши Американскому Правительству нам мало помогают, ибо они в большинстве случаев оставляются без последствий.

Благочинный Нью-Йоркского благочиния священник Е. Баланович объехал почти все свое благочиние, сопутствуя мне при возвращении моем из России в С.-Франциско.

Викария в Алеутской епархии нет, но в интересах дела, а главное – ввиду обширности епархии – было бы желательно иметь викария в Ситхе, откуда он бы мог управлять Аляской. С другой стороны, в интересах миссионерского дела было бы желательно кафедру правящего архиерея перенести в Нью-Йорк, оставив в С.-Франциско только священника и псаломщика на общем положении Джексоновской и Гальвестонской миссий.

В отчетном году выстроены на средства прихожан при пособии от Аляскинского духовного правления следующие церкви: в Джексоне – св. Саввского (каменная), в Сеаттле – св. Спиридона (деревянная), в Гальвестоне – свв. равноапостольных Константина и Елены, в Бриджпорте – св. Духовская (деревянная), в Филиппсбурге – Иоанно-Крестительская (деревянная), в Стриторе – Трехсвятительская (деревянная). Устройство церквей, как и открытие миссий, вызывается необходимостью в них: наличный состав их не может удовлетворять всех нужд православного населения, раскинутого на огромных пространствах Северо-Американских Соединенных Штатов.

Больниц и богаделен при церквях не имеется; но взамен этого существуют при некоторых приходах наблюдатели за больными (при братствах), которые ухаживают за больными и дают знать о переменах в состоянии здоровья пациентов приходскому священнику и Братству. Братство в большинстве случаев приходит на помощь больным своею материальною поддержкою. Таковые братства существуют почти во всех приходах на континенте Америки, и при некоторых – на Аляске. Они составляют особый союз в целях взаимопомощи, управляемый выборным советом, состоящим из Нью-Йоркского Генерального Консула, Нью-Йоркского священника и нескольких членов-братчиков. Этот союз выдает единовременную помощь вдове в 300 долларов, а вдовцу – 150 долл., кроме случайных пособий беднякам и больным. Этот союз братства организован в апреле месяце 1895 г.

Состав духовенства Алеутской епархии хотя и не велик по количеству, но весьма неодинаков по качеству. Здесь есть священники совершенно без всякого образования, как например, З. Бельков и Иннок. Лестеньков и священники, учившиеся в католических коллегиях и даже в Римской Propaganda fide⁹ (священник Амвросий Вретта, протоиерей А. Товт, священ-

⁸ Александр Ярошевич, выпускник Холмской духовной семинарии. В Алеутской епархии с 1888 г.: псаломщик при Михаило-Архангельском соборе в Ситхе, священник-миссионер Кенайской миссии (с 1893 г.), затем – в Джуновской миссии (с 1895 по 1906 гг.). Награжден набедренником и скуфьей за «отлично усердное служение» [10]. В 1896 г. подал в суд на агента Аляскинской торговой кампании за производство самогона и спаивание православных прихожан, но тот отделался минимальным взысканием.

⁹ Конгрегация Propaganda fide («Распространение веры») была одним из своего рода ведомств в папской администрации и занималась вопросами римско-католической миссии. При ней существовал Урбанианский колледж (Collegio, коллегия) для подготовки священников-миссионеров. В нем учились в т. ч. униаты, каковыми были упомянутые священники до перехода в православие. В 1967 г., после II Ватиканского собора, конгрегация Propaganda fide была переименована в «Конгрегацию евангелизации народов», а в 2022 г. объединена с «Папским советом по новой евангелизации» в одно большое учреждение под названием «Дикастерия евангелизации».

ники В. Товт и Михаил Балог); большинство же с семинарским образованием. Нельзя, однако же, утверждать, что с высшим образованием и религиозно-нравственная настроенность стоит на соответствующей степени. Нет, наблюдались случаи и совершенно обратного отношения. Наблюдается, что чем выше по образованию священник, тем он самомнительнее, тем более обнаруживает склонности к самоволию, упрямству, а часто даже – и к непочтительности к высшей власти; наблюдается не столько подчинение, сколько уклонение от своей обязанности. К счастью, с изменившимся взглядом в высших правящих сферах на дела Алеутской епархии и на отношение к Епархиальному начальству этой епархии стало наблюдаться и больше дисциплины в духовенстве здешнем. Очень благодетельное влияние как вообще на состояние клира, так и на оживление пастырской деятельности в епархии произвела смена прежнего духовенства новым – из России. И хотя и в присланных из России было несколько неудачных экземпляров, тем не менее, дело стало лучше от обновления состава духовенства Алеутской епархии, что особенно заметно на Аляске. Отрезвление духовенства, а с ним и Епархии, идет после этого довольно успешно. В настоящее время всю Аляску за исключением очень небольшой части можно считать на пути к оздоровлению и вытрезвлению.

Относительно исправности духовенства по отношению к Богослужению и назиданию паствы можно дать отзыв весьма удовлетворительный: за немногими исключениями дело это ведется исправно и довольно благоговейно. Судя по богослужебным журналам, существующим при каждой церкви, Богослужение совершается не менее трех раз в неделю, а проповедование слова Божия идет почти за каждым богослужением.

Относительно нравственного состояния духовенства можно сказать, что оно теперь в относительно удовлетворительном положении – преступлений и проступков против нравственности – особенно крупных, не было, или по крайней мере, не усмотрено мною. Единственное, что обращает на себя внимание в здешнем духовенстве – это быстрое утрачивание русского и церковного в себе обличья и усваивание в жизни общественной и домашней часто нежелательных сторон американской культуры. Духовенство с переменной одеждой с церковной на светскую меняет не только прическу и обличье русского православного духовенства, но часто и язык, и нрав, и обычай. Посты почти нигде не соблюдались; старинные церковные обычаи забыты; в семействах весь склад жизни по американскому порядку – не всегда, однако же, лучшему по сравнению с русским. Вообще, поклонение доллару, стремление все делать из-под доллара, личный комфорт, личная независимость во всем, свобода, граничащая иногда с произволом – вот черты, которые были наблюдаемы в здешнем духовенстве; к счастью, с назначением из России новых людей заметной становится перемена к лучшему и в этом отношении: во многих местах – и на Аляске, и на континенте – стали священники жить по старине – православной, русской, и это заметно стало отражаться и на повышении нравственности и прихожан.

В материальном отношении духовенство Алеутской епархии обеспечено хорошо: жаловаться ему на нужды и лишения нет резона, если только не будет развивать в себе прихотей и привычек, несообразных с духовным званием. В некоторых приходах, например, на Аляске и во вновь образованных в Пенсильвании, есть еще и доходы от прихожан, которые бывают больше или меньше смотря по заработкам прихожан, которые не всегда бывают одинаковы каждый год, особенно на Аляске (промыслы).

Сетовать на избыток в духовенстве Епархиальное начальство не может, ибо Епархиальному архиерею часто приходится совершать все то, что в других епархиях, великороссийских, делают обыкновенные клирики; напротив, относительно сей статьи должно сказать, что Алеутская епархия еще во многом и многом нуждается. Особенная затруднительность в снабжении приходов и миссий духовенством является отсутствие в Алеутской епархии собственных школ, где бы могли приготавливаться священно- и церковнослужители, почему приходится выписывать таковых из-за моря, что и дорого и во многих отношениях не всегда удобно.

Выдающеюся пастырской деятельностью на Аляске отличались в истекшем году священник В. Донской, священник А. Ярошевич, священник Т. Шаламов, священник А. Кедровский. Они усердно объезжали свои приходы, неустанно проповедывали слово Божие, заводили общества трезвости, внебогослужебные собеседования, преподавали в школах.

К инославному духовенству наше духовенство относилось всегда в духе мира и любви, не задевая никого и не стараясь входить в столкновение с кем-либо; но к чести его нужно сказать, где требовало достоинство нашей церкви, там наше духовенство умело за себя постоять. В данном случае особенно тяжело было положение причта Кадьякской Воскресенской церкви,

Нушагакской и Уналашкинской, где пресвитерианские и методистские миссионеры, покровительствуемые тайно и явно агентами Вашингтонского правительства, особенно же инспектором народного образования Челдоном Джексонем, Роскай (в Кадьякском приходе), Токк (на Уналашке) и Вульф (в Нушагакской миссии), путем обмана и насилия забирали детей православного населения в свои приюты и здесь перевоспитывали их в духе сектантских учений – с явной ненавистью ко всему русскому и православному. Фанатизм этих проповедников доходил до крайней степени, особенно на Кадьяке, где диакон Н. Кашеваров, посланный священником Шаламовым, чтобы привести детей к исповеди и причастию, был избит Роскаем в присутствии многих свидетелей. Ситхинский суд, куда были предъявлены жалобы потерпевших, в угоду всемогущему Джексону уклонился от решения сих дел, так что обиженным пришлось утешаться только тем, что Господь все видит и, конечно, воздаст в свое время каждому по делам его. Вообще нужно сказать, инославные миссионеры далеко не так снисходительно и терпимо относятся к православию, как это говорится на митингах и пишется в конституциях Американских Соединенных Штатов: фанатизм и нетерпимость пресвитериан нисколько не хуже тех же качеств католических миссионеров, особенно иезуитов. Только Епископалы составляют исключение из общего правила: они всюду относятся к нам предупредительно и с почтением. О всех этих злочиниях и настроениях я доводил уже не один раз до сведения Вашингтонского правительства и прямо, и косвенно; но пока ощутительных результатов в улучшении положения дел не замечаю, хотя Роскай и Вульф негласно отозваны, а Токк сделан из заведующего училищем только учителем.

Во вновь устроенных приходах восточных Штатов – из прежних униатских – отношения нашего духовенства к католическому и униатскому тоже не из мирных.... Поддерживаемое своими старокраевскими архиереями, особенно митрополитом Сембратовичем и епископом Фирцаком, а также покровительствуемые Папским нунцием кардиналом Сатолли и начальником *propaganda fide* кардиналом Ледоховским, католическое и униатское духовенство с особенным озлоблением набрасывалось на наше духовенство в Пенсильвании, стараясь очернить его всякого рода клеветой и инсинуациями. В данном случае главной мишенью, в которую были направляемы стрелы врагии, были протоиерей А. Товт и другие священники из униатов, не всегда с тактом действовавшие; затем священник Амвросий Вретта и священник Попов. В Стриторе и Вилькесбаррах подняли судебный процесс в целях отнять у нас церковное имущество, на которое будто бы жертвовали католики и униаты, и которое поэтому должно быть католическим и униатским, но никак не православным. В Стриторе суд отказал в этой претензии; а в Вилькесбаррах вот уже два года ведется процесс по этому поводу, стоящий православной стороне 1200 долларов, и столько же, если не больше, – противной стороне; к суду были вызываемы сотни свидетелей с обеих сторон, выслушивались самые обстоятельные изложения отличий православия от папизма, а последнего от унии; католики прибегали ко всем средствам, чтобы сломить православных, даже покушались путем взлома ящика у письменного стола протоиерея Товта выкрасть нужные документы, и все же цели же своей пока не достигли. Один из главных преследователей православных, униатский священник Михаил Балог, в самой середине процесса обратился в православие и заявил себя противником униатов и католиков... Это произвело сильное впечатление на всех, и суд отложил дело... Чтобы положить предел этим судебным делам и трате наших денег, я послал в суд предъявление на 8000 долларов, мною издержанных на содержание причта, ремонт церкви, утварь и прочее, прося наложить запрещение на имущество, в случае, если суд приговорит возвратить церковное имущество униатам; ибо принимая эти приходы в православие, я не получал в свое время претензий от католических и униатских епископов, вследствие чего и сделал затраты, которых бы не было при обратном отношении к этому делу этих епископов. Протест с нашей стороны дал иное направление этому делу, и, кажется, противная сторона проиграет вполне, как уже и проиграла подобное же дело в Стриторе.

Существующие две униатские газеты: «Свобода» для галичан, и «Русский Американский Вестник» для угроруссов много злобы и грязи вылили на православие, называя последнее в насмешку «цареславием», – за то, что мы молимся при каждом Богослужении за Благочестивейшего Государя... Особенным озлоблением ознаменовала «Свобода» дни кончины Государя Александра III-го: таких мерзких и пасквильных статей не появлялось даже и в нигилистических органах, какими украсилась пресловутая «Свобода». Втори́ли этой «Свободе» только «Литва» и «Польша». В последних газетах меня величали не иначе как «убийцей» и «лодарем», который ездит «сквернить» (читай – освящать) храмы благочестивых «верников»; иные

называли меня даже «самозванцем», не имеющим епископского сана, и только морочащим головы людей. В защиту православия протоиерей Алексей Товт написал брошюру под заглавием «що він' э?»¹⁰, в которой на основании писем редактора Грушки к нему, Товту, разоблачает всю фальшь этого человека (он был редактором «Свободы»).

Какую же теперь установить точку зрения на униатское движение в Америке? Униатское движение в Америке, или точнее – стремление униатов к Православию – существует: это факт несомненный... В нем убеждает существование самых газет «Свобода» и «Русский Американский вестник»; здесь прямо и открыто заявляется борьба не на живот, а на смерть с православием, которое вносит и вносит разделение в русский народ. Почему же такое озлобление, когда православие дает только одно хорошее?! Причина не в народе, а в духовенстве, народ – это материал, из которого что хотят, то и делают эти «отцы». Духовенство же здешнее делится на две партии: одна партия галичан, а другая угроруссов... Галичанское духовенство почти все заражено украинофильством, следовательно, и московско-фобством... отсюда понятно, почему оно борется против православия. Кроме этого, в этом духовенстве есть много социалистов (Грушка, Дмитров), которые ставят рабочий вопрос выше религиозного, и материальный комфорт выше спасения души. Стоит только прочитать передовые статьи Г. Грушки¹¹ – его стихотворения и прочее – чтобы убедиться в этом. Угрорусское духовенство – то задается другими целями; оно думает устроить независимую униатскую церковь в Америке с самостоятельной организацией на пресвитерианских началах и только с номинальной зависимостью от старокраевских епископов; это духовенство, все воспитанное в духе иезуитских коллегий (образчиком могут служить фанатики – Яцкович и Дзубай), так же ненавистно относится к православию, как и католическое: оно пойдет скорее на компромисс с ксендзами латинскими, нежели с православным епископом. К вящему несчастью несчастных русинов, это духовенство еще в начале движения униатов к православию частью закрепило церкви и приходские дома за латинскими епископами (айригийскими, как здесь их величают русины), а частью позакладывало в банки, и подобравши денежки, удрало восвояси, чтобы дома жить по-«господарьски». К разряду последних относятся Андрухович и Кошалко. Эти джентльмены не только позакладывали церковное имущество, но даже продавали и священные сосуды. Несчастный народ, кровавым трудом добывавший деньги на покупку церковных земель, на постройку приходских домов и храмов, – в результате оказался еще и с долгами на церковном имуществе, – и не малыми: есть, например, долги от 8000 долларов до 35000 дол. и более (напр., в Бруклине церковь имеет долгу 8000 долларов, в Юнкерсе 35000, а в Питсбурге 37000 дол.)... Они бы давно были православными, но этому мешают уже не столько их грехи, сколько долги. Ради долгов на церковном имуществе я отказал Буфальцам, Ольфорджам и Кливлендцам. Некоторым униатским патерам я отказал в принятии в православие – просто из неуверенности, что они искренно этого желают.

Отношения наши к старокатоликам американским были все время дружественны. Архиепископ Виллат всячески хочет нравиться нам и всячески ищет общения с нами. Часто и очень часто получались мною письма от разных лиц инославных исповеданий с вопросами о православии, с симпатиями к нашему делу в Америке; а во время поездок по Епархии – и лично являлись ко мне с приветствиями и выражениями всякого рода симпатий, как духовные, так и миряне, и преимущественно из Епископальной церкви.

К сожалению, в то время, как я напрягал все свои силы на борьбу с духовенством инославным, – в среде нашего духовенства находились экземпляры, которые частью по узкости своего мирозерцания, а частью – просто из личного нерасположения ко мне, не всегда благоволиительно относившемуся к их недисциплинарному поведению, – не только не помогали мне, но и даже старались делать мне преткновения... К числу таких недоброжелателей относится, к великому моему огорчению, мой бывший питомец и постриженник, на которого я возлагал большие надежды, – иеромонах Иннокентий Пустынский...

Со своей стороны – мы полагаем лучшим средством для борьбы с врагами православия в Америке – иметь свой штатный орган, который при помощи Божьей и при содействии Святейшего Правительствующего Синода имеет выходить в свет на двух языках: русском и английском, – будет вместе с этим посредником между православием и инославием.

¹⁰ «Что он есть?» (укр.).

¹¹ В скором времени Григорий Грушка, священник-униат, перейдет вместе со своим приходом в православие. Он будет служить настоятелем церкви в Олд Фордже (Пенсильвания) и станет редактором православной газеты «Свет», издававшейся на малорусском языке.

Паства Алеутской епархии, благодарение Богу в общем не уменьшается, а все более и более возрастает в своем количестве... По официальным данным, ее насчитывается свыше 22000 обоего пола; но надобно полагать еще столько же нигде не записанных... Всех воссоединенных униатов в разное время к началу нынешнего года было более 2500 человек. В отчетном году вновь воссоединилось – в Анзони, штата Коннектикут, – 83 человека, в Бриджпорте еще 141 человек, в Майнфильде – 50 человек, в Шептоне – около 50 человек с детьми, в Миннеаполисе – еще 15 человек, – всего около 239 человек. На Аляске: в Джуно – 28 человек-калош¹², в Ситхе – около 40 человек, на Квихпахе 160, в Михайловском Редуте 85, – всего же униатов, католиков и язычников 550 человек. Некоторое замедление в присоединение калаш Джуновских, которые при Преосвященном Владимире подавали прошение в числе 2000 человек о принятии их в православие (это прошение после подтвердили Ситхинский губернатор, священник В. Донской и церковный староста Костромитинов), и которое хранится в числе документов в архиве Св. Синода, – объясняется частью незнакомством священника Бортновского с калошским наречием, а частью и другими условиями. На мой запрос по сему предмету бывший благочинный Ситхинского округа, священник В. Донской, писал мне в конце отчетного года следующее: «Причиной сравнительного малого числа обращенных из язычества служит то, что индейцы, как народ кочевой и рабочий, не всегда могут посвящать шесть недель на изучение пред крещением истин святой веры и молитв¹³, как это практикуется теперь миссионерами; многие из индейцев, при всем желании принять св. Крещение, уstraшаются такого долгого срока и оставляют исполнения своего желания на неопределенное время, а у некоторых совершенно отпадает охота к принятию православия... Священник Бортновский высказывается, что малым числом обращающихся он нисколько не смущается, ибо он опытно дознал, служа прежде в Ситхе и Килисну, что крещающиеся без предварительной подготовки калоши редко когда выходят хорошими христианами, и напротив, он смело может поручиться, что обращенные им в Джуно индейцы, хотя их и немного, есть люди истинно верующие и преданные св. Церкви (Рапорт Благочинного от 22 сентября 1895 г. № 136). Теперь в Джуно приход составляет 225 человек обоего пола.

Что касается религиозного состояния Алеутской епархии, то вследствие многих причин, действовавших здесь издавна, а главное – вследствие пребывания многих вне благотворного влияния св. Церкви в течение многих лет, – то относительно этого нужно желать еще многого. Много, что было привито с принятием православия на Аляске, уже оставлено или пришло в такое состояние, что едва держится, – особенно ослабли семейные узы, вследствие легких разводов, по американским законам; посты забыты; чествование двенадцатых праздников, вследствие обязательности работать в эти дни, – оставлено и проч. Но что особенно пагубно, так это – привычка вкоренившаяся, особенно у сербов, – не ходить к исповеди и св. причащению... Так как в американских школах Закона Божия не преподается, а многие из прихожан живут слишком далеко от церквей; то знание молитв и Закона Божия очень слабо как у родителей, так и у детей, – и в сем отношении у славян особенно. Здешние христиане, преимущественно из славян и греков, – отвыкли жертвовать что-либо в пользу церкви и причта: они думают, что все это должна давать им единоверная Россия; случается весьма часто, что ничего не дают при совершении треб, даже за свечи, не говоря уже о чем другом. Сравнительно горячее к церкви и своему спасению относятся обращенные из унии русины и затем – алеуты: здесь поддерживаются во всей силе старинные добрые навыки и обычаи. Если сравнивать население Алеутской епархии по степени благочестия и усердия к церкви, то надобно установить такой последовательный порядок: прежде всех следует поставить русинов, затем – алеутов, потом – арабов, а далее – русских, креолов, греков и других инородцев и, наконец, сербов.

Катехизические поучения и вообще собеседования заведены мною во всех приходах Епархии. В большинстве приходов они производятся за торжественными вечерами, после акафистов, – по воскресным дням. В Ситхе ведутся, при содействии переводчика, на калошском наречии, на Уналашке – на алеутском, в Квихпахе – эскимосском, а в других местах на

¹² Калоши (др. варианты: колоши, калюжи, колюжи, калюши) – собирательное название индейцев северо-западного побережья Северной Америки (тлинкитов, хайда-кайгани, цимшиан и нек-рых др. племен), не входивших в этнические группы эскимосов и алеутов. См. [3].

¹³ Этого я требую от всех миссионеров (прим. еп. Николая).

русском или русинском. Иеромонах Севастиан Дабович¹⁴ вел беседы на английском и сербском языках, а священник А. Вретта – на греческом.

Почти при всех церквах существуют школы, хотя и не везде с ежедневным преподаванием, – в большинстве случаев субботние и воскресные. Так как по американским законам обучение почти во всех штатах обязательно, а в школах, вследствие разноверия, не ведется преподавание Закона Божия, то для восполнения этого пробела оставляется вне учебных занятий суббота: в этот день детям предоставляется право учиться Закону Божию у своих пасторов. Посему, в большинстве случаев, американские дети учатся Закону Божию только по субботам и воскресеньям у своих пасторов. Тому же порядку подчиняют своих детей и наши православные прихожане. Очень большим препятствием в деле преподавания истин веры служит то, что наше духовенство, особенно вновь назначенное из России, – не знает английского языка и местных наречий, а учащиеся, даже и славяне, – не понимают по-русски. Поэтому в отношении школьного дела в Алеутской епархии остается еще много дела. Лучшей – ежедневной – церковноприходской школой была школа при Миннеаполисской Покровской церкви; благодаря усердию священника Маляревского и псаломщика Зайченко здесь более 30 детей обучены довольно основательно русской грамоте, Закону Божию и церковному пению. При нашей кафедре существует субботняя школа, открытая в день преподобного Сергия – в день 500-летнего юбилея Лавры, названная по имени преподобного «Сергиевскою». Здесь обучалось детей от 25 до 15-ти в течение трех лет. Преподавание велось почти все время на английском языке. В Ситхе и Уналашке открыты двухклассные миссионерские школы с причетническим классом, по типу русских двухклассных образцовых школ. Эти школы еще не вполне организованы. Отчеты по ним при сем прилагаются. В отчетном году из обучавшихся в Ситхинской школе, а также и в Пенсильванских церковноприходских школах – поступили пять мальчиков в С.-Петербургское Александро-Невское Духовное училище (один в 3-й класс, три – в 4-й) и два в семинарии: один – в 1-й класс Петербургской Духовной семинарии, а другой – в 3-й класс Холмской Духовной семинарии. Успехи означенных учеников, судя по отзывам начальствующих лиц, очень хороши, так что есть надежда, что из этих детей выйдут хорошие служители церкви Божией в Алеутской епархии¹⁵.

В заключение сего отчета можно с некоторою уверенностью сказать, что дело православия в Алеутской епархии после застоя и даже упадка в предшествующие двадцать с лишком лет начало снова оживать и подавать надежды на лучшее будущее. Всемиловнейшее отношение к этой отдаленной Епархии в Бозе почившего Государя, а также всегда живое и теплое участие Св. Синода к нуждам ее, при обновлении клира новыми силами, было причиною этого оживления. Теперь остается только поддерживать начатое дело в том же духе и в том же направлении – с неослабной энергией, и с Божьей помощью оно пойдет от силы в силу и от славы в славу, – еже буди, буди.

Николай, епископ Алеутский и Аляскинский.

1896 г. 1/13 марта.
г. С.-Франциско.

Список литературы

1. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896–1897 гг. СПб, 1899. 279 с. + Прил.
2. Гринев А. В. Об этнониме «колоши». URL: https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/04_53.html (дата обращения: 11.03.2023).

¹⁴ Прп. Севастиан (Дабович, 1863–1940) родился в США в семье сербских эмигрантов, но получил духовное образование и принял монашество в России. Вернувшись в США, о. Севастиан был рукоположен еп. Николаем во иеромонаха и стал служить миссионером на Западном побережье США. В 1894 г. для сербской общины в Джексоне (Калифорния) построил храм во имя свт. Саввы Сербского, при котором был создан первый сербский приход в Америке. В 1905 г. епископ Алеутский и Аляскинский Тихон (будущий святитель) назначил о. Севастиана благочинным сербских храмов США; позднее в том же году указом Св. Синода о. Севастиан стал начальником новоучрежденной Сербской духовной миссии в составе Алеутской и Североамериканской епархии РПЦ, а также был возведен в сан архимандрита. В годы Второй Балканской (1912–1913) и Первой мировой войн служил капелланом в Сербской армии. Последние годы жизни провел на покое в монастыре св. Саввы в Жиче (Сербия). В 2015 г. был прославлен Сербской православной церковью в лике святых как преподобный Севастиан Джексонский, и почитается как основатель сербской православной юрисдикции в Америке.

¹⁵ Один из этих выпускников Ситхинской школы – Петр Чубаров, по окончании Петербургского Александро-Невского Духовного училища стал впоследствии учителем в той же школе [11].

3. Печатнов В. В. «Жатва велика, да делателей мало...» (Донесение о. Иоанна Недзельницкого о состоянии Нью-Йоркского округа Алеутской и Аляскинской епархии за 1898 г.) // Концепт: философия, религия, культура. 2023. № 1. С. 47–61.

4. Печатнов В. В. Жизнь российского духовенства в Америке конца XIX в. (по материалам переписки обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода К. П. Победоносцева) // Концепт: философия, религия, культура. 2021. № 4. С. 41–61.

5. Печатнов В. В., Печатнов В. О. Американская эпопея епископа Нестора (Засса) // Вестник Вятского государственного университета. 2022. № 2 (144). С. 41–56.

6. Печатнов В. О., Печатнов В. В. Российская дипломатия и Православная Российская Церковь в США (1867–1917 гг.) // Российская история. 2021. № 5. С. 83–96.

7. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 177 (1896 г.). Д. 3290.

8. РГИА. Ф. 796. Оп. 178 (1896 г.). Д. 3549. Л. 41–161.

9. РГИА. Ф. 796. Оп. 179. Д. 4034. Л. 11.

10. ARCA (Alaskan Russian Church Archives), Cont. B. 9–10, Iaroshovich Aleksandr, 1888–1925.

11. ARCA, Cont. H. 3–5 (Chubarov, Petr, 1895–1909, 1914).

12. ARCA, Library of Congress, Manuscript Division. Cont. D. 472–474 (Grinkevich, Nikolai, Reports by, 1893–1894).

13. Orthodox Christians in North America (1794–1994). URL: <https://www.oca.org/history-archives/orthodox-christians-na> (дата обращения: 11.05.2023).

"The cause of Orthodoxy in the Aleutian Diocese ... has begun to revive again and give hope for a better future" Report of Bishop Nikolai (Ziorov) on the state of the Aleutian and Alaska Diocese for 1895

Pechatnov Valentin Vladimirovich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy n. a. A. F. Shishkin.
Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
ORCID: 0000-0001-9340-9363. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Abstract. The material is a scientific publication of the document – "Report on the state of the Aleutian and Alaska Diocese for 1895", written by Bishop Nikolai (Ziorov) of Aleutian and Alaska for the Holy Synod of the Russian Orthodox Church. The document is kept in the State Historical Archive of Russia. The published report summarizes the first results of the reforms implemented by him. This seemingly purely bureaucratic document breathes with the vivacity and indifference of a bishop who cares about his work. Describing the problems of the diocese frankly and in a businesslike manner, the author makes interesting observations about the "Americanization" of Russian clergy in the United States and the threat of their loss of spiritual and national identity, and also critically analyzes the state of the Orthodox flock in America with its pronounced national differences. The pages dedicated to the Uniate movement in the United States, in the person of its hierarchy struggling with Orthodoxy, and in the person of its flock wishing to convert to Orthodoxy, arouse interest much more than historical, being relevant for today. The report also contains a number of important proposals that will be implemented by the successor of Nicholas svt. Tikhon, under whom the diocese will reach its highest flourishing. The publication is provided with a preface and a scientific reference commentary.

Keywords: Aleut and Alaska diocese, Bishop Nicholas (Ziorov), Alaska Spiritual Board, Holy Synod, Uniate movement in the USA, Russian Orthodox Church, Orthodoxy in America.

References

1. *Vsepoddannejshij otchet Ober-prokurora Svyatejshego sinoda K. Pobedonosceva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1896–1897 gg.* – The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod K. Pobedonostsev on the Department of the Orthodox Confession for 1896–1897. St. Petersburg, 1899. 279 p. + Adj.

2. Grinev A. V. *Ob etnonime "koloshi"* [About the ethnonym "koloshi"]. Available at: https://www.book-site.ru/fulltext/russ_america/04_53.html (date accessed: 11.03.2023).

3. Печатнов В. В. "Zhatva velika, da delatelej malo..." (Donesenie o. Ioanna Nedzel'nickogo o sostoyanii N'yu-Jorkskogo okruga Aleutskoj i Alyaskinskoj eparhii za 1898 g.) ["The harvest is great, but there are few workers..."] (Report by O. John Nedzelnitsky on the state of the New York district of the Aleutian and Alaska Diocese in 1898) // *Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura* – Concept: philosophy, religion, culture. 2023. No. 1. Pp. 47–61.

4. Печатнов В. В. *Zhizn' rossijskogo duhovenstva v Amerike konca XIX v. (po materialam perepiski ober-prokurora Svyatejshego Pravitel'stvuyushchego Sinoda K. P. Pobedonosceva)* [The life of the Russian clergy

in America at the end of the XIX century (based on the correspondence of the chief prosecutor of the Holy Governing Synod K. P. Pobedonostsev)] // *Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura* – Concept: philosophy, religion, culture. 2021. No. 4. Pp. 41–61.

5. Pechatnov V. V., Pechatnov V. O. *Amerikanskaya epopeya episkopa Nestora (Zassa)* [The American epic of Bishop Nestor (Zassa)] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2022. No. 2 (144). Pp. 41–56.

6. Pechatnov V. O., Pechatnov V. V. *Rossiyskaya diplomatiya i Pravoslavnaya Rossiyskaya Cerkov' v SShA (1867–1917 gg.)* [Russian diplomacy and the Orthodox Russian Church in the USA (1867–1917)] // *Rossiyskaya istoriya* – Russian History. 2021. No. 5. Pp. 83–96.

7. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 796. Inv. 177 (1896). File 3290.

8. RSHA. F. 796. Inv. 178 (1896). File 3549. Sh. 41–161.

9. RSHA. F. 796. Inv. 179. File 4034. Sh. 11.

10. ARCA (Alaskan Russian Church Archives), Cont. B. 9–10, Iaroshevich Aleksandr, 1888–1925.

11. ARCA, Cont. H. 3–5 (Chubarov, Petr, 1895–1909, 1914.

12. ARCA, Library of Congress, Manuscript Division. Cont. D. 472–474 (Grinkevich, Nikolai, Reports by, 1893–1894.

13. Orthodox Christians in North America (1794–1994). Available at: <https://www.oca.org/history-archives/orthodox-christians-na> (date accessed: 11.05.2023).

Опыт репрезентации рационального облика ислама: от рациональности гуманитарной к рациональности философской

Мавляутдинов Ильдар Сафиуллович¹, Шафигуллина Лилия Шамиловна²

¹кандидат социологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Россия, г. Казань. E-mail: ildarmav@yandex.ru

²кандидат педагогических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Россия, г. Казань. E-mail: liliyashamilovna@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется рациональный облик ислама. Методологический каркас исследования – феноменология религии, «примиряющая» конфессиональный субъективизм теолога и объективизм ученого (в том случае, когда роли теолога и ученого совмещены в лице одного исследователя). Таким образом, исследовательский предмет статьи – феноменологическая репрезентация рациональности, присущей мусульманскому вероучению.

Обозначается авторский взгляд на исторически сложившееся осмысление рациональности, присущей исламу (рассмотрению подлежит тюркская разновидность ислама). Приводятся авторские определения понятий «мусульманское вероучение», «рациональность мусульманского вероучения» и «социорелигиозная доктрина ислама». Выражается несогласие с современными публичными репрезентациями ислама, не отражающими философско-рациональную сущность мусульманского вероучения.

Показано, что сложившееся исторически отождествление ислама исключительно с гуманитарной формой рациональности неактуально/устарело. Утверждается, что текущему моменту времени соответствует репрезентация ислама как «носителя» философско-научной формы рациональности. Подобная репрезентация рационального облика ислама послужит эволюции его публичного восприятия.

Акцентируется внимание на обусловленности специфики рациональности мусульманского вероучения гибкостью смыслового содержания Корана.

Высказывается исследовательская убежденность: современные репрезентации рационального облика ислама должны осуществляться на основе трансдисциплинарного подхода, то есть сочетания исследовательских практик различных дисциплин – эпистемологии, феноменологии религии, теологии (сочетание дисциплин вариативно). Философско-научная рациональность, присущая мусульманскому вероучению, полномерно раскрывается со временем – демонстрирует эволюцию своих взглядов на рациональную сущность ислама и обогащение личного религиозного опыта.

Хронология, применяемая в статье, сопряжена с неклассическим и постнеклассическим этапами становления научной рациональности – дискутируются теории и концептуальные построения, выработанные с конца XIX в. по настоящее время.

Ключевые слова: ислам, актуальная репрезентация ислама, рациональность мусульманского вероучения, гуманитарная рациональность ислама, философско-научная рациональность ислама, феноменология религии, трансдисциплинарный подход.

Постановка проблемы. Трансдисциплинарный репрезентативный облик ислама: вариативные положения. Актуальность темы статьи вызвана несогласием автора с публичным обликом ислама (или его репрезентацией), тиражируемым в современном мире. Широкое распространение получили сегодня репрезентации мусульманской культуры (а не вероучения), вызывающие пейоративное восприятие этой религии в общественном сознании. Как правило, ироничное или даже презрительное отношение к исламу формируют его публичные репрезентации, связанные с обрядовым аспектом мусульманской культуры (отметим, что пейоративному восприятию ислама способствуют также и сами мусульмане – те из них, кому свойственна демонстративная «экспрессия религиозных чувств» [23, с. 15]).

В процессе активизации социокультурной активности религий, пришедшейся на начало XXI в., датский социолог и религиовед С. Хьярвард усматривает существенное изменение: «Большинство публичных репрезентаций религии, пишет С. Хьярвард, создается и распространяется не религиозными организациями, а медиа [средствами массовой информации]» [31, с. 43]. Западноевропейским примером медиатизации ислама, то есть тиражирования образа ислама в СМИ, могут послужить карикатуры на исламскую тематику, регулярно появляющиеся в датских и французских СМИ, в частности, во французском еженедельнике Charlie

Hebdo. Российские электронные СМИ, связанные с исламской тематикой, как правило, в своей деятельности сосредотачиваются на социокультурных репрезентациях ислама, акцентируя внимание на его гуманистической, эгалитарной сущности. В частности, информационный портал «Umma.ru. Достоверно об исламе», сайты «Ислам для всех» и «Islam – Today.ru. Ислам сегодня», а также исламский портал «Ислам и семья» и другие.

Религия и наука как социальные институты в современном мире отвечают за выработку социальных установок, формирующих принципы человеческих взаимодействий. И религии, и науке присущи различные типы рациональности [34, с. 20–24], однако с обязательной составляющей – гуманитарной. Современная наука как социальный институт испытывает потребность в увеличении гуманитарной составляющей в своей рациональности, так как «традиционный тип рациональности в науке исчерпал свои возможности и стал даже опасен для человека» [13, с. 113].

Гуманитарная рациональность, присущая религии (исламу), напротив, несколько избыточна, так как не уравнивается рациональностью философско-научной. Причина тому – современные репрезентации ислама, как правило, основывающиеся на обозначении мусульманской культурной специфики. Такие репрезентации ислама не несут опасности для человека, однако они малопродуктивны, так как не раскрывают весь спектр рационального потенциала, присущего исламу. Официальные сайты профильных институтов, репрезентирующие разные стороны ислама, пока не оказывают должного влияния на публичные репрезентации мусульманского вероучения в философско-рациональном его аспекте.

Следовательно, не будет преувеличением считать, одной из насущных задач для заинтересованных представителей социально-гуманитарного ученого сообщества выступает увеличение репрезентаций ислама, раскрывающих его рациональный потенциал. При этом искомые репрезентации должны соотноситься с решением ключевых проблем рациональности, обозначенных в современных социально-гуманитарных науках. К числу таковых Д. О. Труфанов, в частности, относит: «обусловленность решения проблемы рациональности содержанием той или иной философско-методологической концепции; проблему критериев и связанную с ней проблему типологии рациональности; проблему плюрализма моделей рациональности; проблему общего философско-методологического подхода к изучению рациональности; проблему отношения к рациональности как к ценности культуры, а также проблему современного понимания рационализма и его познавательных возможностей и др.» [29, с. 13–14].

Какие дисциплинарные и методологические наработки сегодня особенно необходимы для осуществления искомых публичных репрезентаций мусульманского вероучения?

Основы репрезентации были заложены Декартом – западным создателем рационального видения мира (противоположное – сердечное видение мира – было предложено Паскалем). Декартовская рациональная репрезентация суть «возможность представить, как противопоставить, поместив перед собой наличное сущее, включить его в отношения с собой как предмет» [18, с. 8]. Другой французский философ – Г. Башляр, повлиявший на формирование эпистемологии середины XX в., – относил проблему «превосходства репрезентации над реальностью» к проблемам общеполитического свойства. При этом Г. Башляр считал ошибкой отсутствие у философов стремления «к систематическому изучению процесса репрезентации» [5, с. 15].

Обозначая эпистемологическую сущность репрезентации, Л. А. Микешина отмечает следующее: сущность репрезентации как «одной из фундаментальных операций любой познавательной деятельности» заключается в «представлении идеальных и материальных объектов в акте сознания» [18, с. 8].

Резюмируя приведенные доводы в контексте современной постнеклассической рациональности, обозначим следующее. Современная рациональность как способ мыслительной деятельности, направленный на понимание и объяснение происходящего в действительности, предполагает, что рациональность должна рассматриваться с широких позиций [29, с. 124]. Отсюда междисциплинарная специфика парадигм и трансдисциплинарность подходов, олицетворяющих современную социально-гуманитарную науку.

Трансдисциплинарный подход как совмещение различных дисциплинарных методологий вызван к жизни невероятным увеличением количества научных дисциплин. По замечанию С. М. Пястолова, «за последние 50 лет количество [научных дисциплин]» возросло настолько, что сегодня уже «измеряется не сотнями, а тысячами» [22, с. 141].

Принимая во внимание одну из базовых характеристик постнеклассической рациональности – «гибкость» (сущность «гибкости» – в раскрытии соотношения рационального и

иррационального в познавательном процессе), [17, с. 47] – из тысяч современных дисциплин выбираем следующие: *эпистемологию, теологию и феноменологию религии*. Таков один из вариантов трансдисциплинарного подхода, необходимого для репрезентации – или, следуя Декарту, «представления как противопоставления» – рационального облика ислама.

Совмещение различных дисциплинарных методологий, свойственное трансдисциплинарному подходу, осуществлено канадским теологом Бернардом Лонерганом – представителем трансцендентального томизма [8, с. 15]. По причине того, что люди «склонны к самому решительному разногласию в базовых философских вопросах» (в отличие от согласия в вопросах научных), между людьми нет согласия «в деятельности, именуемой познанием», пишет Б. Лонерган [14, с. 35].

С доводом Б. Лонергана относительно познания связан диалектизм теологии – все теологи являются профессионально вовлеченными исследователями, отсюда неизбежность противоречий между ними, в том числе по этой причине теология рассматривается как особая форма рациональности [4, с. 95–135].

С точки зрения Б. Лонергана, теологии имманентна соотнесенность с гуманитарными науками, причем, «как со стороны характера и структуры познания, так и со стороны собственной роли теологии в культуре» [8, с. 18].

Концепция, разработанная Б. Лонерганом, в текущий момент времени способна выполнить в гуманитарных науках важнейшую миссию – «преодолеть взаимную настороженность между богословием [теологией] и гуманитарным знанием» [8, с. 18].

Для преодоления обозначенной «настороженности между богословием и гуманитарным знанием» Б. Лонерган предлагает использовать особые теологические функциональные специализации, одной из которых является «фундирование». Под фундированием Б. Лонерган, в частности, понимает «выработку фундаментальных богословских категорий». Существенную важность при этом имеет следующий аргумент: «Фундирующий момент богословской работы внутренне и существенно соотносится с работой философской» [8, с. 17].

Следующим «дисциплинарным участником» трансдисциплинарного подхода является феноменология религии – сердцевина нашего – авторского варианта трансдисциплинарного подхода.

Субъективизм неминуемо присущ автору-теологу, вовлеченному в конкретные профессиональные практики, а принцип объективизма – атрибут научного познания, который должен соблюдать ученый. Подобное – субъективно-объективное противоречие, присущее сознанию исследователя-теолога, «снимается при помощи» феноменологии религии. При феноменологическом рассмотрении как религия, так и наука обозначаются «как жизненные миры субъективной ориентации» [28, с. 28].

В основе феноменологии религии – изучение конкретного материала жизни религии. По замечанию Т. С. Самариной, феноменология религии «помогает облегчить понимание внешних проявлений религий, плавно направляя искателя в сердце каждой религии» [25, с. 32]. В обозначенной связи нетрудно догадаться, что главная категория феноменологии религии – «религиозный опыт»¹.

Знаковым представителем феноменологии религии является М. Элиаде, вклад которого в эволюцию этой дисциплины заключается в унификации методологии, присущей «различным типам религиозных представлений». Таким образом, М. Элиаде методологически устранил доминирование «какой-либо одной религиозной системы в научном осмыслении» [20, с. 122]. Новацией, предпринятой М. Элиаде, является убеждение в «природной религиозности человека»: «быть, а вернее стать человеком, – означает быть религиозным», пишет М. Элиаде в первом томе «Истории веры и религиозных идей» [1, с. 5].

Настоящее время характеризуется интенсивным развитием феноменологии религии. Одним из заметных современных феноменологов религии является британский исследователь Н. Смит, развивающий в своих феноменологически-религиозных построениях доводы классиков этого направления – Р. Отто и М. Элиаде. Следуя Н. Смицу, необходимо принять за правило следующий факт: «на различных этапах развития религии существуют разные нор-

¹ «Религия, писал И. А. Ильин, невозможна <...> без человека, без его субъективного, личного религиозного опыта <...> Религия как человеческое состояние есть, прежде всего, религиозный опыт» [11]. Русский философ И. А. Ильин с пиететом относился как к философии, так и к религии, о чем, в частности, свидетельствует его работа «Религиозный смысл философии» [12].

мативные картины» [26, с. 32]. С нашей точки зрения, этот аргумент Н. Смита объясняет диалектику отношений религии с другими социальными подсистемами.

Итак, по нашему убеждению, философия как высшая форма рациональной словесности обладает неизмеримым методологическим арсеналом, позволяющим воссоздать аутентичный – рационально-философский – облик ислама.

Современная – трансдисциплинарная методология, обладающая потенциалом для формирования современных репрезентаций ислама, широко вариативна. Нам было важно обозначить, что религиозность как «индивидуальное формулирование и выражение личной веры» [23, с. 15] не препятствует продвижению исследователя по научному пути, напротив, обогащает исследовательский поиск. Понятие «индивидуальный религиозный опыт» – это квинтэссенция феноменологии религии. Отсюда принятие феноменологии религии в качестве методологического каркаса репрезентации (или вновь-представления) рациональности, присущей мусульманскому вероучению.

Рациональность мусульманского вероучения: опыт феноменологической репрезентации. Фундамент философско-рациональной специфики ислама – Коран и Сунна. «Ислам как религия, пишет О. Руа, включает в себя Коран, Сунну и комментарии улама [профессионального знатока исламских наук]» [23, с. 18].

Квинтэссенция рациональности исламской культуры заключена в высказывании пророка Мухаммеда: «Ищите знания даже в Китае» [19, с. 117]. Под культурой здесь мы понимаем «вторую природу», созданную людьми – все созданные человечеством продукты материальной и духовной культуры, аккумулированные религией, философией и наукой.

Общее представление о рациональности как продукте взаимодействия разума и веры на примере ислама может быть проиллюстрировано следующим образом: «улюм-ан-наклия» – религиозные дисциплины ислама, опирающиеся на «авторитет Корана и Сунны», и философские дисциплины в исламе «улюм-аль-аклия», основывающиеся на «достоинствах разума» [2, с. 736].

Характерной спецификой исламской философии, то есть «философии, выросшей в исламском мире» [3, с. 57], является многовариантность. Как отмечает М. И. Билалов, верующим (мусульманам) исламская философия не навязывает единого мнения, то есть абсолютно-истинных суждений, что можно расценивать как «основу толерантности ислама» [7, с. 30].

Разум в фальсафе² тождествен философскому знанию, вера же является деятельностью сердцевиной религии, то есть согласно фальсафе религия и философия тождественны. Подобную позицию отстаивали аль-Кинди, ал-Фараби, Ибн-Сина, Ибн Рушд [9, с. 85].

Следуя завету Декарта – «уточняйте понятия, и вы избавите мир от половины заблуждений о мире»³ – приведем авторские интерпретации понятий «мусульманское вероучение», «рациональность мусульманского вероучения», а также «социорелигиозная доктрина ислама».

Мусульманское вероучение – это миропонимание, предлагаемое исламом своим приверженцам; оно основывается на Кораническом (теологическом/креационистском) толковании сущности человека, и следующих принципах: вероубеждения (акыйда), нравственности (ахляк) и законодательства (шариат) – шариат регламентирует все отношения между людьми как социально-экономического, так и политического свойства.

Авторское определение понятия «рациональность мусульманского вероучения» основывается на текстах Корана и Сунны, а также на доводах о сути рациональности, принадлежащих российским и западноевропейским мыслителям: П. П. Гайдено, В. Н. Порусу, В. С. Швырёву, К. Хюбнеру и его ученику Г. Ленку и др. Положение о сути рациональности, обобщающее доводы указанных ученых, таково: современная философско-научная рациональность обладает «гибкостью» – она принимает «в свои ряды» «и миф, и религию, имеющие свою рациональность» [32, с. 21].

Итак, «рациональность мусульманского вероучения – это разумное стремление к адекватным решениям практических проблем с использованием убедительных принципов рассуждения, основывающееся на кодексе глубокого понимания знания в исламе (фикхе), и обусловленное конкретной ситуацией, в которой находится человек/общество» [16, с. 48].

² Фальсафа (арабск., тур. арабская транскрипция греч. *philosophia*) – обозначает не только данную школу мусульманской мысли, но также и философию вообще, включая саму античную традицию, представленную прежде всего Аристотелем и Платоном.

³ Это парафраз декартовского суждения, вошедший в научный обиход, аутентичное высказывание основоположника философского рационализма приведено в его «Правилах для руководства ума».

Под социорелигиозной доктриной ислама понимается руководящий теоретический принцип мусульманского вероучения – это совокупность системообразующих ценностей ислама, составленная на текстах Корана и Сунны – основных формообразующих источников регламентирования индивидуального и коллективного существования в пределах уммы⁴.

Следование гуманитарному типу рациональности прослеживается в социально-экономической сфере арабских народов с момента зарождения ислама на Аравийском полуострове. Гуманитарный тип рациональности, присущий исламу изначально, – это социальная доктрина ислама, в основе которой необходимость помощи близким и дальним нуждающимся (то есть помощи как приверженцам ислама, так и представителям других религиозных конфессий). Подобный подход, заложенный Пророком Мухаммедом, Е. А. Фролова именуется «новой рациональностью» [30, с. 6].

В чем заключается новизна рациональности, заложенной в мусульманское вероучение Пророком Мухаммедом? Рациональность ислама – это тактико-стратегические доводы прагматического толка, необходимость следования которым вменяется всем правоверным мусульманам (мумминам). Итак, претворение в жизнь гуманитарного типа рациональности, то есть осуществление помощи тем, кто нуждается,⁵ – является для правоверного мусульманина необходимостью.

Однако в рациональности мусульманского вероучения особую роль играют две идеи – иджтихада (араб. «старание, усердие») и «внутреннего джихада». Согласно шариату, иджтихад заключается как «в вынесении правовых предписаний на основании аятов Корана, хадисов, кыяса и иджмы», так и в «решении различных религиозных проблем или вопросов» [2, с. 266].

Философско-научная рациональность, присущая мусульманскому вероучению, основывается нами на следующих трактовках иджтихада и джихада – это, соответственно, «рациональное усилие» и «война с собственным неверием или недостаточной верой» [30, с. 8]. Причем для осуществления как иджтихада, так и «внутреннего джихада» особую важность имеет руководящий принцип ислама – выдвигание знания на почетное место. Как отмечает Е. А. Фролова, уважительное отношение ислама к знанию создало предпосылки для поступательной разработки религиозной, философской и научной концепций ислама [30, с. 16].

Принимая во внимание арабское происхождение всего понятийного аппарата ислама, акцентируем внимание на точке зрения А. В. Смирнова. Согласно профессиональным оценкам, логико-смысловая теория, разработанная А. В. Смирновым, может быть положена в основу построения «типологизации рациональности исламского мира» [15, с. 339]. Согласно А. В. Смирнову, картина мира, сформированная на основе арабского языка, – имеет «процессуальный» характер [21, с. 336] (с нашей точки зрения, примером может послужить понятие «иджтихад», по сути, означающее интеллектуальный процесс или усердие).

В истории исламской интеллектуальной мысли существует множество примеров иджтихада как интеллектуального усердия. Это, в частности, переосмысление сути исламской веры, предпринятое индо-пакистанским религиоведом Мухаммадом Икбалом в работе «Реконструкция религиозной мысли в исламе» [10, с. 200]. «[Пророк] мыслит категориями жизни и движения, направленного на создание новых форм поведения человечества», считал М. Икбал [27, с. 25].

Представители татарской нации – Шихаб ад-Дин (Шихабуддин) Марджани (1818–1889) и Атаулла (Гатаулла) Баязитов (1846–1911) – явили важнейшие по своей просветительской значимости примеры иджтихада как интеллектуального усердия.

Просветительская деятельность Ш. Марджани направлялась иджтихадом. Для Марджани иджтихад являлся «благородной силой», а также «могущественным даром» [27, с. 32]. Благодаря просветительской деятельности Марджани были отлажены механизмы конструктивного взаимодействия мусульман со светским государством, не утратившие своей практической значимости и сегодня.

Имя Атауллы Баязитова – авторитетнейшего мусульманского богослова, «редактора и издателя первой в России татарской газеты “Нур”» [33, с. 265], инициатора строительства Соборной мечети в Санкт-Петербурге – известно не только в России, но также во Франции и Турции (его книги переведены на французский и турецкий языки).

⁴ Умма (арабск., «сообщество») – это наднациональное сообщество, обычно используется для обозначения коллективной общности мусульман как синоним «исламская община».

⁵ Для чего в исламе введены обязательный и добровольный налоги – закят и садака.

Жизнь А. Баязитова – это деятельное несогласие с характеристикой ислама как религии нерациональной (и соответственно, несовместимой с научным типом знания). Среди его современников с публичными обвинениями ислама в антинаучном мышлении выступал, в частности, французский историк религии Э. Ренан (1823–1892). Свою убежденность в том, что «ислам и рациональное знание несовместимы» (следствием чего является отсталость мусульманской цивилизации), Э. Ренан обозначил в марте 1893 г. во время выступления на собрании Научной французской ассоциации [33, с. 271]. В этом же, 1893 г., А. Баязитов пишет «Возражение на речь Эрнеста Ренана. Ислам и наука», где аргументированно упрекает Э. Ренана в отсутствии у него серьезных знаний об исламе.

Впоследствии – в 1887 г. и в 1898 г. – А. Баязитов пишет «Отношение ислама к науке и к иноверцам» и «Ислам и прогресс» [6, с. 56]. В обозначенной связи вряд ли будет преувеличением оценка А. Баязитова как непримиримого борца с широко распространенным предрассудком об исламе как религии, чуждой философско-научной рациональности. На «присутствии в исламе рационального начала» в духе А. Баязитова в настоящее время акцентируют внимание А. А. Гафаров, Р. А. Набиев, Р. Р. Шангараев и другие [6, с. 57].

Итак, обозначенный – авторский опыт репрезентации рациональности, присущей исламу, может быть отнесен к репрезентации феноменологического типа, а присущая мусульманскому вероучению философско-научная рациональность полностью раскрывается со временем, что коррелирует с обогащенной личным религиозным опытом эволюцией взглядов авторов на рациональную сущность ислама.

Заключение. Огромное количество философско-научных наработок по исламской тематике, накопленное к настоящему времени, вынуждает признать: сегодня недостаточен просто дисциплинарный подход к исследованию рациональности ислама – необходим подход трансдисциплинарный. Философия в ее эпистемологическом разрезе, феноменология религии как современная разновидность религиоведения, оперирующая личным религиозным опытом автора, а также теология как совокупность религиозных доктрин о сущности и действии Бога – это вариант трансдисциплинарного подхода. Возможно, со временем – а все методологические подходы утверждаются десятилетиями – методология репрезентации рационального облика ислама предстанет в виде компактной концептуальной модели.

Эволюция осмысления рациональности мусульманского вероучения – от осмысления сугубо гуманитарных свойств этой рациональности к обозначению ее философско-научных качеств – послужит искоренению пейоративного восприятия религии вообще, и ислама, в частности. Религии суть не только духовные практики, но, в первую очередь, тактико-стратегические алгоритмы человеческого существования. При этом бесспорно, что в течение жизни в человеке могут чередоваться внутренние запросы на рациональную либо иррациональную грани религии. Всеу свое время и место. «Рассудочный младенец так же нелеп, как взрослый или не слишком пожилой человек, впадающий в эмоциональное ребячество» [24, с. 37–58].

Следует констатировать: мусульманское вероучение, облеченное рациональностью, ею же – рациональностью – и обличается. Так, философско-научный характер рациональности мусульманского вероучения, помимо прочего, можно расценивать как претенциозную провокацию этой рациональности на дисциплинарную автономность в современной эпистемологии религиозной веры.

В завершение отметим возможность предопределять эволюцию в понимании конкретного религиозного вероучения – одна из счастливейших, открывающихся ученому-теологу, а полное право на ее осуществление необходимо заслужить.

Список литературы

1. Аванесов А. Р. Миф и религиозность современного человека в феноменологии религии Мирчи Элиаде // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 4–8.
2. Али-Заде А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 920 с.
3. Анвари С., Норузи М. Что означает прилагательное «исламская» в термине «исламская философия»? // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 2 (460). Философские науки. Вып. 63. С. 57–65.
4. Антонов К. М. Этосы религии и формы рациональности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 95–135.
5. Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987. С. 220–221.
6. Бессмертная О. Ю. Понимание истории и идентичность автора в возражениях Атауллы Баязитова Эрнесту Ренану // Islamology. 2019. Т. 9. № 1–2. С. 54–82.

7. *Билалов М. И.* Философия ислама о специфике исламской философии // Исламоведение. 2019. Т. 10. № 3. С. 20–30.
8. *Вдовина Г. В.* Бернард Лонерган: метод в теологии и гуманитарные науки // Философский журнал. 2013. № 2. С. 5–18.
9. *Ибрагим Т. К.* Принципы аллегорической экзегетики согласно фалсафе // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 3. С. 85–102.
10. *Икбал М.* Реконструкция религиозной мысли в исламе / пер. с англ., пред. и коммент. М. Т. Степанянц. М. : Восточная литература, 2002. 200 с.
11. *Ильин И. А.* Аксиомы религиозного опыта : в 2-х т. М. : Парогъ, 1993. 448 с. URL: <http://school-kravevedenie.narod.ru/iljin/iljin1.htm> (дата обращения: 10.06.2022).
12. *Ильин И. А.* Религиозный смысл философии. М. : АСТ, 2003. 694 с.
13. *Корниенко А. А., Корниенко Ан. А.* Дегуманизация науки и гуманистическая рациональность как фактор ее преодоления // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 28 (129). С. 113–119.
14. *Лонерган Б.* Метод в теологии. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 400 с.
15. *Лукашев А. А.* Проблема типологизации рациональности в мусульманской культуре // Осознать смысл, осмыслить сознание: манифест Другой философии : сб. статей / отв. ред. серии Р. В. Псху; отв. ред. тома А. В. Смирнов. М. : Садра, 2022. С. 339–349.
16. *Мавляутдинов И. С., Шафигуллина Л. Ш.* Рациональность религиозной веры как потенциальный источник интеллектуальной добродетели: опыт философской интерпретации мусульманского вероучения // Вестник Вятского государственного университета. 2021. № 4 (142). С. 46–54.
17. *Масалова С. И.* Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: трансформация от античности до Нового времени : дисс. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д, 2007. 47 с.
18. *Микешина Л. А.* Репрезентация: частный метод или фундаментальная операция познания? // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. XI. № 1. С. 5–17.
19. *Насыров И. Р.* «Ибн-Халдунизм» в Османской интеллектуальной традиции (XVI–XXI вв.) // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 3. С. 117.
20. *Никонович Н. А.* Концептуализация понятия религиозности в западном религиоведении XIX–XX вв. // Труды БГТУ. Серия 6. История, философия. 2022. № 2 (263). С. 119–124.
21. *Псху Р. В.* Арабоязычные суфийские тексты: связь арабского языка и мышления // Осознать смысл, осмыслить сознание: манифест Другой философии : сб. статей / отв. ред. А. В. Смирнов. М. : Садра, 2022. С. 328–338.
22. *Пястолов С. М.* Генезис и перспективы трансдисциплинарности // TERRA ECONOMICS. 2016. Т. 14. № 2. С. 139–158.
23. *Руа О.* Глобализированный ислам: в поисках новой уммы // Islamology. 2017. Т. 7. № 1. С. 11–40.
24. *Рубцов А. В.* «Расцвет» и «упадок» кризиса рациональности // Отечественные записки. 2013. № 1. С. 37–58. URL: https://iphras.ru/uplfile/ideol/goubcov/2013/OZ_1_52.html (дата обращения: 17.12.2022).
25. *Самарина Т. С.* Подступы к проекту новой феноменологии религии в творчестве Ниниана Смарты // Logos et Praxis. 2021. Т. 20. № 3. С. 32–42.
26. *Самарина Т. С.* Феноменология, ноуменология, постфеноменология религии. М. : ИФ РАН, 2019. 296 с.
27. *Степанянц М. Т.* Религия и культура в динамике времени // Ислам в современном мире. 2019. № 4. С. 23–36.
28. *Тимошук Е. А.* Феноменологическое и эстетическое конструирование религии // Культура и искусство. 2017. № 7. С. 20–35.
29. *Труфанов Д. О.* Рациональность как фундаментальная характеристика социальных систем. Постнеклассический (универсумный) подход. Красноярск : СФУ, 2013. 124 с.
30. *Фролова Е. А.* История арабо-мусульманской философии. Средние века и современность. М. : ИФ РАН, 2006. 199 с.
31. *Хьярвард С.* Три формы медиатизированной религии: изменение облика религии в публичном пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (2). С. 41–75.
32. *Хьюбнер К.* Истина мифа. М. : Республика, 1996. 448 с.
33. *Шангараев Р. Р.* Атаулла Баязитов: просветитель и защитник ислама // История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе. Казань : Российский исламский университет, 2011. С. 265–282.
34. *Lenk H.* Typen und Systematik der Rationalität // Zur Kritik der wissenschaftlichen Rationalität / Hrsg. E. Agazzi, H. Link. München : Alber, 1986. S. 20–24.

The Experience of Representing the Rational Image of Islam: from Humanitarian Rationality to Philosophical Rationality

Mavlyautdinov Ildar Safiullovi¹, Shafigullina Lilia Shamilovna²

¹PhD in Sociological Sciences, associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University.
Russia, Kazan. E-mail: ildarmav@yandex.ru

²PhD in Pedagogical Sciences, associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University.
Russia, Kazan. E-mail: liliyashamilovna@mail.ru

Abstract. The article analyzes the rational appearance of Islam. The methodological framework of the research is the phenomenology of religion, which "reconciles" the confessional subjectivism of the theologian and the objectivism of the scientist (in the case when the roles of the theologian and scientist are combined in the person of one researcher). Thus, the research subject of the article is a phenomenological representation of the rationality inherent in the Muslim creed.

The author's view of the historically formed understanding of rationality inherent in Islam is indicated (the Turkic variety of Islam is subject to consideration). The author's definitions of the concepts "Muslim doctrine", "rationality of Muslim doctrine" and "socio-religious doctrine of Islam" are given. Disagreement is expressed with modern public representations of Islam that do not reflect the philosophical and rational essence of the Muslim creed.

It is shown that the historically established identification of Islam exclusively with the humanitarian form of rationality is irrelevant/outdated. It is argued that the representation of Islam as a "carrier" of the philosophical and scientific form of rationality corresponds to the current moment of time. Such a representation of the rational image of Islam will serve the evolution of its public perception.

Attention is focused on the conditionality of the specifics of the rationality of the Muslim creed by the flexibility of the semantic content of the Koran.

A research conviction is expressed: modern representations of the rational appearance of Islam should be carried out on the basis of a transdisciplinary approach, that is, a combination of research practices of various disciplines – epistemology, phenomenology of religion, theology (the combination of disciplines is variable). The philosophical and scientific rationality inherent in the Muslim creed is fully revealed over time – it demonstrates the evolution of its views on the rational essence of Islam and the enrichment of personal religious experience.

The chronology used in the article is associated with the non-classical and post-non-classical stages of the formation of scientific rationality – theories and conceptual constructions developed from the end of the XIX century to the present are discussed.

Keywords: Islam, actual representation of Islam, rationality of the Muslim creed, humanitarian rationality of Islam, philosophical and scientific rationality of Islam, phenomenology of religion, transdisciplinary approach.

References

1. Avanesov A. R. *Mif i religioznost' sovremennogo cheloveka v fenomenologii religii Mirchi Eliade* [Myth and religiosity of modern man in the phenomenology of religion by Mircea Eliade] // *Izvestiya vuzov – News of universities. The North Caucasus region. Social sciences.* 2022. No. 1. Pp. 4–8.
2. Ali-Zade A. *Islamskij enciklopedicheskiy slovar'* [Islamic encyclopedic dictionary]. M. Ansar. 2007. 920 p.
3. Anvari S., Noruzi M. *Chto oznachaet prilagatel'noe "islamskaya" v termine "islamskaya filosofiya"?* [What does the adjective "Islamic" mean in the term "Islamic philosophy"?] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State University.* 2022. No. 2 (460). Philosophical sciences. Is. 63. Pp. 57–65.
4. Antonov K. M. *Etosy religii i formy racional'nosti* [Ethos of religion and forms of rationality] // *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom – State, religion, church in Russia and abroad.* 2015. No. 1 (33). Pp. 95–135.
5. Bashlyar G. *Novyj racionalizm* [New Rationalism]. M., 1987. Pp. 220–221.
6. Bessmertnaya O. Yu. *Ponimanie istorii i identichnost' avtora v vozrazheniyah Ataully Bayazitova Ernestu Renanu* [Understanding the history and identity of the author in the objections of Ataula Bayazitova to Ernest Renan] // *Islamology – Islamology.* 2019. Vol. 9. No. 1–2. Pp. 54–82.
7. Bilalov M. I. *Filosofiya islama o specifike islamskoj filosofii* [Philosophy of Islam on the specifics of Islamic philosophy] // *Islamovedenie – Islamic Studies.* 2019. Vol. 10. No. 3. Pp. 20–30.
8. Vdovina G. V. *Bernard Lonergan: metod v teologii i gumanitarnye nauki* [Bernard Lonergan: Method in theology and humanities] // *Filosofskij zhurnal – Philosophical Journal.* 2013. No. 2. Pp. 5–18.
9. Ibragim T. K. *Principy allegoricheskoy ekzegetiki soglasno falsafe* [Principles of allegorical exegesis according to falsafa] // *Islam v sovremennom mire – Islam in the modern world.* 2017. Vol. 13. No. 3. Pp. 85–102.
10. Ikbal M. *Rekonstrukciya religioznoj mysli v islame* [Reconstruction of religious thought in Islam] / transl. from English, foreword and comments by M. T. Stepanyants. M. Vostochnaya literatura (Oriental literature). 2002. 200 p.

11. Il'in I. A. *Aksiomy religioznogo opyta : v 2-h t.* [Axioms of religious experience : in 2 vols.]. M. Rarog. 1993. 448 p. Available at: <http://school-kraevedenie.narod.ru/iljin/iljin1.htm> (date accessed: 10.06.2022).
12. Il'in I. A. *Religioznyj smysl filosofii* [The religious meaning of philosophy]. M. AST. 2003. 694 p.
13. Kornienko A. A., Kornienko An. A. *Degumanizaciya nauki i gumanisticheskaya racional'nost' kak faktor ee preodoleniya* [Dehumanization of science and humanistic rationality as a factor of its overcoming] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Chelyabinsk State University. 2008. No. 28 (129). Pp. 113–119.
14. Lonergan B. *Metod v teologii* [Method in theology]. M. Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas. 2010. 400 p.
15. Lukashev A. A. *Problema tipologizacii racional'nosti v musul'manskoj kul'ture* [The problem of typologization of rationality in Muslim culture] // *Osoznat' smysl, osmyslit' soznanie: manifest Drugoj filosofii : sb. statej* – To realize the meaning, to comprehend consciousness: manifesto of Another philosophy : collection of articles / resp. ed. of series R. V. Pskhu; ed. of the volume A. V. Smirnov. M. Sadra. 2022. Pp. 339–349.
16. Mavlyautdinov I. S., Shafigullina L. Sh. *Racional'nost' religioznoj very kak potencial'nyj istochnik intelektual'noj dobrodeteli: opyt filosofskoj interpretacii musul'manskogo veroucheniya* [Rationality of religious faith as a potential source of intellectual virtue: the experience of philosophical interpretation of the Muslim creed] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2021. No. 4 (142). Pp. 46–54.
17. Masalova S. I. *Filosofskie koncepty kak reguljativnyj gibkoj racional'nosti: transformaciya ot antichnosti do Novogo vremeni : diss. ... dokt. filos. nauk* [Philosophical concepts as regulators of flexible rationality: Transformation from Antiquity to Modern Times : diss. ... Dr. of philos. sciences]. Rostov-na-Donu. 2007. 47 p.
18. Mikeshina L. A. *Reprezentaciya: chastnyj metod ili fundamental'naya operaciya poznaniya?* [Representation: a particular method or a fundamental operation of cognition?] // *Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and Philosophy of Science. 2007. Vol. XI. No. 1. Pp. 5–17.
19. Nasyrov I. R. *"Ibn-Haldunizm" v Osmanskoj intelektual'noj tradicii (XVI–XXI vv.)* ["Ibn-Khaldunism" in the Ottoman intellectual tradition (XVI–XXI centuries)] // *Filosofskij zhurnal* – Philosophical Journal. 2016. Vol. 9. No. 3. P. 117.
20. Nikonovich N. A. *Konceptualizaciya ponyatiya religioznosti v zapadnom religiovedenii XIX–XX vv.* [Conceptualization of the concept of religiosity in Western religious studies of the XIX–XX centuries] // *Trudy BGTU. Seriya 6. Istorija, filosofiya* – Works BSTU. Series 6. History, philosophy. 2022. No. 2 (263). Pp. 119–124.
21. Pskhu R. V. *Araboyazychnye sufijskie teksty: svyaz' arabskogo yazyka i myshleniya* [Arabic-language Sufi texts: the connection of the Arabic language and thinking] // *Osoznat' smysl, osmyslit' soznanie: manifest Drugoj filosofii : sb. statej* – To realize the meaning, to comprehend consciousness: manifesto of Another philosophy : collection of articles / ed. A. V. Smirnov. M. Sadra. 2022. Pp. 328–338.
22. Pyastolov S. M. *Genesis i perspektivy transdisciplinarnosti* [Genesis and prospects of transdisciplinarity] // *TERRA ECONOMICS*. 2016. Vol. 14. No. 2. Pp. 139–158.
23. Rua O. *Globalizirovannyj islam: v poiskah novoj ummy* [Globalized Islam: in search of a new Ummah] // *Islamology* – Islamology. 2017. Vol. 7. No. 1. Pp. 11–40.
24. Rubcov A. V. *"Rascvet" i "upadok" krizisa racional'nosti* ["Heyday" and "decline" of the crisis of rationality] // *Otechestvennye zapiski* – Domestic notes. 2013. No. 1. Pp. 37–58. Available at: https://iphras.ru/uplfile/ideol/rubcov/2013/OZ_1_52.html (date accessed: 17.12.2022).
25. Samarina T. S. *Podstupy k proektu novoj fenomenologii religii v tvorchestve Niniana Smarta* [Approaches to the project of a new phenomenology of religion in the work of Ninian Smart] // *Logos et Praxis* – Logos et Praxis. 2021. Vol. 20. No. 3. Pp. 32–42.
26. Samarina T. S. *Fenomenologiya, noumenologiya, postfenomenologiya religii* [Phenomenology, noumenology, postphenomenology of religion]. M. IF RAS. 2019. 296 p.
27. Stepanyanc M. T. *Religiya i kul'tura v dinamike vremeni* [Religion and culture in the dynamics of time] // *Islam v sovremenom mire* – Islam in the modern world. 2019. No. 4. Pp. 23–36.
28. Timoshchuk E. A. *Fenomenologicheskoe i esteticheskoe konstruirovaniye religii* [Phenomenological and aesthetic construction of religion] // *Kul'tura i iskusstvo* – Culture and art. 2017. No. 7. Pp. 20–35.
29. Trufanov D. O. *Racional'nost' kak fundamental'naya harakteristika social'nyh sistem. Postneklasicheskij (universumnyj) podhod* [Rationality as a fundamental characteristic of social systems. Post-non-classical (universal) approach]. Krasnoyarsk. SFU. 2013. 124 p.
30. Frolova E. A. *Istorija arabo-musul'manskoj filosofii. Srednie veka i sovremennost'* [History of Arab-Muslim philosophy. The Middle Ages and modernity]. M. IF RAS. 2006. 199 p.
31. H'yarvard S. *Tri formy mediatizirovannoj religii: izmenenie oblika religii v publicnom prostranstve* [Three forms of mediatized religion: changing the face of religion in public space] // *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* – State, religion, church in Russia and abroad. 2020. No. 38 (2). Pp. 41–75.
32. Hubner K. *Istina mifa* [The truth of the myth]. M. Respublika (Republic). 1996. 448 p.
33. Shangaraev R. R. *Ataulla Bayazitov: prosvetitel' i zashchitnik islama* [Ataulla Bayazitov: educator and defender of Islam] // *Istorija musul'manskoj mysli v Volgo-Ural'skom regione* – History of Muslim thought in the Volga-Ural region. Kazan. Russian Islamic University. 2011. Pp. 265–282.
34. Lenk H. *Typen und Systematik der Rationalität* // *Zur Kritik der wissenschaftlichen Rationalität* / Hrsg. E. Agazzi, H. Link. München. Alber, 1986. Pp. 20–24.

Работа К. Д. Ушинского в Смольном институте благородных девиц. К 200-летию со дня рождения великого русского педагога

Помелов Владимир Борисович

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Аннотация. 19 февраля 2023 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Константина Дмитриевича Ушинского (1823–1870). Многогранная личность великого русского педагога и его труды, определившие ход развития отечественной педагогики, неоднократно становились предметом исследования российских историков педагогики. В то же время многие оценки, дававшиеся исследователями в предшествующий исторический период, страдали идеологической ограниченностью. К тому же в последние годы в распоряжении ученых появились новые, ранее неизвестные факты, связанные с личностью К. Д. Ушинского и его трудами. Автором статьи использовались аксиологический подход, позволяющий выявить в предмете исследования ценностный потенциал, и биографический метод. Для достижения цели исследования – характеристики работы Ушинского в Смольном институте благородных девиц – последовательно решаются следующие задачи: приводятся сведения о деятелях просвещения, содействовавших переходу К. Д. Ушинского на работу в Смольный (А. В. Никитенко, А. С. Норов); дается оценка состояния женского образования в России в середине XIX в.; анализируется проведенная К. Д. Ушинским реформа в институте благородных девиц; показано, как протекал его конфликт со «смольнинскими» ретроградами (М. П. Леонтьева). В статье приводятся отрывки из воспоминаний об Ушинском его современников и друзей (Е. Н. Цевловская, М. Л. Песковский, Ю. С. Рехневский). Сделан вывод о необходимости дальнейшего исследования биографии великого русского педагога с целью установления новых фактов, которые бы позволили полнее представить его жизнь и педагогическую деятельность.

Ключевые слова: Российская империя, педагогика, Смольный институт благородных девиц, К. Д. Ушинский, А. В. Никитенко, А. С. Норов, М. П. Леонтьева.

Введение. Двухсотлетний юбилей К. Д. Ушинского (см. рис. 1) является лучшим поводом для того, чтобы с научных позиций полно и всесторонне раскрыть основные этапы его великой жизни и теоретико-практической деятельности во благо педагогической науки и российского образования. В предлагаемой статье в центре внимания автора так называемый «смольнинский» период биографии великого русского педагога, а именно те годы, которые он работал в должности инспектора классов Смольного института благородных девиц.

Материалы и методы. Автором использовался аксиологический методологический подход, предполагающий поиск в предмете исследования его ценностных составляющих. Биографический исторический метод и работа с научными, литературными источниками позволили достичь цели исследования, а именно воссоздать картину событий, имевших место в связи с работой Ушинского в Смольном. При этом автором последовательно решаются следующие исследовательские задачи: приводятся данные о деятелях просвещения, содействовавших переходу К. Д. Ушинского на работу в Смольный; дается оценка состояния женского образования в России в середине XIX в.; анализируется проведенная Ушинским реформа в институте благородных девиц; показано, как протекал его конфликт со «смольнинскими» ретроградами.

Результаты. Первый вопрос, который задает себе каждый, кто приступает к изучению биографии Ушинского, это вопрос «Как могло так случиться, что человека, которого "с треском" уволили из Ярославского Демидовского лицея, и который попал под негласный запрет на занятие учительских должностей даже в самой обычной школе, вдруг назначают на высокопоставленную должность инспектора классов (то есть заместителя начальника по учеб-

но-воспитательной работе) в самом уважаемом и известном учебном заведении страны, курируемом лично императрицей?» Значит, кто-то ему протезировал, помогал, продвигал в устройстве на работу в Смольный...

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо знать, что самым распространенным мифом, связанным с деятельностью великого русского педагога, является распространившаяся сразу после его смерти, с легкой руки некоторых его друзей, «легенда» о том, что Ушинский был окружен врагами и недоброжелателями.

Этот «миф» с радостью подхватили советские историки педагогики. «Биографы» К. Д. Ушинского на протяжении вот уже более чем полутора сотен лет, прошедших после его смерти, пишут о том, что он был окружен стеной непонимания; его якобы окружали недостойные люди, а царский режим душил Константина Дмитриевича, и по этой причине, а вовсе не причине туберкулеза, развившегося у него еще в молодости, он умер так рано.

У человека, незнакомого с реальной обстановкой в российском образовании в 1860-е гг., может сложиться впечатление, что руководителями просвещения в это время были люди сугубо реакционные. Такой несоответствующий историческим фактам подход был характерен, прежде всего, для работ советского периода. Его отстранение от работы в Смольном характеризуется следующим образом: «Удаление Ушинского из Смольного института, прикрытое формой заграничной командировки, ... вызвало возмущение передовой русской общественности. А. И. Герцен с негодованием писал в «Колоколе» о темных делах государыни и окружающих ее реакционеров, "подковырнувших в Смольном" Ушинского» [2, с. 78].

23 сентября 1862 г. в письме своему другу, историку Александру Ильичу Скребницкому (1827–1915) Ушинский с юмором писал из Швейцарии: «Герцену вздумалось упомянуть в «Колоколе» о моей особе и упрекнуть государыню, что она не разобрала дела по Смольному. Того и смотри, что позовут в Россию, то есть при теперешнем состоянии моего здоровья приговорят к смерти» [2, с. 78]¹. Иными словами, если Ушинский и опасался скорого возвращения в Россию, то, конечно, не по причине некоего «преследования», а по значительно более прозаической причине, – из-за своего нездоровья.

Разумеется, К. Д. Ушинский встречал немало препятствий на своем пути; порой ему действительно мешали реакционеры. Но объективный анализ событий его жизни и педагогической деятельности показывает, что на протяжении всех лет его профессиональной работы он был окружен далеко не только недоброжелателями, но прежде всего теми, кого вполне можно считать лучшими людьми своего времени.

Так что тезис о его моральном «удушении», по нашему мнению, весьма спорен. В лучшем случае, его можно считать только частью правды. Конечно, ему пришлось тратить немало здоровья и нравственных сил в борьбе за свое собственное понимание того, каким образом должен быть организован процесс обучения в Ярославском лицее, а громкий конфликт в Смольном институте, возможно, ускорил течение туберкулеза и приблизил в итоге раннюю смерть великого педагога.

Но давайте зададимся вопросом, а много ли в истории найдется новаторов (педагогов, врачей, изобретателей, политиков и так далее), которым в течение их профессиональной деятельности удавалось избежать конфликтов и невзгод? Скорее всего, мы вообще не найдем таких примеров. Так что Ушинский вовсе не был исключением из правил. Действительно, если уж кто-то встал на путь реформ, он должен быть готовым к возможным неприятностям и неприятию своих устремлений со стороны оппонентов, которые, несомненно, найдутся.

С другой стороны, сможем ли мы в истории российской педагогики отыскать хотя бы один пример того, как самая высокопоставленная персона всероссийского масштаба разбирала бы лично конфликт учителя с его коллегами и непосредственным начальством, и при этом выносила бы свой вердикт в пользу этого самого учителя? Тем не менее именно так поступи-

¹ Любопытно, что обе эти цитаты, прямо противоречащие одна другой, помещены не только в одном и том же издании, но даже на одной странице. Очевидно, автору текста, известному историку педагогики, организатору первой в СССР кафедры педагогики начальной школы (в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена) Николаю Григорьевичу Казанскому (1894–1975) и составителю издания, замечательному краеведу и автору книг по истории Ленинграда Вере Константиновне Зажурило (1909–2002) очень хотелось сказать всю правду. Но как это было сделать в 1950 г.? Вот они и поместили обе цитаты вместе, видимо, руководствуясь при этом известным девизом писателей времен социализма, – «умный поймет».

ла императрица Мария Александровна (1824–1880), супруга императора Александра II. Каких-то других аналогичных примеров отечественная, а скорее всего, и зарубежная история педагогики и образования просто не знает.

Авторитетные персоны, например, министр народного просвещения А. С. Норов, помогали Ушинскому, причем делали это с такой деликатностью, что сам Константин Дмитриевич даже и не догадывался об этом содействии; мы имеем в виду его назначение инспектором классов в Смольный институт благородных девиц, а затем и получение крайне выгодной во всех отношениях для Ушинского заграничной командировки, фактически неограниченной по срокам и материальным затратам.

Что же касается сопротивления ретроградов новаторским усилиям Ушинского, так ведь ни для кого не является секретом тот факт, что все эти люди не являлись недоброжелателями и тем более личными врагами Ушинского, а выступали как ревностные хранители действовавших на тот период времени правил и законоположений; они неотступно следовали им в своей повседневной работе и, что выглядит вполне естественно, того же требовали от других.

Например, в Ярославском лицее Ушинский, как и другие преподаватели, должен был представить «разбивку на часы» преподававшегося им курса. Но молодой Ушинский отказался подчиняться этому вполне разумному требованию, которое, кстати, по сей день выступает обязательной составной частью работы любого преподавателя. Он заявил, что живое дело преподавания невозможно уложить в прокрустово ложе каких-то там программ и часов.

Будучи по натуре пассионарием, Ушинский категорически не терпел рядом с собой таких персонажей, которым позднее А. П. Чехов дал определение «человек в футляре». Более того, свое неприятие он выражал не только открыто, активно и последовательно, но и чрезвычайно эмоционально, не стесняясь в выражении своих чувств.

И все-таки гораздо больше рядом с Ушинским было тех людей, кто своими действиями помогал ему стать тем, кем он в итоге стал, – крупнейшим русским педагогом.

Неутомимая административно-педагогическая деятельность Ушинского в качестве инспектора классов в Гатчинском сиротском институте обратила на себя внимание известного литературного критика Александра Васильевича Никитенко (1804–1877) (см. рис. 3). Никитенко обратил внимание министра народного просвещения, известного государственного деятеля, действительного тайного советника Авраама Сергеевича Норова (1795–1869)² на успехи Гатчинского института, которые увязал с личностью Ушинского.

При прямом содействии Норова и Никитенко в 1858 г. Ушинский получил предложение занять должность инспектора классов обоих отделений Смольного института – «благородной и неблагородной половин», то есть Николаевской (для дворянок) и Александровской (для мещанок).

16 января 1859 г. К. Д. Ушинский был переведен на должность инспектора классов в «Общество воспитания благородных девиц», – так официально назывался Смольный институт.

Возглавив учебную часть Смольного, Ушинский первым делом пригласил молодых преподавателей, каждый из которых вскоре стал педагогической звездой российского масштаба. Это, прежде всего, Л. Н. Модзалевский, М. И. Семевский, Д. Д. Семенов, В. И. Водовозов, М. И. Косинский и другие (см. рис. 2). Именно они вынесли наряду с Ушинским все тяготы реформы Смольного института.

В работе Ушинский неизменно руководствовался тем опытом, который он в свое время получил от И. Ф. Тимковского [6, с. 384] и П. Г. Редкина [7, с. 172], своих наставников-профессоров по Московскому университету.

К середине XIX в. юноши могли получать образование в открывавшихся университетах и специализированных институтах; кроме того, получили распространение гимназии и лицеи. В то же время первая в России *женская* гимназия была открыта только 19 апреля 1858 г., она именовалась Мариинским женским училищем для проходящих девиц. Директор училища Н. А. Вышнеградский привлек к работе в училище молодых талантливых преподавателей П. И. Степанова, В. Я. Стоюнина и Д. Д. Семенова. В дальнейшем Семенов во многом способствовал успеху реформы в Смольном, будучи ближайшим соратником Ушинского [12].

Институтское воспитание было доступно лишь очень немногим; далеко не все дочери дворян могли получить в них образование, ибо подобных заведений к концу 1850-х гг. было не более тридцати с общим количеством учащихся не превышавшим 10–12 тысяч [8, с. 85].

² С 7 (19) апреля 1853 по 23 марта (4 апреля) 1858 гг. А. С. Норов был министром народного просвещения.

Смольный в 1860-е гг. представлял собой своего рода монастырь. Воспитанницы не могли видеть людей, не связанных со Смольным. Даже Летний сад полностью освобождался от посетителей во время прогулок институток. Девушки не имели реального представления о деньгах. Воспитанница Смольного Е. Н. Водовозова описывает забавный случай, который случился с ней в Санкт-Петербурге сразу после выпуска из Смольного. Решив поехать куда-то самостоятельно на извозчике, она чуть не подралась с ним, когда тот потребовал плату за проезд. Ей и в голову не пришло, что за проезд надо платить [1, т. 1, с. 218].

Окончив институт, воспитанницы оставались наивными созданиями, не знавшими реальной жизни. Поэтому справедливо утверждение Е. Н. Водовозовой: «...Все точно нарочно было приноровлено к тому, чтобы воспитать не человека, не мать, не хозяйку, а манекен, во всяком случае, слабое, беспомощное, бесполезное, незащищенное существо» [1, т. 1, с. 198].

Смольный институт был закрытым заведением; учащихся не отпускали к родным не только по большим праздникам, но даже на летние, рождественские и пасхальные каникулы. В течение девятилетнего пребывания в институте воспитанницы были оторваны от родных семейств; это была принципиальная позиция руководства, избранная еще в период его открытия.

Работа в Смольном привлекала Ушинского тем, что это учреждение было «головным», на него равнялись все другие женские школы страны, – епархиальные и общеобразовательные училища, пансионаты и тому подобное. Реорганизовать именно это учреждение означало дать толчок к реорганизации всего женского образования.

Систематическое общее образование женщин, не говоря уже о профессиональной подготовке, считалось вредным в моральном и физическом отношениях. Западноевропейская педагогика также не давала никаких указаний относительно женского образования; там оно находилось практически на таком же уровне, как и в России. Ж.-Ж. Руссо, излагавший свою систему образования почти на тысяче страниц в произведении «Эмиль, или О воспитании», имел в виду образование *юноши; девушки* же он отводил роль фактически бессловесного существа [11].

Важнейшая заслуга женского образования, поначалу воплотившаяся в работе Смольного при Ушинском, состояла в том, как отмечал Д. Д. Семенов, что она положила начало развитию в женщине «общечеловеческого чувства» [12, с. 70].

Реформатор К. Д. Ушинский с энтузиазмом принял за составление проекта преобразования учебной работы в Смольном институте, и уже через месяц его план прошел согласование в совете института. Прежде всего отметим, что девятилетний срок обучения был сокращен до семи лет, причем каждый класс стал годичным. Тем самым «снялась» существовавшая ранее проблема формального перевода фактически неуспевающих учениц в следующий класс.

Девушки осознали тот факт, что в случае неудовлетворительной учебы их *действительно* могут оставить на повторное обучение в том же классе, и это обстоятельство стимулировало их успеваемость. К тому же девятилетний срок был чем-то вроде «пугала» для девушек; его сохранение означало бы продолжение курса на «воспитание новой породы людей» путем возможно более длительного отстранения «институток» от реальной жизни и близких родственников [9, с. 224].

Обе «половины» Смольного института были уравнены Ушинским в отношении объема учебного курса и продолжительности обучения. Это было, несомненно, самое демократическое из нововведений К. Д. Ушинского. Этим самым он устанавливал – в той мере, в какой ему это было доступно – социальное равенство, хотя бы только в пределах Смольного института.

Преподавание до прихода Ушинского велось во многом формально, отрывочно и поверхностно. Теперь же ему был придан серьезный и систематический характер. В основу преподавания был положен русский язык. Новый инспектор стремился придать урокам родной словесности форму живого учебного предмета. Ушинский отбросил формальный грамматизм, убивающий интерес учащихся. Именно Константин Дмитриевич «поставил в пару» русский язык и литературу.

Творческий подход Ушинского к изучению художественной литературы стал поистине новаторским и позволил в итоге выделить новый учебный предмет – литературу. Во многих европейских странах, например в Германии, вплоть до настоящего времени преподается единый учебный предмет – словесность.

Важной заслугой К. Д. Ушинского стало открытие первого в России педагогического класса. Именно Ушинский первым из российских педагогов не только поднял в печати вопрос

о необходимости специального образования для учителей, но и на практике осуществил идею их подготовки.

Обучение в педагогическом классе было необязательным, и оно, это обучение, не заменяло, а служило дополнением к основной образовательной программе Смольного института. Несмотря на необязательный характер, многие девочки пожелали получить важную для них профессию учительницы начальной школы или домашней учительницы. Они с увлечением проходили курс обучения, сдавали выпускное «испытание» и получали соответствующее свидетельство, открывавшее для них по выходе из института возможность получения работы. Это было особенно важно для тех из них, кто не принадлежал к «сливкам общества», и должен был сам пробивать себе дорогу в жизни.

Автор книги об Ушинском, его друг, писатель и журналист М. Л. Песковский писал о преобразованиях: «От прежнего безжизненного, бессодержательного Смольного института осталось лишь одно название: его заменило живое, осмысленное учебное заведение, с кипучей образовательно-воспитательной деятельностью» [5, с. 51].

После двухлетней работы под управлением Ушинского Смольный институт, никогда прежде не интересовавший столичное общество, вдруг стал предметом большого внимания со стороны интеллигенции Санкт-Петербурга. О новой, разумной жизни этого учебного заведения, о происходящих и готовящихся там реформах сообщала печать.

Д. Д. Семенов вспоминал: «В Смольном в это время происходила какая-то усиленная, лихорадочная, напряженная умственная деятельность. Смольный, точно сказочный русский богатырь, после долгой столетней спячки, воспрянул духом и хотел наверстать потерянное время. Все, и учителя, и ученицы, казалось, спешили отличиться друг перед другом. Девушки, и большие, и маленькие, стали учиться отлично; с каким-то захватывающим все существо вниманием следили они за каждым уроком своих преподавателей, как бы боясь проронить хоть одно слово. А с какой неподдельной охотой отвечали они на каждый вопрос преподавателя, какой восторг написан был на их свежих личиках, с какой изумительной аккуратностью приготавливали они заданные уроки и письменные работы! Так обаятельно подействовало на восприимчивые души воспитанниц живое слово после мертвящего, скучного, схоластического преподавания. И та же институтка, которая лишь год тому назад заботилась только о своей наружности, думала о танцах, мечтала о выездах и победах, в тишине ночи вздыхала и предавалась несбыточным иллюзиям, – теперь полюбила и чтение, и науку, и труд» [12, с. 85].

Сам Ушинский читал лекции в специальных классах обеих половин до того увлекательно, что приводил в восторг своих взрослых слушательниц; они его просто боготворили [12, с. 86].

Ученицы обоих отделений Смольного института и всех классов, от старшего до самого младшего, не только не тяготились учением, не называли его «противным», как это было прежде, а напротив, с уважением относились к нему, были явно увлечены занятиями, обнаруживая большую любовь к труду. Между ученицами и наставниками были хорошие, простые, естественные отношения, основанные на взаимном уважении, доверии и доброжелательстве.

Авторитет преподавателей, особенно Ушинского, был очень велик в глазах учащихся. Родители и родственники выражали Ушинскому горячую признательность, видя в ученицах не светских кукол, не кисейных барышень, а разумных, развитых девушек, со здоровыми взглядами, понятиями и суждениями.

Во внутренней жизни Смольного произошли резкие перемены. Вместе с введением проекта Ушинского, по воле императорских величеств, разрешено было отпускать девиц на vacationное время к родителям и ближайшим родственникам с целью поддержания родственной связи между воспитанницами для ознакомления их с жизнью той среды, в которую они должны будут вступить по окончании курса. Не было почти ни одной стороны в жизни института, которой бы не коснулась твердая реформаторская рука Ушинского, вспоминала Е. Н. Водозова [1, т. 1, с. 220].

Вместе с тем реформа в Смольном шла вовсе не так споро, как хотелось К. Д. Ушинскому. Дело в том, что учебная работа, которую он возглавлял, была резко отделена от воспитательной работы. Последнюю осуществляли так называемые классные дамы под руководством инспектрис, подчинявшиеся непосредственно начальнице института Марии Павловне Леонтьевой (1792–1874), которая, в свою очередь, была ответственной перед самой императрицей за сохранение надлежащего духа учреждения.

Поведение воспитанниц постоянно контролировалось классными дамами, которые в обязательном порядке присутствовали на каждом уроке. На учителей эти дамы смотрели как

на «вынужденное зло», которое если и можно ввести в класс, то со всеми предосторожностями, по выражению К. Д. Ушинского, «только что не обкуривая хлором». Неудивительно, что по мере того, как Ушинский реализовывал свою программу перестройки, иными словами, – усложнял и обогащал программу обучения, назревал скандал между ним и его сторонниками, с одной стороны, и М. П. Леонтьевой и ее классными дамами, с другой.

Реформа Смольного института осуществлялась открыто. Ее основные положения были утверждены Советом института и, значит, проводились с ведома и согласия администрации. Однако одно дело – на бумаге оформить какие-то планы и намерения, и совсем другое – приступить к их реализации на практике. Предложения, высказанные Ушинским, вовсе не вытекали из установившейся за многие десятилетия институтской идеологии. Работать по-новому можно, как правило, лишь с новым педагогическим персоналом.

В то же время нельзя было не предугадать того очевидного обстоятельства, что приглашение новых преподавателей и, соответственно, освобождение от ранее работавших не могло не вызвать напряжения и недовольства в коллективе, тем более что творческие усилия и педагогические воззрения этих новичков самым кардинальным образом отличались от методов преподавания ранее работавших педагогов, а также и оставшихся учителей, прежде всего, самой начальницы, классных дам и законоучителей.

Ушинский руководствовался убеждением о неразрывности воспитания и обучения. Применительно к преподавательскому персоналу это означало, что тот, кто учит, тот и воспитывает.

В настоящее время это положение сомнений ни у кого не вызывает, и даже кажется странным, что когда-то кто-то мог считать иначе. Однако в Смольном «тон задавали» именно классные дамы, которые присутствовали на каждом уроке. Они, если можно так выразиться, «отвечали» за установление надлежащей дисциплины как на уроке, так и вне занятий. В это трудно поверить, но к числу их установлений, в которые как раз и входило понятие «хорошая дисциплина», было, к примеру, запрещение задавать учителю вопросы на уроке и запрет на общение с ним после занятий.

Объяснялось это тем, что девушкам из «хороших семейств» не пристало вступать в разговор с теми, кто ниже их по социальному положению. А учителя, как правило, и были «ниже их». Практически все эти учителя в свое время получали образование, как говорится, «на медные пятаки»; происходили из разночинной среды, а кое-кто был даже из рабочих или крестьян. На жизнь они зарабатывали таким ничтожным, малоприбыльным способом, как «урокодательство». В самом деле, разве можно было допустить в Смольном какое-либо неформальное общение с такими «наставниками»?!

Ушинский, не колеблясь, вводил ранее им намеченные новшества, не ограничиваясь лишь одними разговорами. Директриса М. П. Леонтьева, которой в то время было уже 70 лет, была, конечно, не готова к тому, что, казалось бы, навсегда установленный распорядок нарушается, но до поры не знала, как подступить к этому запальчивому, громогласному Ушинскому. Подходящий повод нашелся в самом начале 1862 г.

Начало «Смольнинской истории», как называл этот конфликт Ушинский, положили разногласия в связи с распределением по классам воспитанниц. В соответствии с утвержденным проектом реформы учебной части ранее существовавшие трехгодичные классы отменялись, и вместо них уже были введены семь одногодичных классов. Начальница, ранее согласившаяся с изменениями, предложенными Ушинским, вдруг решила настоять на прежнем порядке и послала ему 23 января 1862 г. соответствующую «Пояснительную записку о выпусках воспитанниц». Ушинский в своем ответе, датированном 27 января, пояснил, что размещение девиц по классам сообразно их познаниям и возрасту, а не по годам приема в институт, утверждено Советом 9 января 1860 г., а с 12 апреля того же года начато преподавание во всех классах по новому порядку [13, с. 209]. При этом Ушинский указывал, что если вернуться к старому порядку, то «будет совершенно приостановлено введение высочайше утвержденного преобразования». Тем самым он намекал на то, что его нововведение было введено с разрешения императрицы. Далее он предлагал М. П. Леонтьевой «заранее исходатайствовать то или другое изменение высочайше утвержденного постановления» [16, с. 126–127].

Иными словами, Ушинский предлагал сначала утвердить «на самом верху» желаемые изменения, и только потом внедрять их в стенах Смольного. Такой порядок позволил бы не ставить нормальный ход учебной работы в зависимость от сиюминутных капризов начальницы. Понятно, что такой дерзкий ответ не мог сойти с рук Ушинскому, о чем он с грустью

впоследствии писал: «Получив этот ответ, г-жа начальница должна была отказаться от своих желаний, и с тех пор перестала говорить со мной, и тогда появились всякого рода обвинения против меня» [14, с. 317].

Как отмечал М. Л. Песковский, «росли зависть, ненависть и вражда к Ушинскому со стороны слепых приверженцев старины. Этого бескорыстного человека безупречной честности, убежденного верующего, патриота в самом возвышенном смысле слова обвиняли во всевозможных неблагоприятных поступках, даже в политической неблагонадежности. Настойчиво, энергично добиваясь определенной цели, не поступаясь ни в чем своими убеждениями, не имея обыкновения ладить «с дрянными самолюбцами», Ушинский создал себе к началу 1862 г. такую массу сильных врагов, что не только вынужден был оставить инспекторство, но был вынужден даже оправдываться из-за клеветнических доносов» [5, с. 47].

В январе 1862 г. преподаватель Закона Божьего В. В. Гречулевич, подстрекаемый М. П. Леонтьевой, пишет на ее имя служебную записку, в которой сообщает, что «Ушинский со своей партией распространяет в заведении безбожие и безнравственность» [13, с. 209].

При этом автор записки руководствовался своими личными впечатлениями от разговоров с Ушинским и теми соображениями, которые он, Ушинский, высказывал относительно устройства учебных заведений, общего распорядка их работы и содержания образования в них.

Нетрудно предположить, что экспансивный и неосторожный Константин Дмитриевич действительно высказывал мнения и предложения, которые казались некоторым его коллегам чересчур радикальными. Так что смольнинскому законоучителю не пришлось слишком уж кривить душой; скорее всего, в своей записке он и в самом деле излагал то, что действительно слышал из уст Ушинского. Директриса незамедлительно сообщила о разразившемся конфликте императрице.

Императрица Мария Александровна встала перед сложной дилеммой. Она лично знала Ушинского с самой безупречной стороны и очень ценила его как человека даровитого; она даже советовалась с ним по поводу воспитания своего сына Николая (1843–1865). Эти советы Ушинский оформил в форме нескольких писем-статей, которые впоследствии включались в его собрания сочинений [15]. Но и Леонтьева была ее приближенной...

Как поступить, чтобы не обидеть ни ту, ни другую сторону? В итоге императрица отвергла выпады клеветников и приняла знаменитого русского педагога под свое высокое покровительство. Именно поэтому все те высокопоставленные особы, которые в дальнейшем решали судьбу Ушинского и определяли его материальное содержание, относились к нему более чем благосклонно.

Отметим, что упомянутая служебная записка, как и ответ Ушинского, не сохранились, поэтому об их содержании мы можем судить разве что по воспоминаниям современников. Правда, в публикациях досоветского периода упоминается, что Ушинский был обвинен в безбожии и политической неблагонадежности [4, с. 50].

Первое обвинение основывалось на том, что Ушинский придавал особое значение преподаванию естественных наук, а его учебные книги были полны соответствующих примеров из жизни природы. Но Ушинский был, по существу, дуалистом; в его трудах Бог и Природа выглядят не противоречащими, а дополняющими друг друга субстанциями. Особенно возмутило Константина Дмитриевича второе обвинение – в политической неблагонадежности. Напротив, Ушинский был законопослушным гражданином и никогда не высказывался против царствующих особ.

Но все эти возражения со стороны Ушинского консервативную «половину» Смольного не интересовали. Ушинский должен был покинуть Смольный вместе со своими «выдвиженцами», и для достижения этой цели были хороши все средства.

Л. Н. Модзалевский утверждал, что в начале 1862 г. главноуправляющий ведомством учреждений императрицы Марии принц Петр Георгиевич Ольденбургский (1812–1881) получил «обширный» доклад начальницы Смольного, который был также подписан и некоторыми членами педагогического совета. В нем утверждалось, что Ушинский «вместе со своей партией распространяет в заведении безбожие и безнравственность» [4, с. 50].

В надежде оправдаться Ушинский подал записку графу Сергею Степановичу Ланскому (1787–1862). Ушинский обратился именно к нему потому, что тот состоял членом главного совета женских учебных заведений, занимался пересмотром устава этих заведений, а в последние годы и вовсе сосредоточился на анализе их «учебной части». Ушинский настойчиво заявлял: «Я желал бы, чтобы все мои служебные действия были подвергнуты подробному и

открытому исследованию, и убедительнейше прошу вас назначить надо мной формальное следствие; но имею, кажется, полное право просить также, чтобы моя домашняя жизнь и мои домашние разговоры были оставлены в покое. Нет ничего больнее, тяжелее и неудобнее, как защищаться от обвинений подобного рода!» [14, с. 323]. К несчастью для Ушинского, Ланской 26 января 1862 г. скончался, так и не прочитав его письма.

М. Л. Песковский свидетельствовал: «Словно громом пораженный в самое сердце, Ушинский в течение нескольких суток, почти не вставая с места, писал свое оправдание. Отписка Ушинского, в сущности, была не оправданием, а криком негодования, воплем и протестом против нелепости взводимых на него обвинений, против наглого посягательства на его честь и доброе имя» [5, с. 48].

Д. Д. Семенов с горечью писал: «Ушинского столкнули интриги лиц, не сочувствовавших широкой реформе женского институтского образования» [12, с. 88].

Ю. С. Рехневский в связи с этим отмечал: «Человек более уступчивый, чем Ушинский, обладающий большим дипломатическим тактом, которым Ушинский вовсе не отличался, по всей вероятности, с большей легкостью успел бы провести эти преобразования; но Ушинскому они стоили невероятных трудов и усилий. Борьба, которую он должен был выдержать, пока осуществились его планы, совершенно истощила его силы и расстроила его здоровье» [10, с. 15].

Как бы там ни было, нельзя не отметить тот очевидный факт, что дальнейшая судьба Ушинского разрешилась наилучшим для него образом, хотя в советских учебных книгах по истории педагогики прямо указывалось на то, что царский режим «душил» Ушинского и отправил его в «замаскированную ссылку» в Швейцарию [3, с. 217].

На заявление Ушинского от 22 марта 1862 г. с просьбой отправить его за границу в командировку министр А. В. Головин наложил резолюцию: «Государь разрешил причислить к Министерству народного просвещения Ушинского и командировать за границу для изучения устройства учительских семинарий» [13, с. 110].

К. Д. Ушинскому давалось крайне необременительное поручение ознакомиться с работой наиболее интересных учебных заведений и представить в министерство характеристику их работы и управления. Официальная дата его ухода из Смольного института – 12 апреля 1862 г.

С материальной точки зрения Ушинский, конечно, ничего не потерял. Наоборот, годы, проведенные в Швейцарии и Германии, позволили ему подлечиться на тамошних курортах. У него появилось много свободного времени, которое он использовал для написания своих замечательных пособий «Детский Мир» и «Родное Слово». Семья была вместе с ним. Более того, старший сын Павлик учился в Йене, под присмотром Л. Н. Модзалевского и легендарного немецкого педагога К. Ф. Стоя.

Но вот морально Ушинскому было тяжело. Он не мог не сознавать того очевидного факта, что все его реформаторские начинания в Ярославле, Гатчине, Смольном терпят крах.

Он был, без сомнения, звездой, но звездой *преждевременной*. Свою *преждевременность* он, по всей видимости, отчетливо ощущал. Но ощущали это другие люди его окружавшие? Едва ли... И в этом состояла трагедия великого русского педагога.

Заключение. К. Д. Ушинский предугадывал стремление русских женщин к получению образования. Несомненно, он мечтал о том, чтобы поставить образовательный курс средних женских учебных заведений на один уровень с мужским. Именно он положил начало специальному педагогическому образованию женщин. Однако широкие замыслы, которые Ушинский стремился реализовать в Смольном, оставались нерешенными вплоть до Октября 1917 г.

Многие нововведения К. Д. Ушинского не только были сохранены в Смольном институте, но и получили распространение в других женских институтах. Поколения русских девушек, прошедших через женские институты, именно Ушинскому обязаны лучшими условиями образования и воспитания по сравнению с теми, что были ранее.

В одной статье невозможно охватить все аспекты, связанные с деятельностью К. Д. Ушинского в Смольном институте, поэтому в представленном материале решались лишь конкретно обозначенные во введении задачи.

Представляется необходимым дальнейшее исследование биографии великого русского педагога с целью установления новых фактов, которые бы позволили, возможно, полнее представить его жизнь и педагогическую деятельность.

Рис. 1. Слева направо: К. Д. Ушинский, М. П. Леонтьева, Д. Д. Семенов, М. Л. Песковский

Рис. 2. Слева направо: Л. Н. Модзалевский, В. И. Водовозов, Е. Н. Водовозова, А. С. Норов

Рис. 3. Слева направо: А. В. Никитенко, Н. Г. Казанский, М. И. Семевский, П. Г. Ольденбургский

Список литературы

1. Водовозова Е. Н. На заре жизни и другие воспоминания : в 2 т. М. ; Л., 1964.
2. К. Д. Ушинский в портретах, иллюстрациях, документах / сост. В. К. Зажурило, Н. Г. Казанский. М., 1950. 132 с.
3. Константинов Н. А. История педагогики / Е. Н. Медынский, М. Ф. Шабаева. М. : Просвещение, 1982. 448 с.
4. Модзалевский Л. Н. К биографии Ушинского. Тифлис, 1881. 71 с.
5. Песковский М. Л. Константин Ушинский. Его жизнь и педагогическая деятельность // Библиографическая библиотека Ф. Ф. Павленкова. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1893. 80 с.
6. Помелов В. Б. Видный российский организатор образования И. Ф. Тимковский (к 250-летию со дня рождения) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. № 4. С. 384–389.
7. Помелов В. Б. П. Г. Редкин: замечательный, но забытый педагог (к 210-летию со дня рождения) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2018. № 2. С. 37–41.
8. Помелов В. Б. Смольный институт благородных девиц. К 250-летию со времени основания // Начальная школа. 2015. № 2. С. 84–89.
9. Помелов В. Б. 100 великих педагогов : научно-популярное издание. М. : Вече, 2018. 416 с.
10. Рехневский Ю. С. К. Д. Ушинский // Вестник Европы. 1871. № 2. С. 6–17.
11. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Педагогические сочинения : в 2 т. Т. 1 / под ред. Г. Н. Джибладзе. М. : Педагогика, 1981.
12. Семенов Д. Д. Из пережитого. Мое первое знакомство с К. Д. Ушинским // Избранные педагогические сочинения. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1953. С. 63–90.
13. Струминский В. Я. Очерки жизни и педагогической деятельности К. Д. Ушинского. М. : Учпедгиз, 328 с.

14. Ушинский К. Д. Объяснительная записка, представленная К. Д. Ушинским одному из членов совета воспитательного общества в ответ на предъявленные ему обвинения : собр. соч. : в 11 т. Т. 11 / гл. ред. В. Я. Струминский. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1952. С. 316–324.

15. Ушинский К. Д. Письма о воспитании наследника русского престола : собр. соч. : в 6 т. Т. 1 / гл. ред. М. И. Кондаков. М. : Педагогика, 1988. С. 317–340.

16. Чернышев В. И. К. Д. Ушинский и реформа Смольного и Александровского институтов // Известия АПН РСФСР. Вып. 33. 1951. С. 106–127.

The work of K. D. Ushinsky at the Smolny Institute of Noble Maidens. To the 200th anniversary of the birth of the great Russian teacher

Pomelov Vladimir Borisovich

Doctor of Pedagogical Sciences, professor of the Department of Pedagogy, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Abstract. February 19, 2023 marked the 200th anniversary of the birth of Konstantin Dmitrievich Ushinsky (1823–1870). The multifaceted personality of the great Russian teacher and his works, which determined the course of development of Russian pedagogy, have repeatedly become the subject of research by Russian historians of pedagogy. At the same time, many assessments given by researchers in the previous historical period suffered from ideological limitations. In addition, in recent years, new, previously unknown facts related to the personality of K. D. Ushinsky and his works have appeared at the disposal of scientists. The author of the article used an axiological approach, which allows to identify the value potential in the subject of research, and a biographical method. To achieve the purpose of the study – the characteristics of Ushinsky's work at the Smolny Institute of Noble Maidens – the following tasks are consistently solved: information is given about the enlightenment figures who contributed to the transition of K. D. Ushinsky to work in Smolny (A. V. Nikitenko, A. S. Norov); an assessment of the state of women's education in Russia in the middle of the nineteenth century is given; Ushinsky reform at the Institute of Noble Maidens; It is shown how his conflict with the "Smolninsky" retrograders (M. P. Leontiev) proceeded. The article contains excerpts from the memoirs of Ushinsky by his contemporaries and friends (E. N. Tsevolovskaya, M. L. Peskovsky, Yu. S. Rehnevsky). The conclusion is made about the need for further research of the biography of the great Russian teacher in order to establish new facts that would allow a fuller representation of his life and pedagogical activity.

Keywords: Russian Empire, pedagogy, Smolny Institute of Noble Maidens, K. D. Ushinsky, A. V. Nikitenko, A. S. Norov, M. P. Leontieva.

References

1. Vodovozova E. N. *Na zare zhizni i drugie vospominaniya* : v 2 t. [At the dawn of life and other memories : in 2 vols.]. M. L. 1964.
2. *K. D. Ushinskij v portretah, illyustracijah, dokumentah* – K. D. Ushinsky in portraits, illustrations, documents / comp. V. K. Zazhurilo, N. G. Kazansky. M. 1950. 132 p.
3. *Konstantinov N. A. Istoriya pedagogiki* [History of pedagogy] / E. N. Medynsky, M. F. Shabaeva. M. Prosveshchenie (Enlightenment). 1982. 448 p.
4. *Modzalevskij L. N. K biografii Ushinskogo* [On Ushinsky's biography]. Tiflis. 1881. 71 p.
5. *Peskovskij M. L. Konstantin Ushinskij. Ego zhizn' i pedagogicheskaya deyatel'nost'* [Konstantin Ushinsky. His life and pedagogical activity] // *Bibliograficheskaya biblioteka F. F. Pavlenkova* – Bibliographic library of F. F. Pavlenkov. SPb. Typ. of Yu. N. Ehrlich. 1893. 80 p.
6. *Pomelov V. B. Vidnyj rossijskij organizator obrazovaniya I. F. Timkovskij (k 250-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Prominent Russian organizer of education I. F. Timkovsky (on the 250th anniversary of his birth)] // *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* – Pedagogy. Questions of theory and practice. 2022. Vol. 7. No. 4. Pp. 384–389.
7. *Pomelov V. B. P. G. Redkin: zamechatel'nyj, no zabytyj pedagog (k 210-letiyu so dnya rozhdeniya)* [P. G. Redkin: a wonderful but forgotten teacher (to the 210th anniversary of his birth)] // *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* – Pedagogy. Questions of theory and practice. 2018. No. 2. Pp. 37–41.
8. *Pomelov V. B. Smol'nyj institut blagorodnyh devic. K 250-letiyu so vremeni osnovaniya* [Smolny Institute of Noble Maidens. To the 250th anniversary of the foundation] // *Nachal'naya shkola* – Elementary school. 2015. No. 2. Pp. 84–89.
9. *Pomelov V. B. 100 velikih pedagogov : nauchno-populyarnoe izdanie* [100 great teachers : popular science edition]. M. Veche. 2018. 416 p.
10. *Rehnevskij Yu. S. K. D. Ushinskij* [K. D. Ushinsky] // *Vestnik Evropy* – Herald of Europe. 1871. No. 2. Pp. 6–17.

11. Rousseau J.-J. *Emil', ili O vospitanii* [Emil, or On education] / Pedagogical works : in 2 vols. Vol. 1 / ed. by G. N. Djibladze. M. Pedagogy. 1981.
12. Semenov D. D. *Iz perezhitogo. Moe pervoe znakomstvo s K. D. Ushinskim* [From the experience. My first acquaintance with K. D. Ushinsky] // *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* – Selected pedagogical works. M. Publishing House of the APN of the RSFSR, 1953. Pp. 63–90.
13. Struminskij V. Ya. *Ocherki zhizni i pedagogicheskoy deyatelnosti K. D. Ushinskogo* [Essays on the life and pedagogical activity of K. D. Ushinsky]. M. Uchpedgiz. 328 p.
14. Ushinskij K. D. *Ob'yasnitel'naya zapiska, predstavlenaya K. D. Ushinskim odnomu iz chlenov soveta vospitatel'nogo obshchestva v otvet na pred'yavlennye emu obvineniya : sobr. soch. : v 11 t. T. 11* [Explanatory note submitted by K. D. Ushinsky to one of the members of the Board of the educational society in response to the charges brought against him : coll. works : in 11 vols. Vol. 11] / chief ed. V. Ya. Struminsky. M. Publishing House of the RSFSR Academy of Sciences. 1952. Pp. 316–324.
15. Ushinskij K. D. *Pis'ma o vospitanii naslednika russkogo prestola : sobr. soch. : v 6 t. T. 1* [Letters on the upbringing of the heir to the Russian throne : coll. works : in 6 vols. Vol. 1] / chief ed. M. I. Kondakov. M. Pedagogy. 1988. Pp. 317–340.
16. Chernyshev V. I. *K. D. Ushinskij i reforma Smol'nogo i Aleksandrovsikogo institutov* [K. D. Ushinsky and the reform of Smolny and Alexander institutes] // *Izvestiya APN RSFSR* – News of APN RSFSR. Is. 33. 1951. Pp. 106–127.

Стратегия непрерывного литературного образования в системе методической подготовки учителя-словесника: направление реализации

Миронова Наталия Александровна

кандидат педагогических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет.
Россия, г. Москва. ORCID: 0009-0005-5225-7718. E-mail: na.mironova@mpgu.su

Аннотация. Современная система методической подготовки педагогических кадров в российском образовании ориентирована на Концепцию подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 г. Цель нашего исследования состоит в выявлении понимания студентами-филологами идеи непрерывного литературного образования и разработке одного из направлений реализации стратегии непрерывного литературного образования в системе методической подготовки учителя-словесника в педагогическом вузе с учетом развития современной образовательной среды, которая опирается на структурирование определенных методических решений, опосредованно и непосредственно связанных с механизмами обучения литературе на разных этапах непрерывного образования. В ходе исследования получены эмпирические данные, которые анализируются, обобщаются и на их основе проектируется направление реализации стратегии – совершенствование профессионально-методических практико-ориентированных компетенций студента-филолога с учетом возможностей современной образовательной среды. В практической части исследования разработан модуль «Библиотека, литературный музей, театр как основные ресурсы современной образовательной среды в контексте непрерывного литературного образования». Данный модуль входит в содержание методических дисциплин по выбору: «Современный урок литературы», «Урок литературы и внеурочная деятельность», «Современные формы занятий по литературе», которые есть в учебном плане бакалавриата Института филологии Московского педагогического государственного университета по направлению 44.03.05 Педагогическое образование, профили: «Русский язык и Литература», «Литература и История». Предложенный модуль способствует развитию профессионально-методических умений студентов-филологов, будущих учителей литературы. Полученные результаты могут быть использованы в процессе профессиональной подготовки учителей-словесников.

Ключевые слова: стратегия непрерывного литературного образования, реализация стратегии, система методической подготовки учителя-словесника, современная образовательная среда.

Введение. Современная система методической подготовки педагогических кадров в российском образовании ориентирована на Концепцию подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 г. (см. Распоряжение правительства Российской Федерации от 24 июня 2022 г. № 1688-р о Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 г.), в которой определены цели, задачи, принципы, основные позиции реализации государственной политики в области подготовки педагогических кадров для системы образования. Одной из приоритетных задач указанной Концепции является формирование требований к содержанию и структуре программ подготовки педагогических кадров. В этой связи актуальным является поиск научно-обоснованных стратегий и эффективных направлений их реализации в системе методической подготовки будущего педагога.

Высшее педагогическое образование на современном этапе находится в ситуации выбора научно-обоснованных практико-ориентированных стратегий, способных решить задачи, поставленные в Концепции. Одной из таких стратегий, на наш взгляд, и является стратегия непрерывного литературного образования, поскольку ценностный потенциал самой стратегии очевиден, так как при ее реализации в системе методической подготовки учителя-словесника в педагогическом вузе речь идет о структурировании определенных методических решений, опосредованно и непосредственно связанных с механизмами обучения искусству слова, литературе на разных этапах непрерывного образования.

Действительно, литература как учебный предмет в системе общего образования занимает ключевое место, так как «в наибольшей степени способствует формированию духовного облика и нравственных ориентиров молодого поколения, <...> занимает ведущее место в эмо-

циональном, интеллектуальном и эстетическом развитии обучающихся, в становлении основ их миропонимания и национального самосознания» [10, с. 5].

Учитывая указанные позиции и необходимость модернизации подходов к преподаванию отдельных методических дисциплин в педагогическом вузе [14], автором статьи предпринята попытка разработки одного из направлений реализации стратегии непрерывного литературного образования в системе методической подготовки учителя-словесника, поскольку стратегический аспект непрерывного литературного образования эффективно реализуется в педагогическом вузе.

В настоящий момент реализация стратегии непрерывного литературного образования в Институте филологии Московского педагогического государственного университета происходит на основе единых требований ФГОС ВО с учетом проф. стандартов 3++ при изучении Предметно-методического модуля (обязательная часть): «Фольклор», «История зарубежной литературы», «История русской литературы XI–XIX веков», «История русской литературы XX–XXI веков», «Теория литературы», «Методика обучения литературе», а также в ходе освоения Дисциплин по выбору предметно-методического модуля (часть, формируемая участниками образовательных отношений): «Современный урок литературы», «Урок литературы и внеурочная деятельность», «Современные формы занятий по литературе». Указанные дисциплины входят в учебный план бакалавриата Института филологии Московского педагогического государственного университета по направлению 44.03.05 Педагогическое образование, профили: «Русский язык и Литература», «Литература и История».

Обзор литературы. Совершенствование профессионально-методических практико-ориентированных компетенций студента-филолога с учетом возможностей современной образовательной среды – одно из направлений реализации стратегии непрерывного литературного образования в системе методической подготовки учителя-словесника.

Вопрос об использовании ресурсов современной образовательной среды века в системе методической подготовки в педагогическом вузе при разработке отдельных практико-ориентированных модулей является актуальным. На данный момент в методической науке нет единой классификации ресурсной базы, составляющей основу образовательной среды современного студента педагогического вуза, так как педагогические условия XXI в. отличаются от того, что было ранее. Некоторые аспекты указанной проблемы нашли свое отражение в работах В. А. Ясвина [18], В. В. Рубцова [12], С. В. Тарасова [15], В. И. Панова [9], В. И. Слободчикова [13] и других.

По В. А. Ясвину, образовательная среда – это «система влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможности для ее развития, содержащиеся в социальном пространственно-предметном окружении» [18, с. 244]. С других позиций рассматривает образовательную среду Ю. В. Брыкин, акцентируя внимание на совокупности «условий, позволяющих раскрыть весь спектр интересов и способностей обучающихся и обеспечивающих их активную позицию в образовательном процессе, личностное развитие и саморазвитие» [1, с. 140]. При проектировании собственной модели мы также ориентировались на позицию С. В. Ивановой, которая считает, что образовательная среда – это «окружение участников образовательного процесса в пространстве образования, включающее педагогические условия, ситуации, систему отношений между лицами, объединенными общностью педагогической и учебной деятельности» [8].

Сегодня можно говорить о трансформации образовательной среды, обусловленной общими тенденциями модернизации экономики страны, ориентацией на инновационное развитие России и внедрением технологий во все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и в сферу образования [5].

В современном высшем образовании педагогическое влияние на будущих учителей носит распределительный характер (работы В. Ф. Чертова [17], Е. О. Галицких [6], И. Е. Бряковой [2], В. В. Двоглазова [4] и других). Ведущее значение имеют и грамотная организация индивидуальной работы, и стимулирование к саморазвитию и самообразованию, и стремление обучающихся к личному профессиональному поиску (работы В. И. Блинова, И. С. Сергеева, Е. Ю. Есениной [11]), и межпредметное и практическое значение преподаваемых дисциплин учебного плана методического цикла. В широком смысле образовательная среда современного студента – это все составляющие окружения человека: предметно-методическая подготовка, используемая ресурсная база, культурно-просветительские программы, пространственная организация, цифровые технологии.

Не ставя перед собой задачу предложить развернутую классификацию ресурсной базы образовательной среды XXI в. в контексте непрерывного литературного образования, в статье предложен практико-ориентированный модуль «Библиотека, литературный музей, театр как основные ресурсы современной образовательной среды в контексте непрерывного литературного образования», который вошел в структуру и содержание таких методических дисциплин, как «Современный урок литературы», «Урок литературы и внеурочная деятельность».

В настоящее время специалистами (работы Е. В. Гетманской [19], М. М. Токаревой [20], Н. В. Букиной [3], Е. А. Елиной [7], Н. Н. Третьякова [16] и других) предпринимается серьезная попытка осмысления различных культурологических ресурсов образовательной среды, таких как театр, музей, библиотека. Указанные ресурсы активно используются в практике непрерывного литературного образования.

Нами были выделены содержательные и функциональные маркеры современной образовательной среды:

- социальное пространственно-предметное окружение, влияющее на формирование и развитие личности как обучаемого, так и обучающего;
- использование образовательных технологий;
- стимулирование к самообразованию и саморазвитию;
- окружение участников образовательного процесса, опосредованное педагогическими ситуациями, условиями, системой субъект-субъектных отношений.

Цель нашего исследования состоит в выявлении понимания студентами-филологами идеи непрерывного литературного образования и разработке одного из направлений реализации стратегии непрерывного литературного образования в системе методической подготовки учителя-словесника в педагогическом вузе с учетом развития современной образовательной среды.

Методы. Для достижения цели исследования были использованы теоретические методы (обобщение научно-методических исследований, разработка содержания одного из модулей методического курса по выбору), эмпирические методы (анкетирование и анализ его результатов). В проведенной опытно-экспериментальной работе участвовали 152 студента Института филологии Московского педагогического государственного университета (направление 44.04.01 Педагогическое образование, профили: «Русский язык и Литература», «Литература и История»).

Результаты исследования. Для уточнения понимания студентами идеи непрерывного литературного образования было проведено анкетирование среди студентов 4 курса бакалавриата, обучающихся по направлению 44.03.05 Педагогическое образование, профили: «Русский язык и Литература», «Литература и История».

Полученные данные, а также обобщение научно-методических работ по исследуемой проблеме позволили сконструировать одно из направлений реализации стратегии непрерывного литературного образования в системе методической подготовки учителя-словесника. В частности, были выделены следующие позиции:

- приспособление методической системы к возможностям и уровню базовой подготовки будущего учителя-словесника посредством организации учебно-познавательного процесса с учетом индивидуальной траектории развития студента, учет его индивидуальных запросов;
- необходимость создания благоприятных условий для развития личности обучаемого путем обеспечения гибкого содержания обучения.

Опытно-экспериментальная работа состояла из трех этапов.

I. Анкетирование студентов-филологов 4 курса по следующим вопросам:

- Нужно ли, с вашей точки зрения, обращаться в процессе профессиональной подготовки к идее непрерывного литературного образования?

– Поясните, как вы понимаете, что такое непрерывное литературное образование.

II. Анализ и обобщение полученных результатов на практическом занятии.

III. Разработка одного из направлений реализации стратегии непрерывного литературного образования в педагогическом вузе, в основе которого развитие профессионально-методических компетенций студента-филолога с учетом возможностей образовательной среды XXI в.

В анкетировании в 2021–2022 учебном году приняли участие 152 студента 4 курса Института филологии Московского педагогического государственного университета.

Результаты проведенного анкетирования отражены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

**Понимание необходимости обращения к идее
непрерывного литературного образования в процессе профессиональной подготовки**

Вопрос/Ответ	Да, надо обращаться обязательно	Да, но это надо делать иногда	Нет, такое обращение не нужно	Затрудняюсь ответить
Нужно ли, с Вашей точки зрения, обращаться в процессе профессиональной подготовки к идее непрерывного литературного образования?	73,7 % (112 чел.)	19,7 % (30 чел.)	0 % (0 чел.)	6,6 % (10 чел.)

Подавляющее большинство респондентов (93,4 %) считают необходимым в процессе профессиональной подготовки обращаться к идее непрерывного литературного образования. Действительно, непрерывное литературное образование связано с двумя аспектами фило-софско-педагогической концепции непрерывного образования, а именно: построением системы непрерывного литературного образования как части социальной практики (социально-образовательный аспект непрерывного образования); процессом освоения человеком (студентом-филологом, будущим учителем-словесником) нового профессионального опыта (психолого-педагогический аспект непрерывного образования).

Таблица 2

**Понимание студентами-филологами термина
«непрерывное литературное образование»**

Вопрос/Ответ	Образовательный феномен	Система представлений о целостности литературного образовательного процесса	Педагогическая технология	Образовательная стратегия, которую необходимо реализовывать на каждом образовательном этапе (например, в университете, в процессе подготовки будущего учителя)	Затрудняюсь ответить
Поясните, как Вы понимаете, что такое непрерывное литературное образование	9,9 % (15 чел.)	25 % (38 чел.)	13,2 % (20 чел.)	42,8 % (65 чел.)	9,1 % (14 чел.)

Проанализировав полученные ответы (см. таблицу 2), мы пришли к выводу, что часть студентов (42,8 %) рассматривают непрерывное литературное образование как стратегию, реализация которой необходима на каждом образовательном этапе, в том числе и на этапе профессиональной подготовки. Отдельные студенты (9,1 %) высказали свое представление о непрерывном литературном образовании. Приведем конкретные ответы: «Я считаю, что непрерывное литературное образование – это изучение конкретных художественных произведений, историко-культурного контекста, часть филологического образования», «Литературное образование сегодня это умение ориентироваться в многогранном литературном процессе прошлого и настоящего», «Важно смотреть на литературное образование максимально широко, не ограничиваться конкретными рамками, глубокое понимание самой литературы и методики ее преподавания – залог успешности в профессии».

Учитывая приведенные выше эмпирические данные, нами было разработано одно из направлений реализации стратегии непрерывного литературного образования в педагогическом вузе, а именно: разработка практико-ориентированного модуля «Библиотека, литературный музей, театр как основные ресурсы современной образовательной среды в контексте непрерывного литературного образования». Спроектированный модуль вошел в содержание методических курсов по выбору: «Современный урок литературы», «Урок литературы и внеурочная деятельность», «Современные формы занятий по литературе». Содержание указанных методических дисциплин носит вариативный характер. Содержательное наполнение модуля в данном случае ориентировано на реализацию стратегии непрерывного литературного образования и учитывает особенности образовательной среды XXI в., глубокое погружение в

которую необходимо для развития профессионально-методических умений будущих учителей-словесников.

Сегодня на познавательное и духовно-нравственное развитие личности школьника оказывают влияние не только школьные уроки (в частности, уроки литературы), но и окружающая образовательная среда, весь спектр внеучебной и внеурочной деятельности. Особо отметим три ресурса образовательной среды, которые, с нашей точки зрения, могут оказать серьезное влияние на учащегося и, следовательно, должны быть глубоко изучены студентом, ориентированным на профессиональную успешность в будущем. Речь идет о театре, литературном музее и библиотеке. Как уже было указано выше, нами был спроектирован модуль «Библиотека, литературный музей, театр как основные ресурсы современной образовательной среды в контексте непрерывного литературного образования». Рассмотрим отдельные тематические блоки данного модуля:

– Роль и статус литературного музея в контексте непрерывного литературного образования и в современной культуре. Стадии становления русского литературного музея. Истоки и причины появления первых литературных музеев в России. Литературный музей как уникальное культурное пространство. Литературная музейная карта России. Типы литературных музеев: историко-литературные, дома-музеи писателей, музеи-квартиры, музеи-усадьбы, школьные литературные музеи, музеи литературных героев. Проектирование квестов по коллекциям литературных музеев для учащихся основной и старшей школы. Влияние музейных практик на развитие познавательных интересов учащихся и их исследовательскую активность. Разработка тематики проектно-исследовательских работ по данному направлению.

– Система библиотек в сохранении культурной памяти общества. Место и функции библиотеки в контексте непрерывного литературного образования. Роль современной библиотеки как «третьего места». Смена образовательной и культурной парадигмы современной библиотеки. Пространство современной офлайн библиотеки. Сетевые технологии культурной памяти и электронная библиотека. Электронные библиотеки: исторический аспект и современное состояние. Национальные и международные программы электронных библиотек. Библиотеки онлайн. Проектирование методической копилки учителя-словесника: составление собственной электронной библиотеки в онлайн пространстве, на рабочем столе компьютера или на жестком диске. Школьная библиотека нового типа. Библиотечные уроки и обучение школьников основам библиотечно-библиографической грамотности. Арт-объекты в школьной библиотеке. Библиотечные журналы как навигаторы и проводники библиотечных практик в современном мире. Написание рецензии на художественную книгу для библиотечного журнала.

– Театр как объект коммуникации. Функции театра. Театр как институт воспитания в контексте непрерывного литературного образования. Понимание языка театра. Дайджест театральных региональных спектаклей воспитательной направленности. Моделирование афиши регионального театра для учащихся начальной школы или 5–7 классов. Взаимосвязь театральной деятельности и литературного развития школьников. Детская художественная самодеятельность как стимул для развития познавательных искусствоведческих интересов учащихся. Школьный театральный кружок. Школьный театр. Театральные студии. Театрализованные литературно-музыкальные композиции. Инсценировки художественных произведений разных жанров. Модели работы с художественным текстом в процессе подготовки театральных постановок. Игра учащихся на сцене школьного театра как способ их воспитания, образования, духовно-нравственного и личностного развития.

Таким образом, изучение предложенного модуля «Библиотека, литературный музей, театр как основные ресурсы современной образовательной среды в контексте непрерывного литературного образования» в процессе освоения методических курсов по выбору «Современный урок литературы», «Урок литературы и внеурочная деятельность», «Современные формы занятий по литературе» развивает профессионально-методические умения студентов-филологов, будущих учителей литературы, а именно:

– способность проектировать и реализовывать программы культурно-просветительской и воспитательной направленности в соответствии с интересами и познавательными потребностями учащихся, особенностями современной образовательной среды;

– готовность к развитию исследовательских, проектных умений учащихся средствами внеурочной деятельности;

– включенность будущих учителей-словесников в образовательную среду XXI в.

Заключение. Реализация стратегии непрерывного литературного образования в педагогическом вузе, учитывающая особенности современной образовательной среды, направлена на развитие профессионально-методических компетенций будущих учителей-словесников. Очевидно, что обращение к самой стратегии непрерывного литературного образования и к таким ресурсам культуры, как театр, библиотека, литературный музей, в процессе профессиональной подготовки отвечает целям и задачам высшего педагогического образования в условиях XXI в. Рассмотрение литературного музея, театра, библиотеки в контексте непрерывного литературного образования позволяет говорить о формировании и развитии особой культурно-просветительской среды, оказывающей влияние на современные образовательные практики.

Перспективы дальнейшего исследования в области реализации стратегии непрерывного литературного образования в системе методической подготовки учителя-словесника мы видим в совершенствовании направлений работы в заданном аспекте.

Список литературы

1. Брыкин Ю. В. Электронная образовательная среда / Ю. В. Брыкин, Д. Ю. Фролочкина // Народное образование. 2019. № 1. С. 140–143.
2. Брякова И. Е. Креативная компетентность учителя-словесника : монография. Оренбург : Оренбургская книга, 2021. 196 с.
3. Букина Н. В. Культурные коды как элемент пространства культуры // Вестник читинского государственного университета. 2008. № 14. С. 69–73.
4. Галицких Е. О., Двоеглазов В. В. Профориентационный проект «Образовательные встречи с педагогами-профессионалами»: опыт реализации и перспективы внедрения // Вестник Вятского государственного университета. 2022. № 2 (144). С. 66–75. DOI: 10.25730/VSU.7606.22.021.
5. Галицких Е. О. Профессиональная подготовка педагога-словесника: от рисков к поиску ресурсов в новую цифровую эпоху // Педагогический имидж. 2019. № 2 (43). С. 63–76. DOI: 10.32343/2409-5052-2019-13-2-63-76.
6. Галицких Е. О. Технология изучения методической литературы студентами университета: чтение с увлечением // Педагогический имидж. 2016. № 4. С. 26–31.
7. Елина Е. А. Изобразительное искусство в интерпретациях: лингво-семиотический взгляд. Саратов : Наука, 2012. 160 с.
8. Иванова С. В. Образовательное пространство и образовательная среда: в поисках отличий // Ценности и смыслы. 2015. № 6 (40). С. 23–28.
9. Панов В. И. Одаренность и одаренные дети: эконсихологический подход / Психологический ин-т РАО, Лаб. эконсихологии развития, Российский ун-т дружбы народов. Каф. социальной и дифференциальной психологии. М. : Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2005. 299 с.
10. Примерная рабочая программа основного общего образования «Литература». М. : РАО, 2021. 104 с. URL: <https://fgosreestr.ru/oor/primernaia-rabochaia-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniia-literatura?ysclid=lfjdriaoni724685128> (дата обращения: 25.12.2022).
11. Профессиональная педагогика : учеб. пособие : в 2-х ч. Ч. 2 / В. И. Блинов, И. С. Сергеев, Е. Ю. Есенина. М. : Юрайт, 2018. 373 с.
12. Рубцов В. В. Проектирование развивающей образовательной среды школы / В. В. Рубцов, Т. Г. Ивошина; М-во образования Рос. Федерации. Ин-т образоват. политики «Эврика» [и др.]. М. : Моск. гор. психолого-пед. ун-т, 2002. 271 с.
13. Слободчиков В. И. Образовательная среда: реализация целей образования в пространстве культуры // Новые ценности образования: Культурные модели школ. М., 1997. Вып. 7. С. 177–185.
14. Стенограмма заседания Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию России, 22 октября 2018, 16:00, Горки, Московская область. URL: <http://government.ru/news/34399/> (дата обращения: 25.12.2022).
15. Тарасов С. В. Образовательная среда и развитие школьника / Ком. общ. и проф. образования Ленинград. обл., Ленинград. обл. ин-т развития образования. СПб. : ЛОИРО, 2003. 139 с.
16. Третьяков Н. Н. Образ в искусстве. Основы композиции. Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2001. 261 с.
17. Чертов В. Ф. Российский учитель-словесник в условиях модернизации образования // Преподаватель XXI век. 2012. № 3–1. С. 29–38.
18. Ясвин В. А. Образовательная среда от моделирования к проектированию / Моск. гор. психол.-пед. ин-т, Шк. «Новое образование». Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Смысл, 2001. 366 с.
19. Getmanskaya E. V. Literary Education in Russia: Problems and Trends / N. A. Mironova, N. A. Popova // Mediterranean Journal of Social Sciences MCSER Publishing, Rome–Italy. November 2015. Vol. 6. № 6. Pp. 170–177.
20. Getmanskaya E. V., Tokareva M. M. «New literacy» as a category of modern western education // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. 2019. Pp. 346–353. DOI: 10.15405/epsbs.2019.09.02.40.

Strategy of continuous literary education in the system of methodical training of a teacher of literature: direction of implementation

Mironova Natalia Aleksandrovna

PhD in Pedagogical Sciences, associate professor, Moscow Pedagogical State University.
Russia, Moscow. ORCID: 0009-0005-5225-7718. E-mail: na.mironova@mpgu.su

Abstract. The modern system of methodological training of pedagogical personnel in Russian education is focused on the Concept of training pedagogical personnel for the education system for the period up to 2030. The purpose of our research is to identify the understanding of the idea of continuous literary education by philology students and to develop one of the directions of implementing the strategy of continuous literary education in the system of methodological training of a teacher of literature at a pedagogical university, taking into account the development of the modern educational environment, which relies on the structuring of certain methodological solutions indirectly and directly related to the mechanisms of teaching literature at different stages continuing education. In the course of the study, empirical data were obtained, which are analyzed, summarized and based on them, the direction of the strategy implementation is designed – improving the professional and methodological practice-oriented competencies of a philologist student, taking into account the capabilities of the modern educational environment. In the practical part of the study, the module "Library, literary museum, theater as the main resources of the modern educational environment in the context of continuous literary education" was developed. This module is included in the content of the methodological disciplines of choice: "Modern literature lesson", "Literature lesson and extracurricular activities", "Modern forms of literature classes", which are in the curriculum of the bachelor's degree of the Institute of Philology of Moscow Pedagogical State University in the direction of 44.03.05 Pedagogical education, profiles: "Russian language and Literature", "Literature and History". The proposed module contributes to the development of professional and methodological skills of philology students, future teachers of literature. The results obtained can be used in the process of professional training of verbal teachers.

Keywords: strategy of continuous literary education, strategy implementation, system of methodical training of a teacher of literature, modern educational environment.

References

1. Brykin Yu. V. *Elektronnaya obrazovatel'naya sreda* [Electronic educational environment] / Yu. V. Brykin, D. Yu. Frolochkina // *Narodnoe obrazovanie – National education*. 2019. No. 1. Pp. 140–143.
2. Bryakova I. E. *Kreativnaya kompetentnost' uchitelya-slovesnika : monografiya* [Creative competence of a teacher-wordsmith : monograph]. Orenburg. Orenburg Book. 2021. 196 p.
3. Bukina N. V. *Kul'turnye kody kak element prostranstva kul'tury* [Cultural codes as an element of cultural space] // *Vestnik chitinskogo gos. un-ta – Herald of Chita State University*. 2008. No. 14. Pp. 69–73.
4. Galickih E. O., Dvoeglazov V. V. *Proforientacionnyj proekt "Obrazovatel'nye vstrechi s pedagogami-professionalami": opyt realizacii i perspektivy vnedreniya* [Career guidance project "Educational meetings with professional teachers": experience of implementation and prospects of implementation] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2022. No. 2 (144). Pp. 66–75. DOI: 10.25730/VSU.7606.22.021.
5. Galickih E. O. *Professional'naya podgotovka pedagoga-slovesnika: ot riskov k poisku resursov v novuyu cifrovuyu epohu* [Professional training of a verbal teacher: from risks to resource search in the new digital era] // *Pedagogicheskij imidzh – Pedagogical image*. 2019. No. 2 (43). Pp. 63–76. DOI: 10.32343/2409-5052-2019-13-2-63-76.
6. Galickih E. O. *Tekhnologiya izucheniya metodicheskoy literatury studentami universiteta: chtenie s uvlecheniem* [Technology of studying methodological literature by university students: reading with passion] // *Pedagogicheskij imidzh – Pedagogical image*. 2016. No. 4. Pp. 26–31.
7. Elina E. A. *Izobrazitel'noe iskusstvo v interpretacijah: lingvo-semioticheskij vzglyad* [Fine art in interpretations: a linguo-semiotic view]. Saratov. Nauka (Science). 2012. 160 p.
8. Ivanova S. V. *Obrazovatel'noe prostranstvo i obrazovatel'naya sreda: v poiskah otlichij* [Educational space and educational environment: in search of differences] // *Cennosti i smysly – Values and meanings*. 2015. No. 6 (40). Pp. 23–28.
9. Panov V. I. *Odarennost' i odarennye deti: ekopsihologicheskij podhod* [Giftedness and gifted children: an ecopsychological approach] / Psychological Institute of RAO, Laboratory of ecopsychology of development, Russian University of Friendship of Peoples. Department of Social and Differential Psychology. M., Publishing House of the Russian University of Friendship of Peoples. 2005. 299 p.
10. *Primernaya rabochaya programma osnovnogo obshchego obrazovaniya "Literatura"* – Approximate work program of basic general education "Literature". M. RAO. 2021. 104 p. Available at: <https://fgosreestr.ru/>

oop/primernaia-rabochaia-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniia-literatura?ysclid=lfjdriaoni724685128 (date accessed: 25.12.2022).

11. *Professional'naya pedagogika : ucheb. posobie : v 2-h ch. Ch. 2* – Professional pedagogy : manual : in 2 parts. Part 2 / V. I. Blinov, I. S. Sergeev, E. Y. Yesenina. M. Yurayt. 2018. 373 p.

12. *Rubcov V. V. Proektirovanie razvivayushchej obrazovatel'noj sredy shkoly* [Designing the developing educational environment of the school] / V. V. Rubtsov, T. G. Ivoshina; The Ministry of Education of the Russian Federation. Federation. In-t of Educational Politics "Eureka" [et al.]. M. Moscow City Psychological and Pedagogical University. 2002. 271 p.

13. *Slobodchikov V. I. Obrazovatel'naya sreda: realizaciya celej obrazovaniya v prostranstve kul'tury* [Educational environment: realization of educational goals in the space of culture] // *Novye cennosti obrazovaniya: Kul'turnye modeli shkol* – New values of education: Cultural models of schools. M. 1997. Is. 7. Pp. 177–185.

14. *Stenogramma zasedaniya Pravitel'stvennoj komissii po modernizacii ekonomiki i innovacionnomu razvitiyu Rossii, 22 oktyabrya 2018, 16:00, Gorki, Moskovskaya oblast'* – Transcript of the meeting of the Government Commission on Economic Modernization and Innovative Development of Russia, October 22, 2018, 16:00, Gorki, Moscow region. Available at: <http://government.ru/news/34399/> (date accessed: 25.12.2022).

15. *Tarasov S. V. Obrazovatel'naya sreda i razvitie shkol'nika* [Educational environment and student development] / Com. of general and profile education of Leningrad Region, Leningrad Region Institute of Education Development. SPb. LOIRO. 2003. 139 p.

16. *Tret'yakov N. N. Obraz v iskusstve. Osnovy kompozicii* [Image in art. The basics of composition]. Svyato-Vvedenskaya Optina of Deserts. 2001. 261 p.

17. *Chertov V. F. Rossijskij uchitel'-slovesnik v usloviyah modernizacii obrazovaniya* [Russian teacher-wordsmith in the conditions of modernization of education] // *Prepodavatel' XXI vek* – Teacher XXI century. 2012. No. 3–1. Pp. 29–38.

18. *Yasvin V. A. Obrazovatel'naya sreda ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Educational environment from modeling to design] / Moscow City Psychol.-Ped. Institute, School "New education". Ed. 2nd, corr. and add. M. Smysl (Sense). 2001. 366 p.

19. *Getmanskaya E. V. Literary Education in Russia: Problems and Trends* / N. A. Mironova, N. A. Popova // *Mediterranean Journal of Social Sciences MCSEER Publishing, Rome-Italy*. November 2015. Vol. 6. No. 6. Pp. 170–177.

20. *Getmanskaya E. V., Tokareva M. M. "New literacy" as a category of modern western education* // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. 2019. Pp. 346–353. DOI: 10.15405/epsbs.2019.09.02.40.

Исследование влияния настольных игр на формирование межкультурной коммуникативной компетентности учеников средней школы

Алехин Максим Дмитриевич

аспирант кафедры педагогической психологии,
Московский государственный психолого-педагогический университет,
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-9365-8244. E-mail: alexin_95@mail.ru

Аннотация. С приходом глобализации межкультурные диалоги становятся все более распространенным явлением для нашего общества. Язык и культура тесно взаимосвязаны, поэтому развитие межкультурной коммуникативной компетентности является немаловажным аспектом совершения успешного диалога между представителями разных культур. В данной статье рассматривается проблема формирования межкультурной коммуникативной компетентности учеников средней общеобразовательной школы. Автор анализирует игровой метод и выдвигает гипотезу, согласно которой традиционные для страны изучаемого языка настольные игры способствуют формированию межкультурной коммуникативной компетентности.

Цель исследования, результаты которого отражены в статье, – выявить и обосновать эффективность настольных игр в формировании межкультурной коммуникативной компетентности учеников средней школы.

В качестве методов исследования были выбраны: анализ концепций в области теории межкультурной коммуникации и педагогики образования, опытно-экспериментальная работа, контент-анализ, а также анализ результатов деятельности.

Автор определил основные преимущества и недостатки игрового метода формирования межкультурной коммуникативной компетентности. В ходе проведенного эксперимента было выявлено среднее повышение уровня межкультурной коммуникативной компетентности учеников на 9,1 % за 14 занятий, при этом 9 из 10 человек перешли на следующий уровень развития межкультурной коммуникативной компетентности. В соответствии с проанализированными статьями научных исследователей и полученными данными эксперимента было обосновано положительное влияние настольных игр на формирование межкультурной коммуникативной компетентности учеников средней общеобразовательной школы.

Ключевые слова: межкультурная коммуникативная компетентность, компоненты межкультурной коммуникации, уровни межкультурной чувствительности, сравнительный анализ, игровой метод, настольные игры, внеурочная деятельность.

Введение. С развитием коммуникационных технологий происходит взаимопроникновение различных культур, в связи с чем владение иностранными языками становится необходимостью для нашего общества. Согласно данным ВЦИОМ от 30.09.2019 г., 63 % опрошенных граждан Российской Федерации изучали английский язык, 45 % – немецкий и 16 % – французский. Однако только 5 % свободно владеют английским, 1 % – немецким и менее 1% – французским языком [4].

Также стоит помнить, что для межкультурного диалога недостаточно обладать академическими знаниями иностранного языка. Необходимо развитие не менее важных навыков межкультурного общения, связанных с культурой страны изучаемого языка [26]. Каждая культура находит уникальное отражение в языке – ее носителе. Иначе говоря, при обучении школьников и студентов иностранному языку важно уделять внимание развитию их межкультурной коммуникативной компетентности [30].

Существует множество моделей формирования межкультурной коммуникативной компетентности. Так, например, в модели немецкого лингвиста К. Кнапп, межкультурная коммуникативная компетентность рассматривается с позиции деятельностного подхода, поэтому основными компонентами в ней являются умения и отношения [27]. К. Кнапп трактует межкультурную коммуникативную компетентность как умение понимать представителей не только чужой, но и своей культуры [14]. При этом достижение целей коммуникации не считается основным критерием понимания культуры в рамках данной модели [29].

Изучив исследования ученых, мы выделили различные определения понятия «межкультурной коммуникативной компетентности». Например, Дж. Лехтонен определяет ее как толерантное отношение к выражению культурных особенностей, культурной восприимчивости к правилам поведения в различных культурах, обладание сведениями о культуре для понимания его отдельных представителей [24]. Е. Филлипс полагает, что формирование межкультурной компетентности невозможно без осуществления контакта с культурой [26].

Ряд отечественных исследователей выделяет такие компоненты формирования межкультурной коммуникативной компетентности, как социокультурный, языковой и речевой [6; 18; 19]. Однако некоторые исследователи предлагают изменения внутри данной модели. Например, Н. Д. Гальскова [5] объединяет языковой и речевой компонент в понятие «культура взаимодействия». В. В. Сафонова же, напротив, полагает, что социокультурный компонент стоит рассматривать отдельно в качестве самостоятельной компетенции [18]. Н. Н. Васильева дополнительно выделяет личностный компонент и утверждает, что формирование межкультурной коммуникативной компетентности необходимо проводить с помощью коммуникативных творческих упражнений [3].

Особенность модели, предложенной Г. В. Елизаровой, заключается в том, что межкультурная коммуникативная компетентность является смежной с иноязычной межкультурной компетентностью, в связи с чем они состоят из схожих компонентов (лингвистический, стратегический, социолингвистический, социальный и дискурсивный) [7].

В. Г. Апальков и П. В. Сысоев в своей модели делают акцент на использовании универсальных средств для взаимодействия с представителями различных стран и культур независимо от языка общения. Они выделяют следующие компоненты: знания (основные аспекты культуры), умения (поддержка межкультурного диалога), личностные качества (открытость, любознательность, эмпатия, отсутствие стереотипов) [1].

В теоретических исследованиях отечественных ученых традиционно выделяется три компонента формирования межкультурной коммуникативной компетентности: знания, умения и отношения. Знания включают в себя наличие сведений о культуре стран целевого языка. Умения – практическое применение полученных знаний в реальной ситуации. Отношения – готовность и стремление взаимодействовать с представителями других культур [22]. При этом третий компонент можно разделить на две составляющие: восприятие и ответная реакция. Под восприятием понимается то, в какой степени человек принимает особенности чужой культуры, в то время как ответная реакция – это поведенческий момент, связанный прежде всего с этикой вербального и невербального межкультурного общения [15].

Считаем, что под описанные выше параметры больше всего подходит модель, разработанная австралийским исследователем в сфере межкультурной коммуникации Л. А. Арасаратнам, которая включает следующие компоненты:

1. когнитивный – знания о различных культурах и этносах;
2. деятельностный – умение существовать в поликультурном обществе (культура взаимодействия);
3. этический – соблюдение и восприятие своих и иных целей, мотивов поведения и нравственных установок;
4. эмоциональный – отношение к этническому многообразию (личностные качества) [23].

Уровень межкультурной компетентности зависит от сформированности всех ее компонентов, корреляция которых способствует активизации знаний, умений, личностных качеств, необходимых для построения плодотворного взаимодействия с представителями иных культур [24].

Отечественными учеными Е. С. Полат и М. Ю. Бухаркиной определены основные методы формирования межкультурной коммуникативной компетентности: дискуссия, работа с текстом, подготовка сообщений и репортажей, написание рефератов и эссе. Данные исследователи также определили наиболее часто применяемые формы занятий: урок-исследование, уроки-игры, защита проектов, интегрированное обучение [17].

Ряд отечественных и зарубежных исследователей выделяет игровой метод как один из самых эффективных для работы с учениками средней школы. Например, О. М. Батраева в своей научной работе писала, что «игровые методы и технологии позволяют развить критическое мышление детей, поднять мотивацию и побудить их занять позицию активных участников образовательного процесса» [2].

По мнению Т. В. Мифтахутдиновой, «использование игровых технологий создает условия поиска и решения проблемных ситуаций, что необходимо для формирования межкультурной коммуникативной компетентности». Д. К. Деардорфф выделял данный метод как один из наиболее простых и эффективных для вовлечения детей в коммуникационный процесс [25]. Л. А. Арасаратнам, в свою очередь, помимо вышесказанного, выявила, что данный метод, по мнению опрошенных учащихся, является самым интересным из опробованных в ходе эксперимента [23].

На данный момент существует большое количество игр, направленных на развитие межкультурной коммуникативной компетентности. Например, в научной статье Кудриной Е. А. описаны варианты коммуникативных игр и их влияние на развитие межкультурной коммуникативной компетентности [10]. Существуют различные классификации игр по тем или иным признакам. Одним из популярных видов являются настольные игры. При этом изучены и апробированы преимущественно ролевые игры, обосновано их влияние на формирование межкультурной коммуникативной компетентности [11; 13; 20], в то время как воздействие на формирование межкультурной коммуникативной компетентности учеников средней школы настольных игр не до конца исследовано.

В процессе теоретического исследования нами обнаружено сравнительно небольшое количество научных работ по данной тематике. Например, А. С. Опанасец рассматривает процесс создания настольных игр как способ формирования межкультурной компетентности студентов, изучая вопрос с точки зрения проектной деятельности, а не игрового метода [16]. Е. В. Шатохина в своей научной статье описывает эффективность настольных игр в формировании межкультурной компетентности учеников начальной школы. По ее мнению, настольные игры помогают «познакомиться с особенностями и культурой стран изучаемого языка», способствуя «получению базовых культурных знаний о них и развитию понимания реалий и культуры носителей языка» [21]. Однако данная статья имеет описательный характер, а приведенные автором тезисы не сопровождаются экспериментальными данными.

Необходимость разрешения существующих проблем послужила основанием для постановки цели проведенного исследования: выявить и обосновать эффективность применения настольных игр в формировании межкультурной коммуникативной компетентности учеников средней школы.

Методы исследования. В качестве методов исследования нами выбраны анализ концепций в области теории межкультурной коммуникации и педагогики образования, опытно-экспериментальная работа, контент-анализ, а также анализ результатов деятельности. Как говорилось ранее, за основу исследования была взята модель формирования межкультурной коммуникативной компетентности Л. А. Арасаратнам.

В целях проверки нашей гипотезы, согласно которой традиционные для страны изучаемого языка настольные игры способствуют формированию межкультурной коммуникативной компетентности, был проведен эксперимент на базе Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Школа № 1576».

В начале учебного года (сентябрь 2021 г.) автором исследования был открыт кружок иностранного языка Speaking Club для учеников 6–7 классов в качестве оптимальной возрастной группы для рабочей программы учебного курса. Занятия проводились по одному академическому часу в неделю. Всего в контрольную группу вошло 10 человек (6 класс: 3 мальчика, 3 девочки; 7 класс: 2 мальчика, 2 девочки). По общей договоренности было решено, что все участники исследования останутся анонимными. В кружок также записывались новые учащиеся, но они не входили в контрольную группу проводимого исследования.

Курс рассчитан на формирование компонентов межкультурной коммуникации. В процессе изучения курса применялись следующие формы и методы работы: устно-речевая практика (монолог, диалог; драматизация диалога); ролевые, сюжетные и деловые игры; творческая работа.

Сами уроки начинались с постановки проблемы и целеполагания, после чего давался теоретический материал по теме урока, который впоследствии использовался во время игр. Другими словами, настольные игры являлись способом активизации речевой деятельности учащихся и применения изученного ими материала на практике. В таблице 1 приведено тематическое планирование занятий с примерами настольных игр.

Таблица 1

Тематическое планирование кружка English-speaking Club

№ п/п	Тематика занятия	Языковой материал
1	Знакомство. Представление себя. Ознакомление с деятельностью клуба	Слова знакомства. Общие и специальные вопросы. Игры «Бинго» и «Амнезия»
2	Лексические игры англоязычных стран	Правописание. Повторение тематической лексики. Игры «Анаграммы» и Scrabble
3	Грамматические игры англоязычных стран	Повторение грамматических тем: глагол to be, there is/are, Present Simple. Игры Puzzles и Snake and ladders
4	Животный мир	Повелительное наклонение. Повторение тематической лексики. Игры Simon says, Крокодил и Pictionary
5	Внешность. Одежда и аксессуары	Present Simple. Лексика по теме. Игра Угадай, кто
6	Еда и напитки	Исчисляемые и неисчисляемые существительные. Much, many. Лексика по теме. Ролевая игра В кафе
7	Праздники англоязычных стран	Past Simple. Даты и время. Лексика по теме
8	Путешествие	Future Simple. Предлоги места и направления. Лексика по теме
9	Страны, столицы и национальности	Лексика по теме. Игра Map Mind
10	Школа. Школьные предметы. Расписание уроков	Лексика по теме. Игра Школа мечты
11	Кино как искусство	Лексика по теме. Просмотр видео. Игры «Крокодил», «Сам себе режиссер»
12	Компьютер. Профессии будущего. Безопасность в интернете	Модальные глаголы. Лексика по теме
13	Английские народные сказки, стишки, рифмовки	Лексика по теме. Игра «Сочини историю»
14	СМИ	Лексика по теме. Проектная деятельность «Журнал года»
15	Политическая система англоязычных стран	Лексика по теме «Интервью с политиком»
16	Исторические личности англоязычных стран	Лексика по теме. Акинатор
17	Я через 15 лет	Формы выражения будущего времени. Лексика по теме. Игра «Правда или ложь»
18	Этикет общения в конфликтных ситуациях. Ведение спора и аргументация своей точки зрения	Развитие коммуникативных навыков через ролевую игру «Мафия»

Во время вводного занятия учащиеся проходили диагностику текущего уровня сформированности межкультурной коммуникативной компетентности, описанную в научной работе Кондиной А. С. [9]. Диагностика состояла из двух этапов. Первый этап позволял оценить уровень сформированности деятельностного, эмоционального и этического компонентов участников посредством степени их согласия с 15 утверждениями. В таблице 2 приведен список утверждений и количество баллов (от 0 до 5), которые можно получить за выбор того или иного варианта ответа.

Таблица 2

Диагностика межкультурной коммуникативной компетентности

№	Утверждение	Абсолютно не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Согласен	Полностью согласен
1	В смешанных браках обычно больше проблем, чем в браках между людьми одной национальности	5	4	3	2	1	0
2	Нормально считать, что твой народ лучше, чем все остальные	5	4	3	2	1	0

Окончание табл. 2

№	Утверждение	Абсолютно не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Согласен	Полностью согласен
3	Я хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей	0	1	2	3	4	5
4	К некоторым нациям и народам трудно хорошо относиться	5	4	3	2	1	0
5	Я могу представить чернокожего человека своим близким другом	0	1	2	3	4	5
Этический							
1	В средствах массовой информации может быть представлено любое мнение	0	1	2	3	4	5
2	Нищие и бродяги сами виноваты в своих проблемах	5	4	3	2	1	0
3	Беженцам надо помогать не больше, чем всем остальным, так как у местных проблем не меньше	5	4	3	2	1	0
4	Для наведения порядка в стране необходима "сильная рука"	5	4	3	2	1	0
5	Приезжие должны иметь те же права, что и местные жители	0	1	2	3	4	5
Деятельностный							
1	В споре может быть правильной только одна точка зрения	5	4	3	2	1	0
2	Даже если у меня есть свое мнение, я готов выслушать и другие точки зрения	0	1	2	3	4	5
3	Если кто-то поступает со мной грубо, я отвечаю тем же	5	4	3	2	1	0
4	Человек, который думает не так, как я, вызывает у меня раздражение	5	4	3	2	1	0
5	Я хотел бы стать более терпимым человеком по отношению к другим	0	1	2	3	4	5

Таким образом, максимальное количество баллов по каждому из трех компонентов равнялось 25. В процессе инструктажа участникам сообщали, что их задача состоит не в том, чтобы они набрали как можно большее количество баллов, а в том, чтобы они дали максимально честные ответы на вопросы. Участникам исследования была гарантирована анонимность.

Вторым этапом диагностики являлась викторина по страноведению Quizzes on the Country Studies, адаптированная для учеников средней школы. Она позволяла оценить уровень сформированности когнитивного компонента участников. Данная викторина включала в себя 25 вопросов и делилась на 5 равных блоков по 5 вопросов о культуре населения следующих стран: Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. За каждый правильный ответ давался 1 балл. Другими словами, максимальное количество баллов также равнялось 25.

По истечении первой половины учебного года проведена повторная диагностика в целях получения промежуточных результатов за полгода учебного курса (14 академических часов). При этом первая часть диагностического материала была полностью идентична той, которая применялась на констатирующем этапе эксперимента и содержала те же утверждения, в то время как вопросы викторины были совершенно иными, но строились по тому же принципу. Для более качественного сбора данных ученикам не сообщались результаты предыдущей работы.

Результаты исследования. Результаты исследования отображены в трех таблицах: таблица 3 демонстрирует результаты входной (констатирующей) диагностики – количество набранных баллов суммарно и отдельно внутри каждого из компонентов.

Таблица 3

Результаты констатирующей диагностики

Участник	Когнитивный компонент (max 25)	Деятельностный компонент (max 25)	Этический компонент (max 25)	Эмоциональный компонент (max 25)	Общее количество баллов (max 100)
Ученик 1	3	1	2	3	9
Ученик 2	4	2	3	4	13
Ученик 3	3	3	6	4	16

Окончание табл. 3

Участник	Когнитивный компонент (max 25)	Деятельностный компонент (max 25)	Этический компонент (max 25)	Эмоциональный компонент (max 25)	Общее количество баллов (max 100)
Ученик 4	8	5	8	7	28
Ученик 5	7	6	11	9	33
Ученик 6	2	6	2	5	15
Ученик 7	12	15	10	9	46
Ученик 8	6	9	6	9	30
Ученик 9	14	9	12	8	43
Ученик 10	15	9	8	16	48
Среднее	7,4	6,5	6,8	7,4	28,1

В таблице 4 аналогичным образом показаны результаты второй (контрольной) диагностики.

Таблица 4

Результаты контрольной диагностики

Участник	Когнитивный компонент (max 25)	Деятельностный компонент (max 25)	Этический компонент (max 25)	Эмоциональный компонент (max 25)	Общее количество баллов (max 100)
Ученик 1	5	2	1	3	11
Ученик 2	5	3	6	4	18
Ученик 3	6	3	6	7	22
Ученик 4	12	6	11	7	36
Ученик 5	11	9	13	12	45
Ученик 6	7	7	4	7	25
Ученик 7	15	17	11	15	58
Ученик 8	8	9	9	11	37
Ученик 9	20	11	14	12	57
Ученик 10	22	11	13	17	63
Среднее	11,1	7,8	8,8	9,5	37,2

В таблице 5 можно увидеть результаты сравнительного анализа проведенных диагностик с количественным изменением показателей тех или иных компонентов. За полгода прохождения курса (14 академических часов) ученики в среднем повысили уровень своей компетентности на 9,1 %. Наибольшая разница наблюдается в когнитивном компоненте, в то время как результаты деятельностного компонента сравнительно ниже.

Таблица 5

Изменение показателей межкультурной коммуникативной компетентности

Участник	Когнитивный компонент	Деятельностный компонент	Этический компонент	Эмоциональный компонент	Общее изменение показателей
Ученик 1	+2	+1	-1	0	+2
Ученик 2	+1	+1	+3	0	+5
Ученик 3	+3	0	0	+3	+6
Ученик 4	+4	+1	+3	0	+8
Ученик 5	+4	+3	+2	+3	+12
Ученик 6	+5	+1	+2	+2	+10
Ученик 7	+3	+2	+1	+6	+12
Ученик 8	+2	0	+3	+2	+7
Ученик 9	+6	+2	+2	+4	+14
Ученик 10	+7	+2	+5	+1	+15
Среднее	+3,7	+1,3	+2	+2,1	+9,1

Заключение. Результаты нашего исследования показали, что традиционные для культуры изучаемого языка настольные игры, направленные на коммуникационную деятельность, способствуют формированию всех четырех компонентов межкультурной коммуника-

тивной компетентности учеников средней школы. Настольные игры, прежде всего, оказывают влияние на когнитивный компонент, так как сквозь призму традиционных для иностранной культуры игр ученики узнают гораздо больше непосредственно о культуре носителей изучаемого языка. А разыгрываемые ими модели поведения во время ролевых игр способствуют лучшему закреплению межкультурных знаний.

Повышение результатов в эмоциональном и этическом компонентах можно объяснить тем, что более глубокое понимание изучаемой культуры провоцирует изменение отношения к ней и последующее за ним формирование этикета межкультурного общения. Игровая форма занятий спровоцировала интерес учащихся к культурным особенностям стран изучаемого языка, благодаря чему большинство из них восприняли эти особенности положительно.

Однако, несмотря на подтвержденную в проведенном эксперименте гипотезу, данный вопрос требует дальнейшего изучения, так как эмпирическая работа проводилась на небольшом количестве учащихся одной возрастной группы. В дальнейшем планируется провести аналогичный эксперимент с учащимися разных возрастов: от учеников начальных классов общеобразовательных школ до студентов вузов.

Список литературы

1. Апальков В. Г., Сысов П. В. Методические принципы формирования межкультурной компетенции в процессе обучения иностранному языку // Вестник Тамбовского университета. 2008. № 7 (63). С. 254–260. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12839937>.
2. Батраева О. М. Игровые технологии как средство активизации учебного процесса при формировании коммуникативной и социокультурной компетенций // Теория и практика образования в современном мире : мат-лы Международной заочной научной конференции (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб. : Реноме, 2012. С. 311–314. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25528681>.
3. Васильева Н. Н., Марденская С. Ф. Интеллектуальная игра как способ организации учебного процесса при формировании ключевых компетенций // Дополнительное профессиональное образование: проблемы, поиски, решения / КГПУ им. В. П. Астафьева. 2019. С. 78–80. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41774616>.
4. Вербицкий А. А. О категориальном аппарате теории контекстного образования // Высшее образование в России. 2017. № 6. С. 57–67. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29381637>.
5. Гальскова Н. Д. Личностно-развивающий потенциал межкультурного подхода к обучению иностранным языкам // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2016. № 2 (95). С. 17–21. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25897109>.
6. Гриценко В. В. Анализ зарубежных эмпирических моделей межкультурной компетентности и методик для ее оценки // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 1. С. 103–113. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46431519>.
7. Елизарова Г. В. Природа современной межкультурной компетенции говорящих на иностранном языке (на примере американского варианта английского языка) // Актуальные вопросы современного университетского образования / РГПУ им. А. И. Герцена, Американские советы по международному образованию (АСМО), Университет Северной Айовы, Учебно-методическое объединение по направлениям педагогического образования МОиН РФ. 2010. С. 457–464. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21225077>.
8. Завьялова А. В. Реализация личностно-ориентированного подхода в обучении иностранному языку через игру // Общество, педагогика, психология: теория и практика. Чебоксары : Среда, 2021. С. 238–245. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46204519>.
9. Кондина А. С. Социально-педагогическая поддержка участников международных образовательных программ в процессе подготовки к межкультурному взаимодействию // Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2015. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37327962>.
10. Кудрина Е. А., Руденко Е. С. Формирование межкультурной компетенции посредством игровых технологий на уроках английского языка (начальный этап) // Педагогическое образование в России. 2017. № 1. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26874866>.
11. Кузина Ю. В., Петухова С. М. Сюжетно-ролевые игры как средство развития межкультурной коммуникативной компетенции // Молодой ученый. 2014. № 5-2 (64). С. 17–19. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21430033>.
12. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. М. : Гнозис, 2007. 368 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20089643>.
13. Мазько Г. Ч. Ролевые игры как средство формирования межкультурной коммуникативной компетенции // Язык. Общество. Медицина. Гродно, 2019. С. 326–329. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45673972>.
14. Мutowкина О. М. Практические аспекты формирования межкультурной компетенции в процессе обучения иностранному языку // Вестник Московского государственного областного университета. Педагогика. 2015. № 3. С. 164–171. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24414543>.

15. Новицкая А. В. Ролевая игра как средство формирования профессиональной межкультурной компетенции у студентов неязыковых вузов // Основные направления развития научного потенциала в свете современных исследований: теория и практика. 2018. С. 106–109. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35025224>.

16. Опанасец А. С. Создание настольной игры как средство развития межкультурной компетенции студентов вуза // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2021. № 1 (44). С. 55–61. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44907058>.

17. Полат Е. С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования : учебное пособие для студ. высш. уч. заведений / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина. Изд. 3-е, стер. М. : Академия, 2010. 368 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20106033>.

18. Сафонова В. В. Лингвокультурная языковая педагогика: спорные и бесспорные вопросы развития личности человека средствами изучаемых языков // Иностранные языки в школе. 2021. № 11. С. 4–12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47296980>.

19. Цыренжапова С. Д. Интерактивные методы обучения иностранному языку как средство развития межкультурной компетенции будущих специалистов // Лингвистические и методологические аспекты в преподавании иностранных языков. 2016. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30420485>.

20. Чакур К. С. Современная научная трактовка понятия "межкультурная коммуникативная компетенция" // Вестник РМАТ. 2018. № 1. С. 103–110. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35467704>.

21. Шатохина Е. В. Технологии формирования межкультурной компетенции на основе настольных игр у младших школьников // Современное языковое образование: инновации, проблемы, решения. 2020. С. 333–337. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44082250>.

22. Arasaratnam L. A., Doerfel M. L. Intercultural communication competence: Identifying key components from multicultural perspectives // International Journal of Intercultural Relations. 2005. Vol. 29. № 2. Pp. 137–163. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2004.04.001.

23. Arasaratnam L. A. Empirical research in intercultural communication competence: A review and recommendation // Australian Journal of Communication. 2007. № 34. Pp. 105–117. URL: <https://www.researchonline.mq.edu.au/vital/access/manager/Repository/mq:8770>.

24. Chen J. Efficacious and Positive Teachers Achieve More: Examining the Relationship Between Teacher Efficacy, Emotions, and Their Practicum Performance // The Asia-Pacific Education Researcher. 2019. Vol. 28 (4). Pp. 327–337. DOI: 10.1007/s40299-018-0427-9.

25. Deardorff D. K. Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization // Journal of Studies in Intercultural Education. 2007. № 10. Pp. 241–260. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11330905>.

26. Forster-Heinzer S. The power of appearance: students' impression management within class / A. Nagel, H. Biedermann // Pedagogy and Pedagogical Challenges. 2019. DOI: 10.5772/intechopen.88850.

27. Knapp K., Karlfried. Book Review: Intercultural Business Communication // Language Teaching Research. 2004. Vol. 8. № 2. С. 223–226. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11349428>.

28. Ödalen J. Teaching university teachers to become better teachers: the effects of pedagogical training courses at six Swedish universities / D. Brommesson, G. O. Erlingsson, J. K. Schaffer, M. Fogelgren // Higher Education Research & Development. 2019. Vol. 38 (2). Pp. 339–353. DOI: 10.1080/07294360.2018.1512955.

29. Schmidt J. What makes good and bad days for beginning teachers? A diary study on daily uplifts and hassles / U. Klusmann, O. Lüdtke, J. Möller, M. Kunter // Contemporary Educational Psychology. 2017. Vol. 48. Pp. 85–97. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2016.09.004.

30. Steinkuehler C. Games, Learning, and Society: Learning and Meaning in the Digital Age // Cambridge University Press. 2012. DOI: 10.1017/CBO9781139031127.

Study of the influence of board games on the formation of intercultural communicative competence of secondary school students

Alyohin Maxim Dmitrievich

postgraduate student of the Department of Pedagogical Psychology, Moscow State Psychological and Pedagogical University. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-9365-8244. E-mail: alexin_95@mail.ru

Abstract. With the advent of globalization, intercultural dialogues are becoming more and more common in our society. Language and culture are closely interrelated, therefore, the development of intercultural communicative competence is an important aspect of a successful dialogue between representatives of different cultures. This article deals with the problem of the formation of intercultural communicative competence of secondary school students. The author analyzes the game method and puts forward a hypothesis according to which traditional board games for the country of the studied language contribute to the formation of intercultural communicative competence.

The purpose of the study, the results of which are reflected in the article, is to identify and justify the effectiveness of board games in the formation of intercultural communicative competence of secondary school students.

The following research methods were chosen: analysis of concepts in the field of the theory of intercultural communication and pedagogy of education, experimental work, content analysis, as well as analysis of the results of activities.

The author has identified the main advantages and disadvantages of the game method of forming intercultural communicative competence. During the experiment, an average increase in the level of intercultural communicative competence of students was revealed by 9.1 % over 14 classes, while 9 out of 10 people moved to the next level of development of intercultural communicative competence. In accordance with the analyzed articles of scientific researchers and the experimental data obtained, the positive influence of board games on the formation of intercultural communicative competence of secondary school students was substantiated.

Keywords: intercultural communicative competence, components of intercultural communication, levels of intercultural sensitivity, comparative analysis, game method, board games, extracurricular activities.

References

1. *Apal'kov V. G., Sysoev P. V. Metodicheskie principy formirovaniya mezhkul'turnoj kompetencii v processe obucheniya inostrannomu yazyku* [Methodological principles of the formation of intercultural competence in the process of teaching a foreign language] // *Vestnik Tambovskogo universiteta – Herald of Tambov University*. 2008. No. 7 (63). Pp. 254–260. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12839937>.
2. *Batraeva O. M. Igrovyte tekhnologii kak sredstvo aktivizacii uchebnogo processa pri formirovanii kommunikativnoj i sociokul'turnoj kompetencij* [Game technologies as a means of activating the educational process in the formation of communicative and socio-cultural competencies] // *Teoriya i praktika obrazovaniya v sovremennom mire : mat-ly Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchnoj konferencii (g. Sankt-Peterburg, fevral' 2012 g.) – Theory and practice of education in the modern world : materials of the International Correspondence Scientific Conference (St. Petersburg, February 2012)*. SPb. Renome. 2012. Pp. 311–314. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25528681>.
3. *Vasil'eva N. N., Mardenskaya S. F. Intellektual'naya igra kak sposob organizacii uchebnogo processa pri formirovanii klyuchevyh kompetencij* [Intellectual game as a way of organizing the educational process in the formation of key competencies] // *Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie: problemy, poiski, resheniya – Additional professional education: problems, searches, solutions / V. P. Astafiev*. KSPU. 2019. Pp. 78–80. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41774616>.
4. *Verbickij A. A. O kategorial'nom apparate teorii kontekstnogo obrazovaniya* [On the categorical apparatus of the theory of contextual education] // *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher education in Russia*. 2017. No. 6. Pp. 57–67. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29381637>.
5. *Gal'skova N. D. Lichnostno-razvivayushchij potencial mezhkul'turnogo podhoda k obucheniyu inostrannym yazykam* [Personality-developing potential of an intercultural approach to teaching foreign languages] // *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny – News of Gomel State University n. a. F. Skoriny*. 2016. No. 2 (95). Pp. 17–21. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25897109>.
6. *Gricenko V. V. Analiz zarubezhnyh empiricheskikh modelej mezhkul'turnoj kompetentnosti i metodik dlya ee ocenki* [Analysis of foreign empirical models of intercultural competence and methods for its assessment] // *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya – Modern foreign psychology*. 2020. Vol. 9. No. 1. Pp. 103–113. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46431519>.
7. *Elizarova G. V. Priroda sovremennoj mezhkul'turnoj kompetencii govoryashchih na inostrannom yazyke (na primere amerikanskogo varianta anglijskogo yazyka)* [The nature of modern intercultural competence of speakers of a foreign language (on the example of the American version of English)] // *Aktual'nye voprosy sovremennogo universitetskogo obrazovaniya – Topical issues of modern university education / A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, American Councils for International Education (ASMO), University of Northern Iowa, Educational and Methodological Association in the areas of Pedagogical Education of the Ministry of Education of the Russian Federation*. 2010. Pp. 457–464. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21225077>.
8. *Zav'yalova A. V. Realizaciya lichnostno-orientirovannogo podhoda v obuchenii inostrannomu yazyku cherez igru* [The implementation of a personality-oriented approach in teaching a foreign language through a game] // *Obshchestvo, pedagogika, psihologiya: teoriya i praktika – Society, pedagogy, psychology: theory and practice*. Cheboksary. Sreda. 2021. Pp. 238–245. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46204519>.
9. *Kondina A. S. Social'no-pedagogicheskaya podderzhka uchastnikov mezhdunarodnyh obrazovatel'nyh programm v processe podgotovki k mezhkul'turnomu vzaimodejstviyu* [Socio-pedagogical support of participants of international educational programs in the process of preparation for intercultural interaction] // *Kemerovskij gosudarstvennyj universitet – Kemerovo State University*. Kemerovo. 2015. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37327962>.
10. *Kudrina E. A., Rudenko E. S. Formirovanie mezhkul'turnoj kompetencii posredstvom igrovnyh tekhnologij na urokah anglijskogo yazyka (nachal'nyj etap)* [Formation of intercultural competence through game technolo-

gies in English lessons (initial stage)] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* – Pedagogical education in Russia. 2017. No. 1. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26874866>.

11. Kuzina Yu. V., Petuhova S. M. *Syuzhetno-rol'evye igry kak sredstvo razvitiya mezhhkul'turnoj kommunikativnoj kompetencii* [Plot-role-playing games as a means of developing intercultural communicative competence] // *Molodoy uchenyj* – Young scientist. 2014. No. 5-2 (64). Pp. 17–19. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21430033>.

12. Leontovich O. A. *Vvedenie v mezhhkul'turnuyu kommunikaciyu* [Introduction to intercultural communication]. M. Gnosis. 2007. 368 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20089643>.

13. Maz'ko G. Ch. *Rolevye igry kak sredstvo formirovaniya mezhhkul'turnoj kommunikativnoj kompetencii* [Role-playing games as a means of forming intercultural communicative competence] // *Yazyk. Obshchestvo. Medicina* – Language. Society. Medicine. Grodno, 2019. Pp. 326–329. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45673972>.

14. Mutovkina O. M. *Prakticheskie aspekty formirovaniya mezhhkul'turnoj kompetencii v processe obucheniya inostrannomu yazyku* [Practical aspects of the formation of intercultural competence in the process of teaching a foreign language] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Pedagogika* – Herald of the Moscow State Regional University. Pedagogy. 2015. No. 3. Pp. 164–171. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24414543>.

15. Novickaya A. V. *Rolevaya igra kak sredstvo formirovaniya professional'noj mezhhkul'turnoj kompetencii u studentov neyazykovykh vuzov* [Role-playing game as a means of forming professional intercultural competence among students of non-linguistic universities] // *Osnovnye napravleniya razvitiya nauchnogo potentsiala v svete sovremennykh issledovaniy: teoriya i praktika* – Main directions of development of scientific potential in the light of modern research: theory and practice. 2018. Pp. 106–109. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35025224>.

16. Opanasec A. S. *Sozdanie nastol'noj igry kak sredstvo razvitiya mezhhkul'turnoj kompetencii studentov vuza* [Creating a board game as a means of developing the intercultural competence of university students] // *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Vector of science of Togliatti State University. 2021. No. 1 (44). Pp. 55–61. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44907058>.

17. Polat E. S. *Sovremennyye pedagogicheskie i informacionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya: uchebnoe posobie dlya stud. vyssh. uch. zavedenij* [Modern pedagogical and information technologies in the education system: textbook for students of higher educational institutions] / E. S. Polat, M. Yu. Bukharkina. Ed. 3rd, ster. M. Academy. 2010. 368 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20106033>.

18. Safonova V. V. *Lingvokul'turnaya yazykovaya pedagogika: spornye i besspornye voprosy razvitiya lichnosti cheloveka sredstvami soizuchaemykh yazykov* [Linguocultural language pedagogy: controversial and indisputable issues of human personality development by means of co-learned languages] // *Inostrannyye yazyki v shkole* – Foreign languages at school. 2021. No. 11. Pp. 4–12. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47296980>.

19. Cyrenzhapova S. D. *Interaktivnye metody obucheniya inostrannomu yazyku kak sredstvo razvitiya mezhhkul'turnoj kompetencii budushchih specialistov* [Interactive methods of teaching a foreign language as a means of developing the intercultural competence of future specialists] // *Lingvisticheskie i metodologicheskie aspekty v prepodavanii inostrannykh yazykov* – Linguistic and methodological aspects in teaching foreign languages. 2016. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30420485>.

20. Chakur K. S. *Sovremennaya nauchnaya traktovka ponyatiya "mezhhkul'turnaya kommunikativnaya kompetenciya"* [Modern scientific interpretation of the concept of "intercultural communicative competence"] // *Vestnik RMAT* – Herald of the RMAT. 2018. No. 1. Pp. 103–110. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35467704>.

21. Shatohina E. V. *Tekhnologii formirovaniya mezhhkul'turnoj kompetencii na osnove nastol'nykh igr u mladshih shkol'nikov* [Technologies for the formation of intercultural competence based on board games for younger schoolchildren] // *Sovremennoe yazykovo obrazovanie: innovacii, problemy, resheniya* – Modern language education: innovations, problems, solutions. 2020. Pp. 333–337. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44082250>.

22. Arasaratnam L. A., Doerfel M. L. *Intercultural communication competence: Identifying key components from multicultural perspectives* // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. Vol. 29. No. 2. Pp. 137–163. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2004.04.001.

23. Arasaratnam L. A. *Empirical research in intercultural communication competence: A review and recommendation* // *Australian Journal of Communication*. 2007. No. 34. Pp. 105–117. Available at: <https://www.researchonline.mq.edu.au/vital/access/manager/Repository/mq:8770>.

24. Chen J. *Efficacious and Positive Teachers Achieve More: Examining the Relationship Between Teacher Efficacy, Emotions, and Their Practicum Performance* // *The Asia-Pacific Education Researcher*. 2019. Vol. 28 (4). Pp. 327–337. DOI: 10.1007/s40299-018-0427-9.

25. Deardorff D. K. *Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization* // *Journal of Studies in Intercultural Education*. 2007. No. 10. Pp. 241–260. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11330905>.

26. Forster-Heinzer S. *The power of appearance: students' impression management within class* / A. Nagel, H. Biedermann // *Pedagogy and Pedagogical Challenges*. 2019. DOI: 10.5772/intechopen.88850.

27. *Knapp K., Karlfried.* Book Review: Intercultural Business Communication // Language Teaching Research. 2004. Vol. 8. No 2. C. 223–226. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11349428>.

28. *Ödalen J.* Teaching university teachers to become better teachers: the effects of pedagogical training courses at six Swedish universities / D. Brommesson, G. O. Erlingsson, J. K. Schaffer, M. Fogelgren // Higher Education Research & Development. 2019. Vol. 38 (2). Pp. 339–353. DOI: 10.1080/07294360.2018.1512955.

29. *Schmidt J.* What makes good and bad days for beginning teachers? A diary study on daily uplifts and hassles / U. Klusmann, O. Lüdtke, J. Möller, M. Kunter // Contemporary Educational Psychology. 2017. Vol. 48. Pp. 85–97. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2016.09.004.

30. *Steinkuehler C.* Games, Learning, and Society: Learning and Meaning in the Digital Age // Cambridge University Press. 2012. DOI: 10.1017/CBO9781139031127.

Концепты опасности и безопасности в репрезентативной интерпретации студентов вуза

Краснянская Татьяна Максимовна¹, Тылец Валерий Геннадьевич²

¹доктор психологических наук, профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, Московский гуманитарный университет.

Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-4572-6003. E-mail: ktm8@yandex.ru

²доктор психологических наук, профессор кафедры фонетики и грамматики французского языка, Московский государственный лингвистический университет.

Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-5387-6570. E-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Аннотация. Решение актуальных задач безопасности в разных сферах социальной активности человека требует детализации субъективного плана его опасности и безопасности. Проблема данного исследования связана с выявлением соотношения репрезентативных систем человека, используемых для интерпретации им концептов опасности и безопасности. Целью исследования выступило выявление особенностей репрезентативной интерпретации в сознании студентов концептов опасности и безопасности. Использовались методы ассоциативного эксперимента и экспертной оценки. По результатам исследования построены массивы 4 групп репрезентативной интерпретации (визуальной, аудиальной, кинестетической и дискретной) на стимулы опасность/безопасность, личная опасность/безопасность, чужая опасность/безопасность. Сопоставление групп репрезентативной интерпретации с использованием χ^2 критерия Пирсона позволило выявить ряд закономерностей их распределения по разным стимулам. Установлено, что интерпретация концептов опасности и безопасности осуществляется на основе информации, полученной из разных репрезентативных каналов: для опасности превалирует визуальный, для безопасности – дискретный каналы получения информации. Репрезентативная интерпретация абстрактных опасности/безопасности в большей степени совпадает с репрезентативной интерпретацией личных опасности/безопасности. Репрезентативная интерпретация чужих опасности/безопасности отличается от репрезентативной интерпретации абстрактных и личных опасности/безопасности: падает объем интерпретации, она смещается к логическому способу получения. Исследование носило ориентировочно-поисковый характер. Оно показывает новый подход к изучению субъективного плана феноменов опасности/безопасности, способный к воспроизводству в идентичных, а также иных условиях. Результаты изучения репрезентативной интерпретации концептов опасности и безопасности могут найти применение в широкой сфере практики, релевантной задачам обеспечения безопасности жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: опасность, безопасность, реакция, информация, канал, репрезентативная система.

Введение. Вопросы безопасности, будучи напрямую связанными с насущными интересами выживания, повседневного эффективного функционирования и поступательного развития общества, выступают в том или ином ракурсе значимой проблематикой для всех отраслей научного знания. Однако решение актуальных задач безопасности в экономической, политической, правовой и иных сферах социальной практики продолжает сталкиваться с трудностями, вызванными отсутствием полного понимания субъективного плана соответствующих феноменов, открывающегося только с позиции человека как главного их источника и реципиента [2; 15]. Восполнение такого рода пробела стало возможным на базе психологической методологии.

Долгий период развития науки рассмотрение опасности и безопасности не попадало в сферу интересов психологии и носило имплицитный характер в силу значимости для безопасности любого знания о человеке. Лишь в конце 20 века, благодаря комплексу внешних и

внутренних предпосылок, данная феноменология в полной мере вошла в ее исследовательское пространство.

Одним из направлений интенсивного развития проблематики выступило выявление особенностей оформленности категорий опасности и безопасности в сознании различных категорий субъектов [21]. На сегодняшний день изучены особенности представлений о безопасности жизнедеятельности [11; 12; 13], ассоциативная структура категорий «опасность», «безопасность», «психологическая безопасность», «информационная безопасность», «информационно-психологическая безопасность» и других [5; 16; 17; 19], а также более сложные конструкции – персональные концепции безопасности, формирующиеся у субъектов в различных ситуациях [4; 7; 20]. В результате теоретических и эмпирических разработок получен массив знаний о содержании и структурной организации искомой феноменологии, демонстрирующий ее многокомпонентный, многоуровневый, вариативный и динамический характер [6; 18].

Следующим шагом исследований нам видится установление связи категорий опасности и безопасности с референтными для нее психическими особенностями человека [10]. В этом плане перспективным видится обращение к репрезентативным системам получения человеком сигналов из окружающего мира.

Оформившись в рамках нейролингвистического программирования, идея репрезентативных систем используется в современной психологии для обозначения способа преимущественного поступления информации к человеку [3; 8]. Наиболее распространенным является рассмотрение визуальной (основанной на зрительном информационном канале), аудиальной (слуховом канале), кинестетической (обонятельном/осязательном канале) и дискретной (субъективно-логическом осмыслении) систем репрезентации. Установлено, что данная репрезентация происходит словами, соответствующими в основном используемой человеком репрезентативной системы. Данная закономерность на сегодняшний день находит широкое использование в рекламе, менеджменте и образовательных практиках [1]. Помимо практического применения она, вероятно, обладает значительным объяснительным потенциалом субъективной интерпретации категорий «опасность» и «безопасность», полярных и достаточно абстрактных по смыслу, но личностно значимых на онтологическом уровне.

Проблема данного исследования: в каком соотношении репрезентативные системы человека используются для интерпретации им концептов опасности и безопасности?

Цель исследования: выявление особенностей репрезентативной интерпретации в сознании студентов концептов опасности и безопасности.

Гипотеза исследования: концепты опасности и безопасности могут иметь различные доминанты репрезентативной интерпретации.

Методы. Использовался ассоциативный эксперимент. Выбор данного метода базируется на его способности, по Ф. Гальтону, «обнажать сущность человеческой мысли» [14, с. 139], по А. Р. Лурия, «способствовать детерминистическому анализу динамики “смысловых полей”» [9, с. 100]. Значимой оказалась также «открытость» метода к выбору стимульного материала, соответствующего цели исследования.

Процедура состояла в том, что респонденты в ответ на стимул фиксировали все реакции (ассоциации), которые «приходят на ум». Стимульными словами использовались понятия «опасность», «безопасность» и словосочетания «личная опасность/безопасность» и «чужая опасность/безопасность». Выполнение задания ограничивалось 5 минутами на каждый стимул.

Обработка проводилась методом экспертной оценки (три профессиональных психолога со стажем от 10 лет). Экспертам было дано задание сгруппировать все ответы по 4 группам: реакции визуальные, аудиальные, кинестетические и дискретные. К визуальным реакциям предлагалось относить те, которые содержат информацию зрительного плана о чем-либо, например, «стол», «человек», «яркий». К аудиальным рекомендовалось причислять реакции, свидетельствующие о получении информации с помощью слуха, например, «громкий», «тишина (тихий)», «шум (шумный)», «стон». Кинестетические реакции связывались с информацией, имеющей обонятельное или осязательное воплощение, отражающейся некоторым образом на состоянии организма человека, например, «горячо (горячий)», «свежий/душный», «мягкий/жесткий», «эмоциональность (эмоциональный)», «стрессоустойчивость», «страх». Дискретными обозначались реакции, свидетельствующие о логической обработке данных, полученных по ранее обозначенным каналам, возможно, абстрактные по своей природе, требующие интеграции нескольких реакций, содержащие некоторые элементы оценки, например, «жесткий/добрый», «родной/чужой», «правильный/ошибочный». С учетом того, что

сбор данных осуществлялся на одной и той же выборке, выявляемые различия в реакциях объяснялись использованием респондентами разных каналов получения информации.

Начальный анализ классификации реакций проводился экспертами автономно, за ним следовал этап согласования экспертами принадлежности реакций к той или иной группе. Следующим шагом проводился подсчет элементов в каждой группе реакций, числовые результаты подвергались математической обработке внутри и между группами с помощью простейших процедур и статистического метода сопоставления по χ^2 критерию Пирсона.

Респондентами выступили студенты столичных и региональных вузов в возрасте от 19 до 22 лет (средний возраст – 20,4) общей численностью 100 человек, обучающиеся в бакалавриате (девушки – 64 человека).

Результаты. 1 этап: стимульные слова – «опасность» и «безопасность».

На стимул «опасность» получено 976 реакций.

В группу визуальных реакций вошли: огонь (45); пожар (35); убийца (28); скорость (24); преступник (18); высота (16); хищник (15); темнота (14); зверь (14); бежать (12); преследование (12); оружие (11); ночь (11); кровь (10); самолет (10); красный цвет (9); падать (8); наркотики (7); человек (7); наводнение (6); нож (6); машина (5); лес (5); обрыв (5); мужчина (5); полиция (5); дорога (4); ураган (4); вспышка (3); змея (3); знак (3); буря (2); вода (2); зима (2); корабль (2); лавина (2); молния (2); собака (2); транспорт (2); алкоголь (1); воздух (1); море (1); повреждение (1); поезд (1); прыжок (1); стройка (1); пустыня (1); ситуация (1).

Группа аудиальных реакций образована элементами: грохот (19); шум (16); крик/кричать (15); визг (13); стон (13); выстрел (10); лягз (8); пожарная тревога (8); взрыв (5); мысль (3); писк (3); стук (3); звучание (2); шелест (2); голос (1); ор (1); свистеть (1); сопение (1).

К кинестетическим реакциям отнесены следующие: болезнь/боль/болезненность (42); страх (38); ужас (35); травма (31); кошмар (26); тревога (25); паника (24); стресс (20); острый (12); адреналин (9); дрожь (5); сердцебиение (3); перелом (2); ступор (2); бессилие (1); волнение (1); депрессия (1); инстинкт (1); истерика (1); оцепенение (1); ощущение (1); температура (1); сила (1).

Дискретными были восприняты реакции: угроза (30); риск (28); смерть (26); агрессия (19); катастрофа (11); неизвестность (6); преступление/преступность (6); гибель (5); терроризм/террорист (4); заражение (3); нападение (3); несчастный случай (3); осторожность (3); предательство (3); экстремальный/экстремальность (3); бесконтрольность (2); конфликт (2); насилие (2); непредсказуемость (2); тайна (2); травля (2); безрассудство (1); беспорядок (1); бомбардировка (1); воровство (1); дерзость (1); дикость (1); жестокость (1); забвение (1); избавление (1); инвалидность (1); ложь (1); маньяк (1); нежелание (1); неизбежность (1); непривычность (1); нестабильность (1); одиночество (1); проблема (1); происшествие (1); расставание (1); растерянность (1); реанимация (1); сирота (1); сложность (1); ссора (1); суицид (1); удар (1).

На стимул «безопасность» в сумме получено 953 реакции.

В группу визуальных реакций вошли: дом (31); свет (16); замок (15); квартира (12); медицинская страховка/полис (12); родители (10); укрытие (10); зеленый цвет (9); дверь (7); белый цвет (6); оружие (6); бронежилет (5); щит (5); охрана (4); голубой цвет (3); ключ (3); папа (3); плед (3); стены (3); день (2); дерево (2); еда (2); собака (2); спасатель (2); крепость (2); помещение (2); братья (1); вертолет (1); весна (1); вода (1); комната (1); контрацептивы (1); кровать (1); лес (1); машина (1); небо (1); огонь (1); одеяло (1); опора (1); поезд (1); ремень (1); руки (1); сейф (1); стул (1); угол (1); улица (1); улыбка (1); цветы (1); чай (1); человек (1); шапка (1).

Группа аудиальных реакций образована элементами: тишина (36); музыка (29); смех (25); мелодия (6); пение (5); мысли (3); обещание (2); вздох (1); звучание (1); трели (1).

К кинестетическим реакциям отнесены следующие: спокойствие/спокойный (-ое) (43); защищенность (37); расслабление/расслабленность (26); умиротворенность/умиротворение (26); уверенность (25); радость (22); мягкость (21); тепло (16); внимательность/внимание (15); удовлетворенность (15); комфорт (12); покой (6); здоровье (2); объятия (2); самообладание (2); сила (2); уют (2); бдительность (1); равнодушие (1); скука (1); счастье (1); стресс (1).

Дискретными были восприняты реакции: защита (45); семья (43); осторожность (31); близкие (27); стабильность (25); закон (23); надежность (21); самооборона (20); поддержка (18); друзья (14); помощь (14); доверие (13); правила (10); мир (9); любовь (6); верность (4); возможности (4); любимое дело (4); доброта (3); любимый человек (3); дружба (2); контроль

(2); гармония (1); желание (1); жизнь (1); забота (1); закон (1); замкнутость (1); знания (1); защитник (1); мечты (1); навык (1); надежда (1); одиночество (1); подготовка (1); принятие (1); работа (1); смерть (1); современность (1); сохранение (1); спасение (1); уход (1); честность (1).

Сводное Количественное сопоставление распределений идентичных групп интерпретации по стимулам «опасность» и «безопасность» представлены в таблице 1.

Таблица 1

Распределение реакций на стимулы опасность/безопасность по группам репрезентативной интерпретации

Группы репрезентативной интерпретации	Опасность		Безопасность	
	п	%	п	%
Визуальная	385	39,4	202	21,2
Аудиальная	124	12,7	109	11,4
Кинестетическая	275	28,2	279	29,3
Дискретная	192	19,7	363	38,1
Всего	976	100,0	953	100,0

Сопоставление по критерию Пирсона этих групп с равномерным распределением показало статистическую тенденцию ($0,05 \leq p \leq 0,01$) к различиям между ними (соответственно, $\chi^2_{\text{эмп.}}=8,052$ и $\chi^2_{\text{эмп.}}=8,454$). Согласно визуальному анализу, в распределении на стимул «опасность» преобладают визуальные и кинестетические, на стимул «безопасность» – дискретные и кинестетические реакции. Наименьшее выражение в обеих выборках получили аудиальные реакции.

Межгрупповое сопоставление двух эмпирических распределений по критерию Пирсона выявило статистически достоверные различия между ними ($\chi^2_{\text{эмп.}}=11,414$, $p \leq 0,01$). Реакции на стимул «опасность» основываются на информации, полученной (по убыванию значимости) визуальными, кинестетическими, логическими, аудиальными средствами; на стимул «безопасность» – логическими, кинестетическими, визуальными, аудиальными средствами.

2 этап: стимульные слова – «личная опасность» и «личная безопасность».

На стимул «личная опасность» получено 905 реакций.

Группа визуальных реакций образована массивом: огонь (46); пожар (39); зверь (38); оружие (35); потоп (31); самолет (29); убийца/убийство (26); падать (24); преступник (22); авария (19); вода (15); человек (12); машина (8); заросли (3); полиция (3); игла (2); собака (2); гиена (1); лев (1); лес (1); мужчина (1); нож (1); окно (1); острие (1); ярко (1).

Аудиальные реакции образованы: грохот (25); шум (24); крик/кричать (21); сирена (19); гул (18); стон (12); шепот (5); ор (2); вздох (1); свист (1).

К кинестетическим реакциям отнесены: ужас (44); горячий (41); волнение (35); жесткий (33); страх (30); колоть (24); тревога/тревожность (21); напряжение (20); обжигать (18); давить (11); горечь (5); бессилие (2); волнение (2); истерика (1); депрессия (1); напряжение (1); одиночество (1); сердцебиение (1); стресс (1).

Группа дискретных реакций включает: агрессия (29); неизвестность (26); подлость (21); ложь (18); неопределенность (16); конфликт (15); война (13); преступность (8); терроризм (5); насилие (2); нестабильность (1); обман (1); одиночество (1); тайна (1); экстремальность (1).

На стимул «личная безопасность» по выборке получено 859 реакций.

Визуальные реакции представлены массивом: дом (38); родители (33); свет (26); дверь (23); замок (20); медицинская страховка (17); машина скорой помощи (15); охранник (10); банк (9); собака (5); деньги (3); солнце (2); дерево (1); икона (1); свечи (1); трава (1); убежище (1).

Аудиальные реакции составили следующий список: тишина (25); музыка (18); смех (8); песня/пение (3); звучание (1); птичья трель (1).

Кинестетические реакции объединены перечнем: защищенность (60); спокойствие (53); тепло (42); мягкость (29); уверенность (25); умиротворенность (21); комфорт (14); объятия (11); радость (9); увлеченность (5); поцелуй (2); легкость (1); открытость (1); покой (1); приятие (1); скука (1); уют (1).

Список дискретных реакций включает: защита (45); семья (39); постоянство (35); стабильность (33); понятный (30); надежный (29); устойчивый (24); предсказуемость (19); дружба (15); близкие (12); доброта (10); правда (9); возможности (7); любовь (5); доступность (3); здоровье (1); искренность (1); надежда (1); однозначность (1); очевидность (1).

Сводное количественное сопоставление групп реакций на стимулы «личная опасность/безопасность» представлено в таблице 2.

Таблица 2

Распределение реакций на стимулы личная опасность/безопасность по группам репрезентативной интерпретации

Группы репрезентативной интерпретации	Личная опасность		Личная безопасность	
	n	%	n	%
Визуальная	362	38,1	206	24,0
Аудиальная	128	13,5	56	6,5
Кинестетическая	292	30,8	277	32,2
Дискретная	167	17,6	320	37,3
Всего	949	100,0	859	100,0

Сопоставление по критерию Пирсона распределений групп реакций на стимулы «личная опасность» и «личная безопасность» с равномерным распределением показало: в первом случае – тенденцию к различиям ($\chi^2_{\text{эмп.}}=8,042$, $0,05 \leq p \leq 0,01$), во втором случае – статистически достоверные различия ($\chi^2_{\text{эмп.}}=14,218$, $p \leq 0,01$).

Сопоставление по критерию Пирсона распределения групп репрезентативной интерпретации на стимулы «личная опасность» и «личная безопасность» друг с другом позволило подтвердить статистически достоверные различия ($\chi^2_{\text{эмп.}}=12,752$, $p \leq 0,01$) между ними, подобно реакциям на стимулы «опасность/безопасность».

Сопоставление по критерию групп репрезентативной интерпретации попарно на стимулы «опасность/личная опасность» и «безопасность/личная безопасность» различий не выявило (соответственно, $\chi^2_{\text{эмп.}}=0,278$ и $\chi^2_{\text{эмп.}}=1,658$, $p > 0,05$).

3 этап: стимульные слова – «чужая опасность» и «чужая безопасность».

На стимул «чужая опасность» получено 599 реакций.

Группу визуальных реакций образовали: огонь (42); землетрясение (33); пожар (27); оружие (18); наводнение (17); падать (15); ранение (12); вода (8); потоп (5); гореть (3); ружье (3); самолет (3); окно (2); развалины (2); сверкнуть (-ать) (2); ярко (2); вспышка (1); мина (1); машина (1); пистолет (1); пушка (1); стекло (1); цунами (1).

Группа аудиальных реакций включает: кричать/крик/вскрик (39); стонать/стон (21); гул (16); шипеть (12); свистеть (1).

В состав группы кинестетических реакций вошли: болеть/боль (35); удар (20); жар (5); кипяток (2); тяжесть (2); жара (1); испуг (1); напряженность (1); стресс (1); холод (1).

Группа дискретных реакций включила в себя: неосторожный (46); экстремальный (37); неизвестный (29); ненадежный (26); неправильный (24); новый (20); война (17); глупый (15); необычный (13); неаккуратный (9); аморальный (1); ложь (1); незаконный (1).

На стимул «чужая безопасность» получено 279 реакций.

К визуальным отнесены реакции: свет (23); солнце (18); охранник/защитник (11); маска (9); ограда (1); сетка (1); стена (1).

Группа аудиальных реакций образует список: тишина (18); смех (12); пение (8); музыка (2).

В состав группы кинестетических реакций вошли: радость (21); тепло (15); уверенность (7); объятия (1); ощущение (1); прикосновение (1).

Дискретными реакциями выступили: благополучие (32); успех (26); защита (21); возможности (18); карьера (12); предсказуемость (7); надежность (5); развитие (5); дружба (1); здоровье (1); любовь (1).

Таблица 3

Распределение реакций на стимулы чужая опасность/безопасность по группам репрезентативной интерпретации

Группы репрезентативной интерпретации	Чужая опасность		Чужая безопасность	
	n	%	n	%
Визуальная	202	33,7	64	22,9
Аудиальная	89	14,9	40	14,3
Кинестетическая	69	11,5	46	16,5
Дискретная	239	39,9	129	46,3
Всего	599	100,0	279	100,0

Сопоставление по критерию Пирсона с равномерным распределением распределений групп реакций на стимулы «чужая опасность/безопасность» выявило между ними статистические различия (в первом случае $\chi^2_{\text{эмп.}}=12,258$ при $p \leq 0,01$, во втором случае – $\chi^2_{\text{эмп.}}=11,106$ при $0,05 \leq p \leq 0,01$).

Сопоставление двух групп реакций на стимулы «чужая опасность/безопасность» между собой не выявило статистически значимых различий ($\chi^2_{\text{эмп.}}=3,44$ при $p > 0,05$).

Обсуждение. Первый этап исследования показал, что информацию об опасности человек получает по большей мере по визуальному каналу, «видит» ее. Тем самым можно объяснить народную поговорку «У страха глаза велики». Вывод о безопасности формируется в своем большинстве на основе логического осмысления информации, полученной по всем основным каналам – визуальному, аудиальному и кинестетическому. Вероятно, следствием этого является признание невозможности безопасности долго находиться в локусе внимания человека; чтобы ее осознать в текущей спокойной жизни, человек должен целенаправленно проанализировать свое состояние. Вторым каналом формирования интерпретации стимулов «опасность» и «безопасность» выступил кинестетический канал, что может рассматриваться свидетельством «телесности» соответствующих состояний: переживание опасности и безопасности сопровождаются определенными вегетативными реакциями, отражаются на эмоциональном и волевом состояниях человека.

Второй этап исследования подтвердил закономерности распределения групп репрезентативной репрезентации, выявленные ранее на стимулах «опасность/безопасность». Интерпретация личной опасности основывается преимущественно на визуальной информации, личной безопасности – на информации, полученной логическим путем. Вероятно, репрезентативные интерпретации стимулов «опасность/личная опасность» и «безопасность/личная безопасность» не различаются, респонденты реагируют на них со статистической точки зрения идентично.

Третий этап исследования показал, что по сравнению с реакциями на предыдущие стимулы, стимулы «чужая опасность/безопасность» приводят к падению количества реакций респондентов. Информация о чужих состояниях опасности/безопасности является более ограниченной, чем о подобных своих состояниях. Данный результат может быть связанным с тем, что характеризуют «глухотой к чужим несчастьям». Как было установлено, чужие опасность и безопасность воспринимаются в большей степени по дискретным каналам, то есть на основе логического осмысления различной информации. Несколько менее информативным в обоих случаях оказывается визуальный канал получения сведений о чужих опасности/безопасности. Возможно, этим можно объяснить невозможность мгновенного реагирования на опасности, возникающие перед другим человеком. Кроме того, данный этап исследования позволяет предполагать, что поступление к респондентам информации о чужой опасности и безопасности осуществляется со статистической точки зрения схожим образом.

Закключение. Обоснованное в рамках нейролингвистического программирования деление людей по группам репрезентации информации в данном исследовании было использовано для различения способов получения интерпретации абстрактных категорий опасности/безопасности, базовых и с уточнением их принадлежности. Получение реакций по комплексу стимулов на материале одной и той же выборки, выявив различия репрезентативной интерпретации, подтвердило поступление информации о них по разным каналам. При этом был установлен ряд закономерностей, объясняющих понимание человеком опасности/безопасности, в целом своих и чужих.

По итогам исследования сделаем следующие основные выводы:

1. Интерпретация концептов опасности и безопасности осуществляется на основе информации, полученной из разных репрезентативных каналов: для опасности превалирует визуальный, для безопасности – дискретный каналы получения информации.

2. Репрезентативная интерпретация абстрактных опасности/безопасности в большей степени совпадает с репрезентативной интерпретацией личных опасности/безопасности.

3. Репрезентативная интерпретация чужих опасности/безопасности отличается от репрезентативной интерпретации абстрактных и личных опасности/безопасности: падает объем интерпретации, она смещается к логическому способу получения.

Итак, по итогам исследования выдвинутая гипотеза была подтверждена. Действительно, концепты опасности и безопасности имеют различные доминанты репрезентативной ин-

терпретации. Исследование демонстрирует сложность субъектного восприятия категорий опасности/безопасности, выстраиваемого по разным каналам получения информации.

Исследование носит ориентировочно-поисковый характер, показывает новый подход к организации изучения субъективного плана феноменов опасности/безопасности, способный к воспроизводству в идентичных, а также иных условиях (например, учитывающие половые, национальные, профессиональные и другие характеристики респондентов).

Список литературы

1. *Архипова Н. А.* Особенности репрезентации сенсорных модальностей в языке рекламы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 9 (84). С. 11–15.
2. *Дунаева Н. И.* Формирование сопротивляемости личности студентов в условиях современной образовательной среды / П. А. Гордеева, С. Н. Сорокоумова // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11. № 1 (42). DOI: 10.26795/2307-1281-2023-11-1-10.
3. *Костюченко Е. В.* Особенности перцептивной репрезентации одоративной составляющей образа мира // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 1. С. 146–154.
4. *Краснянская Т. М., Тылец В. Г.* Построение концепции личной безопасности в психологическом пространстве вызовов современности // Научные труды МосГУ. 2022. № 4. С. 4–9. DOI: 10.17805/trudy.2022.4.1.
5. *Краснянская Т. М., Тылец В. Г.* Психолингвистические механизмы вербализации концептов психологической, информационной и информационно-психологической безопасности // Язык и культура. 2022. № 59. С. 54–74. DOI: 10.17223/19996195/59/4.
6. *Краснянская Т. М.* Атрибуция ситуаций неопределенности в параметрах опасности/безопасности носителями основных хронобиотипов / В. Г. Тылец, В. В. Иохвидов // Гуманитарные науки (Ялта). 2022. № 2. С. 133–141. URL: http://science.cfuv.ru/wp-content/uploads/2022/07/Гуманитарные-науки_2_2022.pdf.
7. *Краснянская Т. М.* Концепция личной безопасности как психолого-криминологический фактор самообороны / В. Г. Тылец, В. В. Иохвидов // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 826–835. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).826-835.
8. *Лобанов А. П., Радчикова Н. П.* Ведущая репрезентативная система и динамика ее развития в контексте теории сенсорно-перцептивных способностей // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2016. № 4. С. 125–131.
9. *Лурия А. Р.* Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. М.: Изд-во Московского университета, 1979. 320 с.
10. *Маралов В. Г., Маралова Т. П.* Психологические особенности взаимосвязи отношения к опасностям с отношением к людям у студентов // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 2 (125). С. 96–105. DOI: 10.20323/1813-145X-2022-2-125-96-105.
11. *Океанская Ж. Л.* Представления курсантов МЧС России о безопасности (по результатам эмпирического исследования 2016–2020 гг.) / А. А. Лобова, К. Н. Расулова // Пожарная и аварийная безопасность. 2021. № 4 (23). С. 20–27.
12. *Пирмагомедова Э. А.* Развитие у подростков представлений о безопасности жизнедеятельности : дисс. ... канд. психол. наук. Сочи, 2011. 25 с.
13. *Синельникова О. П.* Развитие представлений о безопасности жизнедеятельности у старших школьников : дисс. ... канд. психол. наук. Пятигорск, 2010. 21 с.
14. *Слобин Д., Грин Дж.* Психолингвистика. М.: Прогресс, 1976. 350 с.
15. *Слюсарева Е. С., Мизина Н. Н.* Исследование удовлетворенности как критерия психологической безопасности родителей в инклюзивной образовательной среде // Проблемы современного образования. 2022. № 6. С. 89–103. DOI: 10.31862/2218-8711-2022-6-89-103.
16. *Сонин А. А.* Информационно-психологическая безопасность личности // Молодежь и наука: актуальные проблемы педагогики и психологии. 2021. № 6. С. 111–116.
17. *Тылец В. Г., Краснянская Т. М.* Личностные смыслы безопасности в сознании профессиональных франкофонов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 1. С. 71–85. DOI: 10.22363/2313-1683-2022-19-1-71-85.
18. *Тылец В. Г., Краснянская Т. М.* Психолингвистические особенности функционирования концептов «угроза» и «опасность» в русском и французском языковом сознании // Вопросы психолингвистики. 2021. № 4 (50). С. 56–77. DOI: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-56-77.
19. *Тылец В. Г., Краснянская Т. М.* Психолингвистическое исследование концептов «опасность» и «безопасность» в языковом сознании студентов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1 (43). С. 84–97. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-43-1-84-97.
20. *Тылец В. Г.* Психологические особенности персональных концепций безопасности студентов-лингвистов / Т. М. Краснянская, В. В. Иохвидов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. Вып. 1 (846). С. 79–85. DOI: 10.52070/2500-3488_2023_1_846_79.

21. Федюковская М. Г. Информационно-психологическая безопасность студента в современном информационном обществе // Сохранение приоритетов профессионального образования как инструмент кадрового обеспечения региональной экономики / Международная научно-практическая конференция (Гатчина, 28 марта 2023 года). Гатчина : Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. С. 254–260.

Concepts of danger and safety in the representative interpretation of university students

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna¹, Tylets Valery Gennadievich²

¹Doctor of Psychological Sciences, professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, Moscow Humanitarian University, Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-4572-6003. E-mail: ktm8@yandex.ru

²Doctor of Psychological Sciences, professor of the Department of Phonetics and Grammar of the French Language, Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-5387-6570. E-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Abstract. Solving urgent security problems in various spheres of human social activity requires detailing the subjective plan of his danger and safety. The problem of this study is related to the identification of the ratio of representative human systems used to interpret the concepts of danger and safety. The aim of the study was to identify the features of the representative interpretation of the concepts of danger and safety in the minds of students. Methods of associative experiment and expert evaluation were used. Based on the results of the study, arrays of 4 groups of representative interpretation (visual, auditory, kinesthetic and discrete) were constructed for the stimuli danger/safety, personal danger/safety, someone else's danger/safety. The comparison of the groups of representative interpretation using the Pearson's χ^2 criterion revealed a number of patterns of their distribution across different stimuli. It is established that the interpretation of the concepts of danger and safety is carried out on the basis of information received from different representative channels: for danger, visual prevails, for safety – discrete channels of obtaining information. The representative interpretation of abstract hazards/safety is more in line with the representative interpretation of personal hazards/safety. The representative interpretation of someone else's danger/security differs from the representative interpretation of abstract and personal danger/security: the volume of interpretation decreases, it shifts to a logical way of obtaining. The study was of a tentative and exploratory nature. It shows a new approach to the study of the subjective plane of the phenomena of danger / safety, capable of reproduction in identical, as well as other conditions. The results of the study of the representative interpretation of the concepts of danger and safety can be applied in a wide field of practice relevant to the tasks of ensuring the safety of human life.

Keywords: danger, safety, reaction, information, channel, representative system.

References

1. Arhipova N. A. *Osobennosti reprezentacii sensornyh modal'nostej v yazyke reklamy* [Features of representation of sensory modalities in the language of advertising] // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – News of Volgograd State Pedagogical University. 2013. No. 9 (84). Pp. 11–15.
2. Dunaeva N. I. *Formirovanie soprotivlyaemosti lichnosti studentov v usloviyah sovremennoj obrazovatel'noj sredy* [Formation of students' personality resistance in the conditions of modern educational environment] / P. A. Gordeeva, S. N. Sorokoumova // *Vestnik Mininskogo universiteta* – Herald of Mininsky University. 2023. Vol. 11. No. 1 (42). DOI: 10.26795/2307-1281-2023-11-1-10.
3. Kostyuchenko E. V. *Osobennosti perceptivnoj reprezentacii odorativnoj sostavlyayushchej obraza mira* [Features of perceptual representation of the odorative component of the image of the world] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University. 2014. No. 1. Pp. 146–154.
4. Krasnyanskaya T. M., Tylec V. G. *Postroenie koncepcii lichnoj bezopasnosti v psihologicheskom prostranstve vyzovov sovremennosti* [Constructing the concept of personal security in the psychological space of modern challenges] // *Nauchnye trudy MosGU* – Scientific works of Moscow State University. 2022. No. 4. Pp. 4–9. DOI: 10.17805/trudy.2022.4.1.
5. Krasnyanskaya T. M., Tylec V. G. *Psiholingvisticheskie mekhanizmy verbalizacii konceptov psihologicheskoy, informacionnoj i informacionno-psihologicheskoy bezopasnosti* [Psycholinguistic mechanisms of verbalization of concepts of psychological, informational and information and psychological security] // *Yazyk i kul'tura* – Language and culture. 2022. No. 59. Pp. 54–74. DOI: 10.17223/19996195/59/4.
6. Krasnyanskaya T. M. *Atribuciya situacij neopredelennosti v parametrah opasnosti/bezopasnosti nositelyami osnovnyh hronobiotipov* [Attribution of situations of uncertainty in the parameters of danger/safety by

carriers of the main chronobiotypes] / V. G. Tylets, V. V. Iohvidov // *Gumanitarnye nauki (Yalta)* – Humanities (Yalta). 2022. No. 2. Pp. 133–141. Available at: http://science.cfuv.ru/wp-content/uploads/2022/07/Гуманитарные-науки_2_2022.pdf.

7. Krasnyanskaya T. M. *Koncepciya lichnoj bezopasnosti kak psihologo-kriminologicheskij faktor samooborony* [The concept of personal security as a psychological and criminological factor of self-defense] / V. G. Tylets, V. V. Iohvidov // *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal* – All-Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12. No. 6. Pp. 826–835. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).826-835.

8. Lobanov A. P., Radchikova N. P. *Vedushchaya reprezentativnaya sistema i dinamika ee razvitiya v kontekste teorii sensorno-perceptivnyh sposobnostej* [The leading representative system and the dynamics of its development in the context of the theory of sensory-perceptual abilities] // *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologo-pedagogicheskie nauki* – Herald of Pskov State University. Series: Psychological and pedagogical sciences. 2016. No. 4. Pp. 125–131.

9. Luriya A. R. *Yazyk i soznanie* [Language and consciousness] / ed. by E. D. Chomskaya. M. Moscow University Publishing House. 1979. 320 p.

10. Maralov V. G., Maralova T. P. *Psihologicheskie osobennosti vzaimosvyazi otnosheniya k opasnostyam s otnosheniem k lyudyam u studentov* [Psychological features of the relationship between the attitude to dangers and the attitude to people among students] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* – Yaroslavl Pedagogical herald. 2022. No. 2 (125). Pp. 96–105. DOI: 10.20323/1813-145X-2022-2-125-96-105.

11. Okeanskaya Zh. L. *Predstavleniya kursantov MChS Rossii o bezopasnosti (po rezul'tatam empiricheskogo issledovaniya 2016–2020 gg.)* [Representations of cadets of the EMERCOM of Russia about safety (based on the results of an empirical study of 2016–2020)] / A. A. Lobova, K. N. Rasulova // *Pozharnaya i avarijnaya bezopasnost'* – Fire and emergency safety. 2021. No. 4 (23). Pp. 20–27.

12. Pirmagomedova E. A. *Razvitie u podrostkov predstavlenij o bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti : diss. ... kand. psihol. nauk* [The development of adolescent ideas about the safety of life : diss. ... PhD in Psychological Sciences]. Sochi, 2011. 25 p.

13. Sinel'nikova O. P. *Razvitie predstavlenij o bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti u starshih shkol'nikov : diss. ... kand. psihol. nauk* [The development of ideas about the safety of life in senior schoolchildren : diss. ... PhD in Psychological Sciences]. Pyatigorsk. 2010. 21 p.

14. Slobin D., Grin Dzh. *Psiholingvistika* [Psycholinguistics]. M. Progress. 1976. 350 p.

15. Slyusareva E. S., Mizina N. N. *Issledovanie udovletvorennosti kak kriteriya psihologicheskoy bezopasnosti roditelej v inklyuzivnoj obrazovatel'noj srede* [The study of satisfaction as a criterion of psychological safety of parents in an inclusive educational environment] // *Problemy sovremennogo obrazovaniya* – Problems of modern education. 2022. No. 6. Pp. 89–103. DOI: 10.31862/2218-8711-2022-6-89-103.

16. Sonin A. A. *Informacionno-psihologicheskaya bezopasnost' lichnosti* [Information and psychological security of personality] // *Molodezh' i nauka: aktual'nye problemy pedagogiki i psihologii* – Youth and science: actual problems of pedagogy and psychology. 2021. No. 6. Pp. 111–116.

17. Tylec V. G., Krasnyanskaya T. M. *Lichnostnye smysly bezopasnosti v soznanii professional'nyh frankofonov* [Personal meanings of security in the minds of professional francophones] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: psihologiya i pedagogika* – Herald of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and pedagogy. 2022. Vol. 19. No. 1. Pp. 71–85. DOI: 10.22363/2313-1683-2022-19-1-71-85.

18. Tylec V. G., Krasnyanskaya T. M. *Psiholingvisticheskie osobennosti funkcionirovaniya konceptov "ugroza" i "opasnost'" v russkom i francuzskom yazykovom soznanii* [Psycholinguistic features of the functioning of the concepts "threat" and "danger" in Russian and French language consciousness] // *Voprosy psiholingvistiki* – Questions of psycholinguistics. 2021. No. 4 (50). Pp. 56–77. DOI: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-56-77.

19. Tylec V. G., Krasnyanskaya T. M. *Psiholingvisticheskoe issledovanie konceptov "opasnost'" i "bezopasnost'" v yazykovom soznanii studentov* [Psycholinguistic research of the concepts "danger" and "safety" in the linguistic consciousness of students] // *Voprosy psiholingvistiki* – Questions of psycholinguistics. 2020. No. 1 (43). Pp. 84–97. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-43-1-84-97.

20. Tylec V. G. *Psihologicheskie osobennosti personal'nyh koncepcij bezopasnosti studentov-lingvistov* [Psychological features of personal security concepts of linguist students] / T. M. Krasnyanskaya, V. V. Iohvidov // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki* – Herald of Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences. 2023. Is. 1 (846). Pp. 79–85. DOI: 10.52070/2500-3488_2023_1_846_79.

21. Fedyukovskaya M. G. *Informacionno-psihologicheskaya bezopasnost' studenta v sovremennom informacionnom obshchestve* [Information and psychological security of a student in a modern information society] // *Sohranenie prioritetov professional'nogo obrazovaniya kak instrument kadrovogo obespecheniya regional'noj ekonomiki* – Preservation of priorities of professional education as a tool for staffing the regional economy / International Scientific and Practical Conference (Gatchina, March 28, 2023). Gatchina. State Institute of Economics, Finance, Law and Technology. 2023. Pp. 254–260.

Личностные особенности людей средней зрелости, сообщивших о переживании оскорбления

Бузина Александра Александровна

соискатель, Институт психологии Российской академии наук.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-8114-1443. E-mail: super-alex@mail.ru

Аннотация. Ситуация оскорбления, представляющая собой вид эмоционального насилия, относится к числу стрессоров высокой интенсивности. Несмотря на широкую распространенность оскорбления, изучение его психологических последствий осложняется их латентным характером: подобное воздействие не оставляет у жертвы видимого вреда. Данная статья призвана расширить представление о психологических последствиях оскорбления, в частности, о личностных особенностях людей средней зрелости, сообщивших о переживании оскорбления.

В исследовании приняли участие 120 человек (85 женщин и 35 мужчин; средний возраст – 46 лет). Проверялось предположение о том, что переживание оскорбления находит отражение в таких личностных особенностях людей средней зрелости, как тип ролевой виктимности, стиль совладающего поведения, составляющие антиципационной состоятельности и структура эго-идентичности. Выявлено, что переживание оскорбления связано с установкой на виктимность в виде принятия личностью социальной роли жертвы. Определено, что переживающим оскорбление свойственно обращение к эмоционально-ориентированному стилю совладания. Наблюдается антиципационная несостоятельность по личностно-ситуативному, временному и общему показателям. Установлена связь проблемно-ориентированного копинга со всеми составляющими антиципационной состоятельности. Обнаружено, что ситуация оскорбления меняет представление человека о самом себе: интенсивные переживания связаны с выраженной диффузной (размытой) эго-идентичности по общему показателю, а также таким параметрам, как ответственность за выбор, самодостаточность и принятие настоящего. Исследование позволило подтвердить гипотезу и выделить особенности ролевой виктимности, совладающего поведения, антиципационной состоятельности и структуры эго-идентичности людей средней зрелости, сообщивших о переживании оскорбления. Определено, что оскорбление негативно воздействует на личность человека и его представление о самом себе, искажает восприятие настоящего и адекватное видение будущего.

Ключевые слова: оскорбление, эмоциональное насилие, средняя зрелость, ролевая виктимность, совладающее поведение, антиципационная состоятельность, эго-идентичность.

Введение. Нарушение структуры Самости, когнитивной картины мира, неврологических механизмов – таковы последствия воздействия разного рода стрессоров. Речь идет об экстремальных кризисных ситуациях, которые радикальным образом нарушают чувство безопасности человека [10]. Как показывают исследования, наибольший травматический эффект на психику оказывают стрессоры, связанные с действиями других людей, особенно близких. К числу данных стрессоров можно отнести оскорбление, которое угрожает целостности личности [9].

С подобным целенаправленным негативным воздействием на протяжении жизни в той или иной степени сталкивается большинство людей. Оскорбление может проявляться в различных сферах, в частности, в семейных (детско-родительских, партнерских) или профессиональных отношениях. При этом психологические последствия оскорбления, особенно в период средней зрелости, в научной литературе изучены недостаточно. Настоящее исследование призвано восполнить данный пробел.

Оскорбление может сопровождать физическое насилие или предшествовать ему. Данное негативное воздействие выражается в вербальной форме или в действиях (в жестах и позах; в сочетании с физическим воздействием, например, в плевках и пощечинах). Отмечая связь с физическим причинением вреда, исследователи рассматривают оскорбление как вид эмоционального (психологического) насилия [7]. Оскорбление не всегда осязаемо, однако его последствия сравнимы с эффектами от физического насилия, а иногда и превосходят их [21].

Особенностью данного негативного воздействия является его латентный характер: оскорбление не создает непосредственной угрозы жизни, но воздействует на психологиче-

ское благополучие личности, ее эмоциональную стабильность и устойчивость представлений о себе. Кроме того, оскорбление приводит к выраженному посттравматическому стрессу (ПТС) на разных этапах жизни человека [13]. Жертва эмоционального насилия может испытывать ощущения неуверенности и никчемности, ненавидеть себя. Эти последствия называются «невидимыми ранами», поскольку боль, которую испытывают жертвы, подчас не проявляется внешне [27]. Такая боль чревата страданиями более длительными, чем те, которые вызывают физические раны [26].

Эмоциональное насилие, в том числе оскорбление, может превратиться в длительный процесс, в ходе которого один человек систематически ослабляет и по сути уничтожает личность другого. Оскорбления, носящие длительный характер, особенно опасны: они вызывают потерю чувства собственного достоинства, социальную изоляцию, разрушение Эго-идентичности [13]. Эффект от эмоционального насилия может быть таким же длительным, разрушительным и комплексным. Исследователи, изучавшие состояние жертв подобного воздействия на протяжении долгого времени, выявили, что те сталкиваются с серьезными психологическими проблемами на протяжении всей дальнейшей жизни. Среди таких проблем можно выделить низкую самооценку, склонность к развитию депрессии и тревожных расстройств, замкнутость, риск вновь оказаться в подобной ситуации в качестве жертвы или агрессора [17].

Эмоциональное насилие, в том числе оскорбление, накладывает отпечаток на личность человека. Прежде всего, развивается виктимность – склонность стать жертвой негативного воздействия в будущем. Боязнь снова столкнуться с ситуацией оскорбления превращает человека в изгоя. Он принимает на себя социальную роль жертвы, которая характеризуется замкнутостью, обидчивостью, беспомощностью, склонностью к обвинению себя и других, представлением об окружающем мире как о враждебном, а о себе самом – как о неудачнике [6]. Виктимность сопровождается снижением самооценки, чувствами вины и жалости к самому себе, внешним локусом контроля. При этом негативные оценки окружающих только усугубляют ощущение собственной никчемности [15].

Другой характерной чертой людей, столкнувшихся с негативным эмоциональным воздействием, является обращение к эмоционально-ориентированному стилю совладания [1; 16]. В отличие от проблемно-ориентированного копинга, направленного на поиск разрешения возникшей ситуации, эмоционально-ориентированный копинг связан с регулированием эмоций, изменением отношения к случившемуся. Такой стиль совладания характеризует погружение в собственные переживания, самообвинение, вовлечение в переживание других [3].

Эмоционально-ориентированная стратегия совладания менее эффективна по сравнению с проблемно-ориентированным копингом, поскольку расходует энергию, не оставляя жертве сил на преодоление негативного воздействия. Человек лишь уменьшает интенсивность стресса, не меняя условий фактической ситуации [29]. Мысли и действия, направленные на снижение физического или психологического воздействия стресса, приносят лишь сиюминутное облегчение [19].

В связи с определенным стилем совладания следует рассматривать антиципационную состоятельность (прогностическую компетентность). Есть основания считать эти конструкты компонентами единой системы стабилизации личности. Интенсивное эмоциональное реагирование на психотравмирующую ситуацию может объясняться тем, что человек не был к ней подготовлен. И, напротив, опыт позволяет осуществлять вероятностное прогнозирование и подготовку к ситуации [4].

Антиципация представляет собой способность действовать и принимать решения с определенным временно-пространственным упреждением в отношении будущих событий. Данный психологический феномен обладает универсальным значением для всех сторон жизни человека и отражает активное овладение перспективой будущего [2]. Тот факт, что пережившие эмоциональное насилие склонны вновь попадать в похожие ситуации в качестве жертвы или агрессора [17], говорит не только о развитии виктимности или работе механизма идентификации с агрессором, но и о низком уровне способности прогнозировать ситуацию.

Ситуация оскорбления, чреватая интенсивными переживаниями, способна вызвать психологическую травму. Подобные события могут изменить жизненную перспективу личности в негативном отношении. В таких случаях человек утрачивает смысл жизни, перестает выработать планы, рассматривает будущее в негативном свете. Эти последствия определяются как тяжестью травмирующей ситуации, так и наличием у человека психологических ресурсов совладания [5].

Бесспорно, психотравмирующие ситуации сказываются на особенностях Я-концепции. При переживании оскорбления под удар попадает чувство собственного достоинства человека, его самооценка [23]. В этой связи стоит указать на изменения эго-идентичности, сопровождающие воздействие стрессоров. Так, продолжительные, повторяющиеся события, к которым можно отнести и эмоциональное насилие, сопровождаются диффузией (размытостью) эго-идентичности [12].

Таким образом, исследования последствий эмоционального насилия позволяют сделать вывод о том, что данный стрессор негативно воздействует на человека на протяжении всей жизни. Особым травмирующим эффектом обладает эмоциональное насилие в детстве, которое интенсивно воздействует на психологическое состояние человека, в том числе уже во взрослом возрасте, приводя к развитию ПТС [28] и виктимности [14; 22; 30]. Исследователи считают эмоциональное насилие основой всех форм жесткого обращения с детьми [20].

Особенностью переживания эмоционального насилия во взрослом возрасте является воздействие опыта прошлой травматизации. Для пожилых людей негативное воздействие приводит не только к социальной изоляции, ощущению бесполезности и утрате надежды на будущее, но и к значительному ухудшению физического состояния [24]. В среднем возрасте, в период наибольшей активности человека, эмоциональное насилие проявляется в партнерских, супружеских, семейных, профессиональных отношениях [18; 25]. Воздействие оскорбления находит отражение в личностных особенностях людей среднего возраста.

Целью настоящего исследования является выявление личностных особенностей людей средней взрослости, сообщивших о переживании оскорбления.

Гипотеза исследования: переживание оскорбления находит свое отражение в таких личностных особенностях людей средней взрослости, как тип ролевой виктимности, стиль совладающего поведения, составляющие антиципационной состоятельности и структура эго-идентичности.

Участники и методы исследования. Участниками исследования стали 120 человек (средний возраст – $46 \pm 6,9$ лет): 85 женщин и 35 мужчин. Опрос проводился индивидуально и анонимно путем предъявления следующих методик:

1. Опросник травматических ситуаций (Life Experience Questionnaire – LEQ), разработанный Дж. Норбеком (J. S. Norbeck), И. Сарасоном (I. G. Sarason), Дж. Джонсоном (J. H. Johnson), Дж. Сигель (J. M. Siegel) и адаптированный на русский язык Н. В. Тарабриной [11].

Опросник содержит 36 описаний тяжелых стрессовых ситуаций, распределенных по 4 разделам: криминальные события, природные катастрофы и общие травмы, другие события (в том числе оскорбление), ситуации физического и сексуального насилия. Опросник дополняют два пункта (37 и 38), которые позволяют сообщить о не охваченных предыдущими пунктами методики экстраординарной стрессовой ситуации и других стрессовых ситуациях соответственно.

Респонденту предлагается отметить происшедшее в его жизни событие и по пятибалльной шкале оценить степень влияния этого события на его жизнь за последний год. По итогам опроса определяется индекс травматичности – если этот показатель выше 3 баллов, можно говорить о наличии признаков ПТС.

2. Опросник «Тип ролевой виктимности», разработанный М. А. Одинцовой и Н. П. Радчиковой [6]. Участникам исследования предлагается ответить на 32 вопроса, описав себя и свое поведение с использованием четырехбалльной шкалы.

Методика определяет общий уровень и особенности ролевой виктимности – предрасположенности индивида в силу неблагоприятных объективных и специфических субъективных факторов продуцировать тот или иной тип поведения жертвы, выражающийся в позиции либо статусе жертвы, а также в их динамическом воплощении: социальной или игровой роли жертвы.

Игровая роль жертвы имеет в основе скрытую мотивацию и обладает пластичностью, которая способствует успешной адаптации. Игровая роль характеризуется демонстративностью и манипулятивностью. Социальная роль жертвы предполагает любой тип аутсайдерства и отсутствие манипулятивного компонента.

3. Методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (КПСС) (Coping Inventory for Stressful Situations – CISS), разработанная Н. С. Эндлером (N. S. Endler) и Дж. Д. А. Паркером (J. D. A. Parker) и адаптированная Т. Л. Крюковой [1]. В опроснике приведены 48 возможных реакций человека на различные трудные, огорчающие или стрессовые ситуации. Участникам

исследования предлагается по пятибалльной шкале определить, в какой степени относится к их поведению та или иная реакция.

Три шкалы методики отражают степень выраженности одного из стилей совладающего поведения – проблемно-ориентированного копинга (ПОК), эмоционально-ориентированного копинга (ЭОК) и копинга, ориентированного на избегание (КОИ) (последняя шкала включает в себя две субшкалы – социального отвлечения (СО) и отвлечения (О)).

4. Тест антиципационной состоятельности (прогностической компетентности), разработанный В. Д. Менделевичем. Участникам исследования с помощью пятибалльной шкалы предлагается оценить степень своего согласия с каждым из 81 утверждения. Тест позволяет оценить выраженность составляющих прогностической компетентности – личностно-ситуативной, временной (хроноритмологической), пространственной (моторной ловкости). Также определяется общая антиципационная состоятельность [4].

5. Методика диагностики структуры и статусов эго-идентичности (СЭИ-тест), разработанная Е. Л. Солдатовой. Эго-идентичность представляет собой процесс рефлексии личностью изменений, происходящих с ней в результате преобразований социальных отношений в кризисе. Эго-идентичность формируется на протяжении всего периода взрослости и актуализируется в нормативных кризисах развития.

Каждая фаза нормативного кризиса характеризуется определенным статусом эго-идентичности: в дебюте кризиса – предрешенной (заданной новой социальной ситуацией, внешними образцами и идеальной формой), в апогее кризиса – диффузной (размытой), в завершении кризиса – автономной (достигнутой) эго-идентичностью. Стабильным периодам развития свойственен мораторий в поиске эго-идентичности [8].

СЭИ-тест состоит из 50 пунктов, в каждом из которых участнику исследования предлагается выбрать одно из трех высказываний, наиболее точно соответствующих его представлению о себе в последнее время. Данные высказывания относятся к одному из показателей статуса эго-идентичности: автономному, диффузному или предрешенному.

При подсчете результатов баллы распределяются по каждому показателю статуса эго-идентичности семи шкал: «Ответственность за выбор» или «Творческая сила развития», «Самодостаточность» или «Сила эго», «Осознанность жизненного пути», «Эмоциональная зрелость», «Принятие настоящего», «Осознанность собственных ценностей», «Соответствие себе».

Статистическая обработка полученных данных велась с использованием пакетов Excel и Statistica 10.

Процедура исследования. В ходе работы были сформированы две группы участников исследования в зависимости от наличия или отсутствия у них опыта переживания оскорбления. Критерием выделения групп служило заполнение пункта 26 опросника LEQ, посвященного данному травматическому событию. Первую группу составили 74 респондента, сообщившие о переживании оскорбления, вторую группу – 46 респондентов, не отметившие этот пункт.

Исходя из цели исследования, далее работа велась только с первой группой участников исследования. Данная группа была разделена на три подгруппы в зависимости от интенсивности показателя ПТС. Критерием выделения подгрупп стала величина индекса травматичности по опроснику LEQ; использовался расчет нижнего и верхнего квартилей.

В результате были выделены три подгруппы: «Низкий ПТС» (18 человек), «Средний ПТС» (33 человека) и «Высокий ПТС» (23 человека). Подгруппы получили следующие индексы: «Низкий ПТС» – 1, «Средний ПТС» – 2, «Высокий ПТС» – 3.

Результаты исследования и их обсуждение. Для оценки выраженности показателей ролевой виктимности было проведено сравнение показателей подгрупп по методике «Ролевая виктимность» с использованием непараметрического критерия Краскела – Уоллиса (H).

При сравнении показателей выраженности игровой роли жертвы статистически значимые различия выявлены не были. Получены различия показателей выраженности социальной роли жертвы ($H=15,276$; $p=0,0005$) и общего уровня ролевой виктимности ($H=11,583$; $p=0,003$).

Затем было проведено попарное сравнение соответствующих показателей с использованием непараметрического критерия Манна – Уитни (U). Результаты сравнения подгрупп приведены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты сравнения показателей по методике «Ролевая виктимность»

Параметр сравнения	«Низкий ПТС» и «Средний ПТС»		«Средний ПТС» и «Высокий ПТС»		«Низкий ПТС» и «Высокий ПТС»	
Социальная роль жертвы	U=189,0; p=0,033		U=224,0; p=0,009		U=72,0; p=0,0003	
	Me ₁ =15,50 SD ₁ =5,792	Me ₂ =19,0 SD ₂ =4,599	Me ₂ =19,0 SD ₂ =4,599	Me ₃ =21,0 SD ₃ =6,044	Me ₁ =15,50 SD ₁ =5,792	Me ₃ =21,0 SD ₃ =6,044
Общий уровень ролевой виктимности	различия не выявлены		U=185,0; p=0,001		U=111,0; p=0,011	
			Me ₂ =35,0 SD ₂ =6,461	Me ₃ =43,0 SD ₃ =8,495	Me ₁ =34,50 SD ₁ =9,839	Me ₃ =43,0 SD ₃ =8,495

Таким образом, интенсивное переживание оскорбления сопровождается установкой на виктимность в виде принятия человеком социальной роли жертвы. Общий уровень ролевой виктимности выше у лиц, тяжелее переживающих оскорбление.

В ходе опроса участники исследования, столкнувшиеся с оскорблением, сообщали о снижении самооценки, чувствах бессилия и аутсайдерства, что свойственно социальной роли жертвы. Невольная демонстрация слабости и уязвимости обычно провоцирует новые нападки со стороны окружающих, заставляя человека постепенно утверждаться в роли жертвы. В самом деле, некоторые респонденты сталкивались с ситуацией оскорбления неоднократно (в частности, в детстве, во время обучения в школе, и в среднем возрасте, на рабочем месте). Регулярные оскорбления создавали своего рода замкнутый круг: человек переживал унижение и, не находя в себе сил противостоять оскорблению, снова становился жертвой подобного обращения. Негативное воздействие сказывалось на межличностном общении: переживавший оскорбление становился изгоем.

Ощущение бессилия, пронизывающее всю жизнь жертвы, сказывается на выборе механизмов копинга. Для определения выраженности того или иного стиля совладания было проведено сравнение показателей подгрупп «Низкий ПТС», «Средний ПТС» и «Высокий ПТС» по методике КПСС (использовался критерий Краскела – Уоллиса).

По параметрам проблемно-ориентированного копинга (ПОК) и копинга, ориентированного на избегание (КОИ), статистически значимых различий получено не было. Показатели подгрупп различаются по параметру эмоционально-ориентированного копинга: N=11,912; p=0,002.

Для оценки выраженности эмоционально-ориентированного стиля совладания (ЭОК) при переживании оскорбления было проведено попарное сравнение показателей подгрупп с использованием критерия Манна – Уитни. Результаты сравнения подгрупп представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты сравнения показателей по шкале ЭОК методики КПСС

«Низкий ПТС» и «Средний ПТС»	«Средний ПТС» и «Высокий ПТС»		«Низкий ПТС» и «Высокий ПТС»	
Различия не выявлены	U=254,0; p=0,037		U=74,0; p=0,0005	
-	Me ₂ =51,0 SD ₂ =4,656	Me ₃ =53,0 SD ₃ =4,131	Me ₁ =48,0 SD ₁ =4,032	Me ₃ =53,0 SD ₃ =4,131

Анализ результатов позволяет сделать вывод о том, что переживание оскорбления в период средней зрелости сопряжено с эмоционально-ориентированным стилем совладания.

Участники исследования отмечали, что переживание оскорбления сопровождается у них открытым, зачастую весьма интенсивным выражением эмоций – грусти, отчаяния, безысходности, гнева. Не находя в себе сил противостоять обидчику либо решить возникшую ситуацию каким-либо иным образом, люди давали выход негативным эмоциям, что выражалось в плаче, выплеске агрессии, жалобах.

Наряду с копингом средством адаптации к стрессовой ситуации выступает антиципационная состоятельность. Показатели данного параметра первой группы участников исследования были определены с использованием опросника «Тест антиципационной состоятельности». В таблице 3 эти показатели приведены в сравнении с величинами границы нормы, определенными для различных составляющих антиципационной состоятельности (АС).

Таблица 3

Показатели методики «Тест антиципационной состоятельности»

Параметр по тесту	Границы нормы (в баллах)	Показатели группы респондентов, сообщивших о переживании оскорбления (в баллах)
Общая АС	241	215
Личностно-ситуативная АС	166	115
Пространственная АС	52	63
Временная АС	42	41

Таким образом, при переживании оскорбления наблюдается антиципационная несостоятельность по личностно-ситуативному, временному и общему показателям. Но если величина временного показателя практически не выходит из границы нормы, показатели личностно-ситуативной составляющей обращают на себя пристальное внимание.

Личностно-ситуативная составляющая отражает коммуникативный уровень антиципации, то есть способность прогнозировать жизненные события и ситуации. Переживание оскорбления, особенно хроническое, приводит к искажению адекватного представления не только о себе, но и о своей жизни, негативно сказывается на ожиданиях от будущего, сужает жизненную перспективу личности. Ощущение бессилия и эмоциональная разрядка, сопровождающие оскорбление, мешают человеку выстроить адекватную линию поведения с опорой на опыт и, как следствие, действовать с опережением.

Для определения уровня антиципационной состоятельности было проведено сравнение показателей подгрупп «Низкий ПТС», «Средний ПТС» и «Высокий ПТС» по методике «Тест антиципационной состоятельности» (использовался критерий Краскела – Уоллиса). Статистически значимые различия были получены лишь по показателям пространственной составляющей: $N=8,744$; $p=0,012$.

Попарное сравнение показателей подгрупп с использованием критерия Манна – Уитни позволило получить статистически значимые различия лишь для показателей подгрупп «Средний ПТС» и «Высокий ПТС»: $U=205,0$; $p=0,003$. Дальнейший анализ позволил выделить большую выраженность пространственной составляющей в подгруппе «Средний ПТС» ($Me_2=64,0$, $SD_2=3,473$; $Me_3=61,0$, $SD_3=5,163$).

Моторная ловкость (пространственная составляющая) представляет собой не чисто физическое качество – она имеет отношение к мудрости, вбирает в себя опыт, относящийся к движениям и действиям. Двигательная находчивость способна постепенно перерастать в находчивость умственную.

Можно предположить, что представителей второй подгруппы отличает своеобразная специфика переживания оскорбления:

- в отличие от респондентов с низким уровнем ПТС, они склонны прорабатывать ситуацию оскорбления, уделять ей пристальное внимание;
- по сравнению с респондентами, отличающимися высоким уровнем ПТС, они эффективнее используют опыт переживания оскорбления, извлекая уроки из травматичной ситуации.

Поскольку исследователи рассматривают копинг и антиципационную состоятельность в качестве компонентов единой системы стабилизации личности, представляется целесообразным рассмотреть взаимосвязь этих параметров. При анализе показателей методик КПСС и «Тест антиципационной состоятельности» первой группы респондентов с использованием коэффициента корреляции Спирмена (r_s) не удалось выявить связь показателей эмоционально-ориентированного копинга (ЭОК) и социального отвлечения (СО) с параметрами антиципационной состоятельности. Остальные результаты данного анализа представлены в таблице 4.

Таблица 4

Взаимосвязь показателей методик «Тест антиципационной состоятельности» и КПСС первой группы респондентов

Стиль копинга	Общая АС	Личностно-ситуативная АС	Пространственная АС	Временная АС
ПОК	$r_s=0,401$; $p=0,0003$	$r_s=0,294$ $p=0,010$	$r_s=0,283$ $p=0,014$	$r_s=0,336$ $p=0,003$
КОИ	$r_s=-0,329$; $p=0,004$	$r_s=-0,315$; $p=0,006$	-	-
О	$r_s=-0,274$; $p=0,017$	-	-	-

Таким образом, для группы переживающих оскорбление была выявлена связь проблемно-ориентированного копинга со всеми составляющими антиципационной состоятельности. Очевидно, что антиципационная состоятельность позволяет человеку предвидеть сложные жизненные ситуации и избегать их либо эффективно противостоять им. Чем выше антиципационная состоятельность человека, тем с большей долей вероятности он будет предпочитать конструктивные копинг-стратегии (направленные на разрешение проблемной ситуации).

Показательна обратная зависимость общей антиципационной состоятельности и ее личностно-ситуативной составляющей с копингом, ориентированным на избегание. Чем лучше развито у человека умение превосходить стрессовые ситуации, тем с меньшей долей вероятности он будет склонен выбирать стратегию избегания. Это же касается взаимосвязи антиципационной состоятельности и показателей отвлечения: способный предвидеть развитие проблемной ситуации человек предпочитает разрешение ситуации временному уходу от нее.

Оскорбление затрагивает, по сути, саму личность человека. Для оценки особенностей эго-идентичности при переживании оскорбления в период средней взрослости было проведено сравнение показателей подгрупп «Низкий ПТС», «Средний ПТС» и «Высокий ПТС» по методике СЭИ-тест (использовался критерий Краскела – Уоллиса). Были получены показатели достигнутой (А), диффузной (С) и предрешенной (Ф) идентичности. Статистически значимые результаты сравнения показателей подгрупп представлены в таблице 5.

Таблица 5

Результаты сравнения показателей методики СЭИ-тест подгрупп

Шкалы СЭИ-теста	Результат сравнения
Общий показатель А	N=15,936; p=0,0003
Общий показатель С	N=13,781; p=0,001
Ответственность за выбор А	N=14,870; p=0,0006
Ответственность за выбор С	N=16,647; p=0,0002
Самодостаточность А	N=17,124; p=0,0002
Самодостаточность С	N=13,537; p=0,001
Принятие настоящего А	N=18,125; p=0,0001
Принятие настоящего С	N=14,221; p=0,008

Были выявлены статистически значимые различия между показателями подгрупп достигнутой и диффузной идентичности по общему показателю, а также шкалам «Ответственность за выбор», «Самодостаточность» и «Принятие настоящего».

Далее было проведено попарное сравнение показателей подгрупп по методике СЭИ-тест (использовался критерий Манна – Уитни). Статистически значимые различия результатов подгрупп «Низкий ПТС» и «Средний ПТС» были получены только по общему показателю достигнутой (А) идентичности: $U=190,0$; $p=0,035$ ($Me_1=30,50$, $SD_1=4,841$; $Me_2=27,0$, $SD_2=4,580$). Остальные результаты сравнения представлены в таблице 6.

Таблица 6

Результаты попарного сравнения показателей методики СЭИ-тест подгрупп

Шкалы СЭИ-теста	Подгруппы участников исследования			
	«Средний ПТС» и «Высокий ПТС»		«Низкий ПТС» и «Высокий ПТС»	
Общий показатель А	U=225,0; p=0,010		U=65,0; p=0,0001	
	Me ₂ =27,0 SD ₂ =4,580	Me ₃ =25,0 SD ₃ =4,886	Me ₁ =30,50 SD ₁ =4,841	Me ₃ =25,0 SD ₃ =4,886
Общий показатель С	U=201,50; p=0,003		U=79,0; p=0,0008	
	Me ₂ =10,0 SD ₂ =5,223	Me ₃ =16,0 SD ₃ =5,033	Me ₁ =10,0 SD ₁ =4,550	Me ₃ =16,0 SD ₃ =5,033
Ответственность за выбор А	U=202,0; p=0,002		U=67,50; p=0,0002	
	Me ₂ =9,0 SD ₂ =4,580	Me ₃ =7,0 SD ₃ =1,623	Me ₁ =9,0 SD ₁ =1,601	Me ₃ =7,0 SD ₃ =1,623

Окончание табл. 6

Шкалы СЭИ-теста	Подгруппы участников исследования			
	Ответственность за выбор С	U=171,0; p=0,0004		U=73,50; p=0,0004
Me ₂ =2,0 SD ₂ =1,682		Me ₃ =4,0 SD ₃ =1,460	Me ₁ =2,0 SD ₁ =1,495	Me ₃ =4,0 SD ₃ =1,460
Самодостаточность А	U=172,50; p=0,0004		U=76,50; p=0,006	
	Me ₂ =6,0 SD ₂ =1,479	Me ₃ =4,0 SD ₃ =1,330	Me ₁ =6,0 SD ₁ =1,947	Me ₃ =4,0 SD ₃ =1,330
Самодостаточность С	U=189,0; p=0,001		U=88,0; p=0,001	
	Me ₂ =3,0 SD ₂ =1,722	Me ₃ =5,0 SD ₃ =1,721	Me ₁ =2,50 SD ₁ =1,504	Me ₃ =5,0 SD ₃ =1,721
Принятие настоящего А	U=201,50; p=0,001		U=68,0; p=0,0002	
	Me ₂ =2,0 SD ₂ =0,780	Me ₃ =1,0 SD ₃ =0,843	Me ₁ =3,0 SD ₁ =0,970	Me ₃ =1,0 SD ₃ =0,843
Принятие настоящего С	U=204,50; p=0,001		U=89,0; p=0,002	
	Me ₂ =1,0 SD ₂ =0,696	Me ₃ =2,0 SD ₃ =0,868	Me ₁ =1,0 SD ₁ =0,857	Me ₃ =2,0 SD ₃ =0,868

Анализ данных СЭИ-теста позволяет сделать вывод о большей выраженности достигнутой идентичности у представителей подгрупп с низким и средним ПТС по общему показателю, шкалам «Ответственность за выбор», «Самодостаточность» и «Принятие настоящего». Также можно отметить большую выраженность диффузной идентичности у представителей подгруппы «Высокий ПТС» по тем же параметрам.

Как отмечали участники исследования, ситуация оскорбления умаляет их чувство собственного достоинства, искажает их представление о себе самих. В результате утрачивается способность принимать решения, адекватно реагировать на возникающие трудности, противостоять нападкам. При регулярном переживании оскорбления появляются ощущения несправедливости и бессилия, склонность обвинять во всем внешнее окружение, что оборачивается отказом нести ответственность за собственную жизнь. Развивается пассивное отношение к настоящему и будущему, искажается картина окружающей действительности.

Заключение. В результате исследования удалось выделить характеристики личности человека среднего возраста, переживающего оскорбление, в зависимости от интенсивности ПТС.

Для подгруппы «Высокий ПТС» характерна яркая выраженность личностных черт, свидетельствующих о пагубном воздействии оскорбления на психику. Представители подгруппы отличаются высоким уровнем виктимности, они с готовностью принимают на себя социальную роль жертвы, которая характеризуется ощущением аутсайдерства и склонностью к внешнему локусу контроля. В большей степени, чем респонденты из двух других подгрупп, они склонны к эмоциональному отреагированию, которое проявляется в виде отчаяния, грусти или гнева, дает лишь временное облегчение и разрешению стрессовой ситуации не способствует. Люди, сильнее переживающие оскорбление, в большей степени склонны к бессилию, пассивному восприятию собственной жизни и окружающей действительности. Пассивность и неуверенность в своих силах определяют неспособность предвосхищать развитие ситуации и адекватно использовать опыт.

Респондентам подгруппы «Низкий ПТС» менее свойственны социальная роль жертвы, обращение к эмоциональному копингу и неумение прогнозировать ситуацию. Оскорбление переживается этими людьми в меньшей степени, оно не затрагивает их самооценку радикальным образом и, даже доставляя негативные эмоции, не меняет коренным образом их представление о себе.

Особый интерес представляет подгруппа «Средний ПТС». Ее представители подвержены негативному воздействию оскорбления, однако отличаются высоким (по сравнению с другими подгруппами) уровнем моторной ловкости. Это может свидетельствовать о большей находчивости: лучшем умении действовать на опережение, прогнозировать развитие событий, опираясь на опыт негативного воздействия.

Результаты исследования подчеркивают особый характер оскорбления как негативно-го эмоционального воздействия, затрагивающего целостность личности, умаляющего чувство собственного достоинства, определяющего характер отношения человека к окружающим и себе самому. Представление о личностных особенностях людей среднего возраста, переживающих оскорбление, может найти достойное практическое применение в работе социальных и психологических служб, а также практикующих психологов при оказании помощи людям, переживающим подобное негативное воздействие.

Список литературы

1. Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения : монография. Кострома : Студия оперативной полиграфии «Авантитул», 2004. 343 с.
2. Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М. : Наука, 1980. 280 с.
3. Малиновская Е. Л. Совладающее поведение как предмет исследования психологии личности // Вестник Университета Российской академии образования. 2016. № 2. С. 134–138.
4. Менделевич В. Д. Антиципационные механизмы невротогенеза. М. : Городец, 2018. 448 с.
5. Немова Е. Н. Влияние психотравмы на жизненную перспективу личности // Научное отражение. 2021. № 2 (24). С. 10–17.
6. Одинцова М. А., Радчикова Н. П. Разработка и стандартизация опросника «Тип ролевой виктимности» // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 1303–1310.
7. Сидорова И. В. Оскорбление как разновидность психического насилия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1 (68). С. 28–32.
8. Солдатова Е. Л. Эго-идентичность в нормативных кризисах развития // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 74–84.
9. Тарабрина Н. В. Посттравматический стресс и картина травматических событий в разные периоды взрослости // Психологический журнал / Н. Е. Харламенкова, Ю. В. Быховец, Л. Ш. Мустафина, О. А. Ворона, Н. Н. Казымова, Е. Н. Дымова, Н. Е. Шаталова. 2016. Т. 37. № 6. С. 94–108.
10. Тарабрина Н. В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы / В. А. Агарков, Ю. В. Быховец, Е. С. Калмыкова, А. В. Макачук, М. А. Падун, Е. Г. Удачина, З. Г. Химчян, Н. Е. Шаталова, А. И. Щепина. М. : Когито-центр, 2007. 208 с.
11. Тарабрина Н. В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 2. Бланки методик. М. : Когито-центр, 2007. 77 с.
12. Харламенкова Н. Е. Эго-идентичность и ее особенности у лиц с разным уровнем посттравматического стресса // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 1. С. 107–111.
13. Харламенкова Н. Е. Эмоциональное оскорбление и пренебрежение и его психологические последствия для личности в разные периоды взрослости // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М. : Институт психологии РАН, 2016. С. 193–214.
14. Adams Z. W. Polyvictimization: Latent profiles and mental health outcomes in a clinical sample of adolescents / A. Moreland, J. R. Cohen, R. C. Lee, R. F. Hanson, C. K. Danielson, S. Self-Brown, E. C. Briggs // Psychology of Violence. 2016. Vol. 6. № 1. Pp. 145–155.
15. Bar-Tal D. A sense of self-perceived collective victimhood in intractable conflicts / L. Chernyak-Hai, N. Schori, A. Gundar // International Review of the Red Cross. 2009. Vol. 91. № 874. Pp. 229–258.
16. Bauman E. M. Coping with Intimate Partner Violence: Battered Women's Use and Perceived Helpfulness of Emotion-Focused Coping Strategies / D. A. F. Haaga, M. A. Dutton // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma. 2008. Vol. 1. № 17. Pp. 23–41.
17. Doherty D., Berglund D. Psychological abuse: A discussion paper. 2008. URL: <https://www.canada.ca/content/dam/phac-aspc/migration/phac-aspc/sfv-avf/sources/fv/fv-psych-abus/assets/pdf/fv-psych-abus-eng.pdf> (дата обращения: 12.12.2022).
18. Dutton M. A. Court-involved battered women's responses to violence: The role of psychological, physical, and sexual abuse / L. A. Goodman, L. B. Cattaneo // Violence and Victims. 1999. Vol. 14. № 1. Pp. 89–104.
19. Folkman S., Lazarus R. S. Coping and emotion // Stress and Coping: An Anthology. N. Y. : Columbia University Press, 1991. Pp. 207–227.
20. Hart S. N., Brassard M. R. A major threat to children's mental health: Psychological maltreatment // American Psychologist. 1987. № 42 (2). Pp. 160–165.
21. Karakurt G., Silver K. E. Emotional abuse in intimate relationships: The role of gender and age // Violence and Victims. 2013. Vol. 28. № 5. Pp. 804–821.
22. Lee M.-A. Emotional abuse in childhood and suicidality: The mediating roles of re-victimization and depressive symptoms in adulthood // Child Abuse & Neglect. 2015. № 44. Pp. 130–139.
23. Liu C. Relationship Between Childhood Emotional Abuse and Self-Esteem: A Dual Mediation Model of Attachment / X. Chen, P. Song, A. Lu, L. Wang, X. Zhang, Z. Huang, D. Zheng // Social Behavior and Personality: An International Journal. 2018. № 46 (5). Pp. 793–800.

24. Neuhart R., Carney A. Psychological Abuse // Elder Abuse: Forensic, Legal and Medical Aspects / ed. by Amy Carney. London : Academic Press, Elsevier Inc, 2020. Pp. 163–182.
25. Nielsen M. B. Workplace Bullying and Suicidal Ideation: A 3-Wave Longitudinal Norwegian Study / G. H. Nielsen, G. Notelaers, S. Einarsen // American Journal of Public Health. 2015. Vol. 105. № 11. Pp. 23–28.
26. Radell M. L. The Impact of Different Types of Abuse on Depression / E. G. Abo Hamza, W. H. Daghustani, A. Perveen, A. A. Moustafa // Depression Research and Treatment. 2021. URL: <https://www.hindawi.com/journals/drt/2021/6654503/> (дата обращения: 12.12.2022).
27. Sims C.-D. L. Invisible Wounds, Invisible Abuse: The Exclusion of Emotional Abuse in Newspaper Articles // Journal of Emotional Abuse. 2008. V. 8. № 4. Pp. 375–402.
28. Sullivan T. P. Differential relationships of childhood abuse and neglect subtypes to PTSD symptom clusters among adolescent inpatients // Journal of Traumatic Stress. 2006. V. 19. № 2. Pp. 229–239.
29. Van den Brande W. The Moderating Effects of Coping Mechanisms and Resources in the Context of Workplace Bullying, Emotional Abuse and Harassment / C. Bernstein, I. Reknes, E. Baillien // Handbooks of Workplace Bullying, Emotional Abuse and Harassment. 2018. Pp. 1–24.
30. Zurbruggen E. L. Childhood Emotional Abuse Predicts Late Adolescent Sexual Aggression Perpetration and Victimization / R. L. Gobin, J. J. Freyd // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma. 2010. № 19 (2). Pp. 204–223.

Personality characteristics of middle-aged people who reported experiencing abuse

Buzina Alexandra Alexandrovna

degree-seeking student, Institute of Psychology of Russian Academy of Science.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-8114-1443. E-mail: super-alex@mail.ru

Abstract. The situation of abuse, which is a type of emotional violence, is one of the stressors of high intensity. Despite the widespread nature of the insult, the study of its psychological consequences is complicated by their latent nature: such an impact does not leave the victim with visible harm. This article is intended to expand the understanding of the psychological consequences of an insult, in particular, about the personal characteristics of people of middle adulthood who reported experiencing an insult.

The study involved 120 people (85 women and 35 men; the average age was 46 years). The assumption was tested that the experience of an insult is reflected in such personal characteristics of people of middle adulthood as the type of role victimization, the style of coping behavior, the components of anticipatory consistency and the structure of ego-identity. It has been revealed that the experience of abuse is associated with the victimization attitude in the form of a person's acceptance of the victim's social role. It is determined that those experiencing an insult tend to appeal to an emotionally-oriented style of coping. There is an anticipative inconsistency in terms of personal-situational, temporal and general indicators. The connection of problem-oriented coping with all the components of anticipation consistency is established. It was found that the situation of insult changes a person's idea of himself: intense experiences are associated with the expression of diffuse (blurred) ego-identity in general terms, as well as parameters such as responsibility for choice, self-sufficiency and acceptance of the present. The study allowed us to confirm the hypothesis and highlight the features of role victimization, coping behavior, anticipatory consistency and the structure of the ego-identity of middle-aged people who reported experiencing an insult. It is determined that an insult negatively affects a person's personality and his self-image, distorts the perception of the present and an adequate vision of the future.

Keywords: insult, emotional abuse, middle adulthood, role victimization, coping behavior, anticipatory consistency, ego-identity.

References

1. Kryukova T. L. *Psichologiya sovladayushchego povedeniya : monografiya* [Psychology of coping behavior : monograph]. Kostroma. Avantitil Operational Printing Studio. 2004. 343 p.
2. Lomov B. F., Surkov E. N. *Anticipaciya v strukture deyatel'nosti* [Anticipation in the structure of activity]. M. Nauka (Science). 1980. 280 p.
3. Malinovskaya E. L. *Sovladayushchee povedenie kak predmet issledovaniya psichologii lichnosti* [Coping behavior as a subject of personality psychology research] // *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya* – Herald of University of the Russian Academy of Education. 2016. No. 2. Pp. 134–138.
4. Mendelevich V. D. *Anticipacionnye mekhanizmy nevrozogeneza* [Anticipatory mechanisms of neurosis]. M. Gorodets. 2018. 448 p.
5. Nemova E. N. *Vliyaniye psichotravmy na zhiznennuyu perspektivu lichnosti* [The influence of psychotrauma on the life perspective of a person] // *Nauchnoe otrazhenie* – Scientific reflection. 2021. No. 2 (24). Pp. 10–17.

6. Odincova M. A., Radchikova N. P. *Razrabotka i standartizaciya oprosnika "Tip rolevoj viktimmnosti"* [Development and standardization of the questionnaire "Type of role victimization"] // *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo* – News of PPSU n. a. V. G. Belinsky. 2012. No. 28. Pp. 1303–1310.
7. Sidorova I. V. *Oskorblenie kak raznovidnost' psicheskogo nasiliya* [Insult as a kind of mental violence] // *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah* – Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2017. No. 1 (68). Pp. 28–32.
8. Soldatova E. L. *Ego-identichnost' v normativnyh krizisah razvitiya* [Ego-identity in normative development crises] // *Voprosy psichologii* – Questions of psychology. 2006. No. 5. Pp. 74–84.
9. Tarabrina N. V. *Posttravmaticheskiy stress i kartina travmaticheskikh sobytij v raznye periody vzroslosti* [Post-traumatic stress and the picture of traumatic events in different periods of adulthood] // *Psihologicheskij zhurnal* – Psychological journal / N. E. Kharlamenkova, Yu. V. Bykhovets, L. Sh. Mustafina, O. A. Vorona, N. N. Kazymova, E. N. Dymova, N. E. Shatalova. 2016. Vol. 37. No. 6. Pp. 94–108.
10. Tarabrina N. V. *Prakticheskoe rukovodstvo po psichologii posttravmaticheskogo stressa. Ch. 1. Teoriya i metody* [Practical guide to the psychology of post-traumatic stress. Part 1. Theory and methods] / V. A. Agarkov, Yu. V. Bykhovets, E. S. Kalmykova, A. V. Makarchuk, M. A. Padun, E. G. Udachina, Z. G. Himchyan, N. E. Shatalova, A. I. Shchepina. M. Kogito-center. 2007. 208 p.
11. Tarabrina N. V. *Prakticheskoe rukovodstvo po psichologii posttravmaticheskogo stressa. Ch. 2. Blanki metodik* [Practical guide to the psychology of post-traumatic stress. Part 2. Forms of methods]. M. Kogito-center. 2007. 77 p.
12. Harlamenkova N. E. *Ego-identichnost' i ee osobennosti u lic s raznym urovnem posttravmaticheskogo stressa* [Ego-identity and its features in persons with different levels of post-traumatic stress] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psichologiya* – Herald of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2019. No. 1. Pp. 107–111.
13. Harlamenkova N. E. *Emocional'noe oskorblenie i prenebrezhenie i ego psichologicheskie posledstviya dlya lichnosti v raznye periody vzroslosti* [Emotional abuse and neglect and its psychological consequences for a person in different periods of adulthood] // *Psihologiya povsednevnogo i travmaticheskogo stressa: ugrozy, posledstviya i sovladanie* – Psychology of everyday and traumatic stress: threats, consequences and coping / ed. A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko, N. V. Tarabrina, N. E. Kharlamenkova. M. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2016. Pp. 193–214.
14. Adams Z. W. *Polyvictimization: Latent profiles and mental health outcomes in a clinical sample of adolescents* / A. Moreland, J. R. Cohen, R. C. Lee, R. F. Hanson, C. K. Danielson, S. Self-Brown, E. C. Briggs // *Psychology of Violence*. 2016. Vol. 6. No. 1. Pp. 145–155.
15. Bar-Tal D. *A sense of self-perceived collective victimhood in intractable conflicts* / L. Chernyak-Hai, N. Schori, A. Gundar // *International Review of the Red Cross*. 2009. Vol. 91. No. 874. Pp. 229–258.
16. Bauman E. M. *Coping with Intimate Partner Violence: Battered Women's Use and Perceived Helpfulness of Emotion-Focused Coping Strategies* / D. A. F. Haaga, M. A. Dutton // *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*. 2008. Vol. 1. No. 17. Pp. 23–41.
17. Doherty D., Berglund D. *Psychological abuse: A discussion paper*. 2008. Available at: <https://www.canada.ca/content/dam/phac-aspc/migration/phac-aspc/sfv-avf/sources/fv/fv-psych-abus/assets/pdf/fv-psych-abus-eng.pdf> (date accessed: 12.12.2022).
18. Dutton M. A. *Court-involved battered women's responses to violence: The role of psychological, physical, and sexual abuse* / L. A. Goodman, L. B. Cattaneo // *Violence and Victims*. 1999. Vol. 14. No. 1. Pp. 89–104.
19. Folkman S., Lazarus R. S. *Coping and emotion* // *Stress and Coping: An Anthology*. N. Y. : Columbia University Press, 1991. Pp. 207–227.
20. Hart S. N., Brassard M. R. *A major threat to children's mental health: Psychological maltreatment* // *American Psychologist*. 1987. No. 42 (2). Pp. 160–165.
21. Karakurt G., Silver K. E. *Emotional abuse in intimate relationships: The role of gender and age* // *Violence and Victims*. 2013. Vol. 28. No. 5. Pp. 804–821.
22. Lee M.-A. *Emotional abuse in childhood and suicidality: The mediating roles of re-victimization and depressive symptoms in adulthood* // *Child Abuse & Neglect*. 2015. No. 44. Pp. 130–139.
23. Liu C. *Relationship Between Childhood Emotional Abuse and Self-Esteem: A Dual Mediation Model of Attachment* / X. Chen, P. Song, A. Lu, L. Wang, X. Zhang, Z. Huang, D. Zheng // *Social Behavior and Personality: An International Journal*. 2018. No. 46 (5). Pp. 793–800.
24. Neuhart R., Carney A. *Psychological Abuse // Elder Abuse: Forensic, Legal and Medical Aspects* / ed. by Amy Carney. London : Academic Press, Elsevier Inc, 2020. Pp. 163–182.
25. Nielsen M. B. *Workplace Bullying and Suicidal Ideation: A 3-Wave Longitudinal Norwegian Study* / G. H. Nielsen, G. Notelaers, S. Einarsen // *American Journal of Public Health*. 2015. Vol. 105. No. 11. Pp. 23–28.
26. Radell M. L. *The Impact of Different Types of Abuse on Depression* / E. G. Abo Hamza, W. H. Daghustani, A. Perveen, A. A. Moustafa // *Depression Research and Treatment*. 2021. Available at: <https://www.hindawi.com/journals/drt/2021/6654503> (date accessed: 12.12.2022).
27. Sims C.-D. L. *Invisible Wounds, Invisible Abuse: The Exclusion of Emotional Abuse in Newspaper Articles* // *Journal of Emotional Abuse*. 2008. V. 8. No. 4. Pp. 375–402.

28. *Sullivan T. P.* Differential relationships of childhood abuse and neglect subtypes to PTSD symptom clusters among adolescent inpatients // *Journal of Traumatic Stress*. 2006. V. 19. No. 2. Pp. 229–239.
29. *Van den Brande W.* The Moderating Effects of Coping Mechanisms and Resources in the Context of Workplace Bullying, Emotional Abuse and Harassment / C. Bernstein, I. Reknes, E. Baillien // *Handbooks of Workplace Bullying, Emotional Abuse and Harassment*. 2018. Pp. 1–24.
30. *Zurbriggen E. L.* Childhood Emotional Abuse Predicts Late Adolescent Sexual Aggression Perpetration and Victimization / R. L. Gobin, J. J. Freyd // *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*. 2010. No. 19 (2). Pp. 204–223.

Социально-психологическое сопровождение самореализации людей старшего поколения

Лебедева Наталья Васильевна

доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-8260-3371. E-mail: lebedeva1512@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследований проблемы самореализации граждан старшего поколения обусловлена положительной динамикой увеличения продолжительности жизни населения России. Для представителей старшего поколения с окончанием трудовой деятельности и выхода на заслуженный отдых важно иметь ценности и смыслы, задачи собственного развития с целью осуществления полноценной жизнедеятельности. Возникает необходимость получения данных, демонстрирующих уровень психологического благополучия пожилых людей, а также условий, необходимых для их личностного развития. Целью данной работы выступает постановка проблемы и определение направлений исследования социально-психологического сопровождения самореализации людей старшего поколения. В статье представлены результаты теоретического анализа понятия «самореализация», определено значение самореализации в сохранении активного долголетия представителей «серебряного» возраста. Автором рассматриваются особенности современных пожилых людей, в большинстве своем которые стремятся участвовать в жизни социума, быть активными гражданами, принимать участие в социально-значимых мероприятиях. Одной из ключевых задач данного исследования выступает обоснование роли социально-психологического сопровождения граждан старшего поколения в контексте их самореализации и определение структурных компонентов модели данного сопровождения. Помимо теоретического анализа по проблеме исследования, автор приводит опыт социально-психологической работы на примере образовательного, досугового проекта «Московское долголетие». Данный проект, включающий многообразие активностей и мероприятий, способствует раскрытию потенциала, выбора занятий по интересам, что в итоге запускает процессы самореализации, саморазвития москвичей преклонного возраста. Автор акцентирует внимание на необходимости профессиональных компетенций специалистов социальных центров, участвующих в работе со старшим поколением. Представлены современные технологии социально-психологического сопровождения, среди которых нейроандрагогика, геронтогика и коучинг, способствующие самопознанию, саморефлексии, самореализации людей старшего поколения. Результаты данного исследования представляют интерес для системы высшего и среднего специального образования по направлениям подготовки психологов, специалистов по социальной работе, а также для практической деятельности учреждений системы социальной защиты населения.

Ключевые слова: самореализация, старшее поколение, личность пожилого человека, социально-психологическое сопровождение, проект «Московское долголетие».

Введение. Увеличение продолжительности жизни населения диктует необходимость пересмотра роли пожилого человека в обществе. Понятие активное долголетие прочно вошло в деятельность социальной сферы. Впервые оно было представлено в Рамочной стратегии активного долголетия Всемирной организации здравоохранения как процесс, способствующий созданию необходимых условий для обеспечения здоровья пожилых людей и возможности их участия в жизни общества, а также улучшения качества жизни старшего поколения в ходе старения [11, с. 3].

Одним из главных направлений социальной политики по проблемам старшего поколения является деятельность, направленная на максимальное продолжение активной жизнедеятельности, развитие и реализацию человека «серебряного» возраста.

В контексте проблематики активного долголетия одними из основных являются вопросы психического развития человека, где поздние периоды онтогенеза следует рассматривать как периоды активной и независимой жизнедеятельности человека. Обеспечение «активного старения» выступает целеполаганием в рамках профессиональной деятельности социальной сферы с позиции государства, и для жизни каждого конкретного человека с позиции личной ответственности к самому себе. Для активного долголетия граждан старшего поколения значимыми выступают физическая, умственная, социальная, личностная, творческая активность. Именно

они создают возможности для развития каждого пожилого человека, его эффективной самореализации, продуктивной самоорганизации, сознательной саморегуляции своего образа жизни.

Целью данной работы является постановка проблемы и определение направлений исследования социально-психологического сопровождения самореализации людей старшего поколения.

Мы предполагаем, что социально-психологическое сопровождение, организованное специалистами социальной сферы, способствует эффективной самореализации людей старшего поколения.

Задачи исследования:

- проведение теоретико-методологического анализа феномена «самореализация» людей старшего поколения;
- выявление социально-психологических особенностей пожилых людей;
- выделение теоретических предпосылок для системного анализа социально-психологического сопровождения самореализации граждан старшего поколения;
- анализ передового опыта проекта «Московское долголетие» как фактора, способствующего самореализации лиц старшего поколения;
- определение структурных компонентов эффективной модели социально-психологического сопровождения людей «серебряного» возраста.

Методы: аналитический обзор публикаций по проблеме исследования; систематизация теоретических данных и практического опыта проекта «Московское долголетие» для определения роли и эффективности социально-психологического сопровождения самореализации людей старшего поколения.

«Самореализация»: понятие, сущностная характеристика. В дискурсе проблемы старшего поколения часто звучит феномен самореализация. Проведем анализ данной дефиниции. Первоначально данное понятие появилось в словаре по психологии и философии, вышедшем в 1902 г. в Лондоне. Термин обозначал возможности собственного развития личности, где результатом развития являлась самореализация.

Ф. У. Базаева [6] рассматривает самореализацию через призму философии, психологии и педагогики. По убеждению автора, в рамках философии присутствуют эссенциалистический и экзистенциалистический подходы к рассмотрению самореализации. Первый представляет взгляд Аристотеля, определяющий самореализацию как способности каждого человека. Философ приоритетное значение отдает природе человека, которая выступает базисом личностного бытия. В рамках данного подхода самореализация подразумевает исключительно положительные качества личности, несмотря на то, что у каждого человека есть и отрицательные черты. И здесь высшие потребности личности не берутся во внимание. Однако важно обратить внимание на то, что эссенциалистический подход не предполагает возможность индивида самому определять свое место в жизни. Данная научная позиция фокусируется на социальной обусловленности самореализации личности, взаимосвязи с моральными ценностями и взаимодействием с социумом.

Экзистенциалистический взгляд возник из парадигмы философии жизни. Ключевой мыслью данного подхода является человеческое существование, а не человеческая природа. Сократ утверждал, что человеческую природу стоит изучать с других позиций, отличающихся от исследования природы физических вещей. Экзистенциализм при рассмотрении проблемы самореализации основывается на субъективизме, что находит отражение в современной философии.

Принципы экзистенциализма способствовали развитию гуманистической психологии, которая и сегодня является базисом изучения проблематики самореализации и самоактуализации. Результаты исследования данных феноменов отражены в научных трудах зарубежных психологов: А. Маслоу, К. Роджерса, К. Хорни, Р. Мэя, И. Ялома. Особого внимания заслуживают труды, в которых зарубежные исследователи рассматривают самореализацию под углом зрения понятия «смысл жизни». Так, В. Франкл считал, что настоящий смысл жизни должен быть найденным в мире, а не в человеке или в его собственной психике. Зарубежные психологи С. Рифф и Б. Сингер высказывают мнения о том, что смысл жизни можно обрести благодаря, например, целеустремленности; Рикер и П. Вронг – достижению целей; Baumeister and Wilson – через необходимость самоэффективности, наличие значимости и цели в жизни, а также самоуважения [3]. Ключевым компонентом в смысле жизни является чувство удовлетворения, которое появляется в тот момент, когда личность достигает собственных целей, получив при этом необходимый жизненный опыт.

Психология рассматривает самореализацию через призму процессов реализации личности в собственной жизнедеятельности, определения индивидуального жизненного маршрута, своих смыслов и ценностей с учетом возрастной периодизации.

В вопросах самореализации интерес представляют взгляды современных социологов. Так, американский социолог Р. Инглхард, на основании глобального исследования World Value Survey, указывает, что ценности выживания сменяются ценностями самовыражения [7]. И в развитом постиндустриальном обществе, в том числе, повышается ценность самореализации.

Отечественные психологи, не отрицая мнения зарубежных исследователей, рассматривающих понятие самореализации как способности личности в установлении контактов со своим внутренним миром, подчеркивают значимость социальной среды Л. И. Антропова [5], Н. И. Шаталова [25] и других.

Большое внимание исследованию вопросов самореализации уделяет К. А. Абульханова-Славская, которая считает, что самореализация возможна лишь в тех условиях, когда самопознание своих способностей завершено, сформирована Я-концепция. Далее у человека возникает потребность создавать совокупность собственных внешних воздействий на окружающий мир, которую К. А. Абульханова-Славская и определяет как самореализацию. Если же представленные условия не соблюдаются, то это не уже самореализация, а процесс самовыражения [2].

С нашей точки зрения, среди современных психологических исследований следует обратить внимание на подход Л. А. Коростылёвой к вопросам самореализации личности. Автор считает, что самореализация личности – это осуществление возможностей развития собственного «Я» за счет собственных усилий, со-деятельности с окружением, с социумом и миром в целом [12]. С позиции Л. А. Коростылёвой, самореализацию необходимо рассматривать как единый комплексный процесс, включающий помимо реализации сущностной природы человека его профессиональный и личностный опыт [12].

В рамках теоретико-методологического исследования проблемы самореализации мы выделяем труды Е. Л. Холодцевой и А. Г. Портновой, которые считают, что личностная активность выступает детерминантой самореализации, необходимым условием личностного роста, формирования зрелой личности и ключевым фактором успешного старения. Активность определяет качество жизни в пожилом и старческом возрасте [23].

Проблема самореализации обычно рассматривается для людей трудоспособного возраста, но наш интерес направлен на категорию старшего поколения. Может ли человек преклонного возраста говорить о самореализации? Как помочь в данном процессе людям «серебряного» возраста? Для ответов на поставленные вопросы рассмотрим социально-психологические особенности современного старшего поколения.

Социально-психологический «портрет» пожилого человека. Раскрывая психологические особенности представителей старшего поколения, необходимо отметить, что, бесспорно, данный возрастной период оказывает влияние на эмоциональную сферу пожилого человека и выражается в неконтролируемых и преувеличенных аффективных реакциях, а также зачастую склонности к беспричинной грусти и сентиментальности. В целом у людей «серебряного» возраста отмечается пониженный эмоциональный фон, обусловленный тревожностью и утомляемостью.

Психологи отмечают также, что некоторые пожилые люди имеют тенденцию погружаться в собственный внутренний мир, при этом другие стремятся привлечь к себе внимание, подчеркивая собственную индивидуальность, яркость, порой ведя эксцентричный образ жизни.

У людей старшего поколения происходит смена парадигмы в потребностно-мотивационной сфере. Трансформируется их статус и социальная роль, которые прежде всего связаны с выходом на пенсию. В итоге происходит утрата мотивации, связанной с прекращением трудовой деятельности [20]. В результате отмечается снижение социальной активности, так как отсутствие работы и взаимодействия в трудовых коллективах влечет за собой сокращение межличностных контактов. Поэтому стремление людей пенсионного возраста к продолжению трудовой деятельности обуславливается не столько потребностью в материальном достатке и стабильности (хотя и это, бесспорно, важно), сколько потребностью в эмоциональной привязанности. Помимо этого, способность к труду выступает критерием самоутверждения, самооценки, а также автономности и независимости. Утрачивая возможность осуществлять профессиональную деятельность, пожилой человек перестает ощущать собственную значимость. В силу этого при выходе на пенсию люди принимают решение о сохранении своего рабочего статуса, боясь лишиться собственной социальной полезности. Стоит

также отметить, что люди старшего поколения могут рассматривать выход на заслуженный отдых как возможность посвятить время своим увлечениям, заботе о детях и внуках, тем самым поддерживая собственную значимость и понимание своей роли в жизни.

Анализируя особенности пожилого человека, стоит отметить, что в этом возрасте происходит перестройка системы социальных отношений индивида, мотивационно-потребностной и эмоциональной сфер личности, изменяется развитие когнитивных функций. Необходимо понимать, что процесс старения отражается на индивидуально-личностных характеристиках и особенностях поведения пожилого человека.

Люди старшего поколения часто сталкиваются с кризисом перехода к старости, требующим переосмысления собственного жизненного пути. Он вызван тем, что процесс старения чаще замечается окружающими, а не самим человеком. Это приводит к разрушению иллюзии неизменности себя. Для разрешения кризиса важно формирование адекватного самосознания. Э. Эриксон выделяет такие направления преодоления кризиса, как положительное – интеграция или целостность Я, и отрицательное направление – отчаяние [26]. Целостность в пожилом возрасте достигается тогда, когда человек ощущает удовлетворенность от прожитой жизни и в целом признает ее ценность. Важным аспектом является также то, что личность смотрит на свое будущее как возможность достичь чего-то значимого. И здесь смыслы являются важным аспектом для пожилого человека.

А. И. Нерушай, исследуя проблемы психологического благополучия людей преклонного возраста, подчеркивает, что для сохранения личности в данный период человеку важно противостоять стереотипам, относительно образа жизни пожилых людей. Установки о беспомощности старшего поколения могут интериоризироваться и становиться составляющей их Я-образа, при этом оказывая негативное влияние не только на отношение человека к миру, но и на его отношение к самому себе [18].

Однако несмотря на физиологические изменения, социально-психологический «портрет» личности современного пожилого человека отличается от представителя такого же возраста начала XXI в. В настоящее время старшее поколение владеет основами компьютерной грамотности и способами информационно-коммуникационного общения посредством интернет, который открывает многие возможности. Использование гаджетов позволяет людям «серебряного» возраста свободно общаться с родственниками и знакомыми, несмотря на любые расстояния, тем самым предоставляя возможность всегда оставаться на связи.

Это люди, которые в большинстве своем стремятся участвовать в жизни социума, быть активными гражданами, принимать участие в социально-значимых мероприятиях. Кроме того, забота о собственном физическом и ментальном здоровье, поиск занятий по интересам, осознание собственной значимости способствуют их самореализации.

Особенности самореализации людей старшего поколения. Проведенный выше анализ понятия «самореализация» ставит вопрос о том, каким образом можно способствовать процессу самореализации у людей старшего поколения? Считаем, что ответом на поставленный вопрос является социально-психологическое сопровождение данной возрастной когорты с учетом ее специфики.

Сегодня вопросы старения населения приобретают особую актуальность, являются социально значимой проблемой. В результате этого возникает потребность комплексного изучения данного периода онтогенеза человека. Обращение научного сообщества к проблемам старшего поколения обуславливается объективными причинами. В настоящее время наука обладает данными, свидетельствующими о том, что поздний период онтогенеза не является процессом тотального угасания. Исследования по проблемам пожилых людей позволяют делать выводы, что несмотря на снижение активности одних функций организма, возможны процессы развития других функций. Помимо этого, ученые и практики указывают на индивидуальность старения каждого индивида, что не дает возможность выделить возрастную границу между зрелостью и старостью. Так, М. А. Зыскина акцентирует внимание на необходимости исследований по вопросам особенностей старшего поколения, проживающего в современных социально-экономических условиях, получения знаний о психологическом и социальном благополучии пожилых людей, а также выявления необходимых условий для их личностного развития [9].

Мы согласны с убеждениями М. А. Зыскиной, которая считает, что для эффективной самореализации пожилым людям важно оказать помощь по преодолению возрастного кризиса, связанного с физиологическими, социальными, экономическими изменениями в их жизни. Одной из задач является деятельность по продвижению идеи «позитивного старения», ак-

тивного образа жизни старшего поколения. Пожилой возраст зачастую ассоциируется с частыми депрессиями, повышенной тревожностью, неудовлетворенностью заботой близких. При этом геронтопсихологи рассматривают пожилой возраст как время возможностей по передаче и трансляции жизненного опыта молодому поколению. Данный период является особым этапом в жизни человека, когда он становится хранителем культурно-духовных ценностей. Приобретенные в течение жизни знания предоставляют возможность проанализировать собственное предназначение, понять смыслы жизнедеятельности. Особую роль приобретает геронтообразование не только с позиции компенсации возрастных преобразований, но и в возможности формирования иного статуса старшего поколения – компетентного, активного, самореализованного [8].

В основе самореализации пожилых людей лежит непрерывный образовательный процесс, но особенность его состоит в том, что он не имеет первоочередной задачей получение профессиональных знаний и навыков с целью трудоустройства. Главной целью обучения выступает развитие людей «серебряного» возраста с учетом их интересов и потребностей, получение знаний, необходимых для сохранения физического и ментального здоровья, социальной активности, включенности в жизнь социума, уверенности в собственной значимости. Стоит отметить, что граждане старшего возраста более ответственны, мотивированы, внимательны и осознанны. И здесь важно подчеркнуть, что в современном российском обществе одним из прав человека является право на получение образования вне зависимости от возраста [1].

Институт социологии Российской академии наук в 2017 г. проводил исследование, целью которого являлось определение уровня самореализации лиц старшего возраста. По результатам ответов респондентов возрастной когорты «старше 60 лет» на вопрос: «Оцените по 5-балльной шкале, насколько важным лично для Вас на сегодняшний день является: самореализация, проявление себя» были получены следующие данные, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Оценка уровня самореализации лиц старшего возраста

№	Значимость самореализации	% ответов общего числа респондентов
1.	Очень важна	24
2.	Важна	36
3.	Не важно	40

Таким образом, для людей старшего возраста самореализация «важна» и «очень важна», что составило 60 % респондентов [10].

Актуальные подходы к исследованию социально-психологического сопровождения граждан старшего поколения. В контексте нашего исследования считаем необходимым обратиться к модели социально-психологического сопровождения пожилых людей в пост-трудовой период, разработанную О. С. Анисимовой, Ю. С. Бондаренко, А. И. Бучковой, Н. В. Килинской. Авторы выделяют такие компоненты модели, как:

– *целевой компонент*, позволяющий аккумулировать теоретические знания в отдельных областях возрастной психологии, понимании физиологических и психологических процессов, протекающих в организме в период поздней зрелости и старости;

– *содержательный компонент*, предполагающий развитие автономии, личностного роста, наличие цели в жизни, самопринятия, а также взаимодействие с социумом и другими людьми;

– *функциональный компонент*, включающий формирование способности к решению жизненных задач, социально-психологической адаптации к новым условиям жизнедеятельности, а также расширение кругозора и самореализации человека «серебряного» возраста;

– *результативный компонент*, отвечающий за осознание повышения психологического благополучия [4, с. 62].

Данную модель, разработанную группой исследователей, можно адаптировать для социально-психологического сопровождения процессов самореализации людей старшего поколения. Так, целевой компонент необходимо дополнить знаниями психологии личности пожилого человека (но здесь важны актуальные знания особенностей современной личности старшего поколения).

Разработку содержательного компонента начинать с изучения особенностей мотивационной сферы людей «серебряного» возраста, их ценностных установок, смысложизненных ориентаций.

Центральным звеном функционального компонента являются технологии развития процессов самореализации людей старшего поколения.

Для реализации модели социально-психологического сопровождения самореализации людей старшего поколения используются такие формы, как: профилактика, психологическая диагностика, просвещение, консультирование, коррекционные мероприятия. Для наполнения этих форм содержанием применяются методы: просветительские лекции, тренинговые упражнения, беседы, дискуссии, смоделированные ситуации.

Роль проекта «Московское долголетие» в контексте проблемы самореализации лиц старшего поколения. В подтверждение вышесказанного стоит привести опыт образовательного, оздоровительного и досугового проекта Правительства Москвы «Московское долголетие», начавшийся в столице в 2018 г. как пилотный и уже с 2019 г. реализуемый как постоянный.

Одной из основных задач проекта является разрешение проблемы незадействованности людей старшего поколения за счет предоставления им возможности для эффективного и результативного проведения свободного времени.

За время реализации проекта «Московское долголетие» в нем приняли участие более 500 тыс. москвичей. Необходимо подчеркнуть, что еще на этапе его пилотной реализации участники признавались, что открыли в себе новые таланты, о которых даже не подозревали, или вернулись к тому, чем хотели заниматься когда-то в молодости. Москвичи старшего поколения также указывали, что вновь ощутили собственную значимость.

Проект предоставил возможность людям старшего поколения почувствовать причастность, силу и целостность как социальной группы. На данном жизненном этапе это приобретает особую значимость. Реализация проекта способствует формированию образа старения как активной фазы жизненного пути. Участие в мероприятиях и активностях позволяет удовлетворить потребность старшего поколения столицы в бесплатных занятиях по интересам. Именно тем москвичам, которые испытывают ощущение неопределенности, касающейся занятости на пенсии, данный проект предоставляет широкий спектр возможностей для определения своего места в жизни. Чувство причастности, физическая активность, удовлетворение духовных и творческих потребностей положительно сказываются на здоровье и социальном самочувствии старшего поколения столицы.

Результаты опросов по выявлению мотивационной составляющей к участию людей старшего поколения в данном проекте, проведенного еще в 2018 г. (таблица 2), позволили выявить два ключевых блока мотивов: «забота о собственном здоровье» (30,2 %) и «социальное взаимодействие» (69,8 %).

Таблица 2

Мотивы участников проекта «Московское долголетие»

№	Группа блоков мотив	% ответов от общего числа респондентов
	Блок «Забота о собственном здоровье»	
1	Забота о собственном физическом и ментальном здоровье	30,2
	Блок «Социальное взаимодействие»	
2	Потребность в общении	21,8
3	Желание научиться новому	18,7
4	Интересно проводить время	17,5
5	Желание поделиться своими талантами	4,6
6	Желание быть в центре событий	4,0
7	Возможность отвлечься от домашних забот	2,1
8	Другое	1,1

В рамках нашего исследования интерес представляет второй блок «социальное взаимодействие», который показывает, что еще на начальном этапе проекта «Московское долголетие» основные мотивы участия представителей старшего поколения представлены потребностью в общении, желанием научиться новому, интересно проводить время и другое [21]. В целом результаты свидетельствуют о том, что мотивы участников проекта соответствуют его заявленным целям и задачам, а также указывают на то, что он способствует самореализации граждан старшего поколения.

В настоящее время в рамках проекта действует более 30 направлений активностей в каждом районе столицы, которые способствуют развитию социальной активности старшего поколения как за счет проводимых мероприятий, так и совместной деятельности с единомышленниками:

- физическая активность – гимнастика, общая физическая подготовка, скандинавская ходьба и другое;
- образование – иностранный язык, информационные технологии, финансовая грамотность и другое;
- творчество – художественно-прикладное творчество, танцы, пение и другое.

Важно отметить, что возможность выбора активностей с учетом собственных интересов, простота записи на участие в проекте, позволяет видеть гражданам старшего поколения реальную заботу и поддержку со стороны государства, города, округа, непосредственно команды специалистов Центров социального обслуживания.

В 2023 г. социологами и аналитиками агентства ООО «Дата Лаб» к пятилетию проекта «Московское долголетие» было проведено социологическое исследование, целью которого явилось изучение мнения участников о данном проекте. Из 7300 респондентов 96 % отметили, что участие в мероприятиях данного проекта повышает качество жизни старшего поколения. В рамках нашего исследования нам важны ответы опрошенных москвичей, которые уверенно заявили о том, что и в пенсионном возрасте можно получать новые знания и развивать новые навыки. И такие ответы дали 97 % респондентов [19].

Рассматривая передовой опыт проекта «Московское долголетие», необходимо отметить и открытие центров московского долголетия, которые представляют собой «место притяжения» старшего поколения. Комфортные площадки с оборудованием созданы для проведения тематических мероприятий. Но главной особенностью нового проекта является то, что пожилые москвичи имеют возможность инициировать и проводить своими силами мероприятия с учетом интересов и по собственным сценариям. Среди участников выявляются лидеры, которые выявляют потребности в малых группах, далее взаимодействуют с представителями центров по организации и проведению того или иного мероприятия. Важно отметить, что если в городском проекте «Московское долголетие» с участниками занимаются преподаватели, то в новых центрах граждане старшего поколения сами инициируют и организуют собственную деятельность. В настоящее время создана ассоциация клубов московского долголетия, которая позволяет участникам обмениваться опытом, проводить тематические мероприятия в зависимости от интересов.

Ключевые составляющие социально-психологического сопровождения лиц старшего поколения в вопросах их самореализации. Рассматривая проблему самоорганизации людей старшего поколения, важно обратить внимание на профессиональные компетенции специалистов данных центров [15]. Сегодня нужны новые подходы к подготовке таких специалистов, которые могут профессионально организовать и реализовать социально-психологическое сопровождение самореализации людей старшего поколения. И здесь основными компетенциями специалистов являются социальный интеллект, человеко-ориентированность, эмпатия, коммуникативная компетентность, работа в команде, а также мобильность, системное и критическое мышление, многофункциональность, синергичность [17].

Реализация профессионального социально-психологического сопровождения самореализации людей старшего поколения основывается на комплексе знаний о пожилом человеке. Помимо знаний о физическом и ментальном здоровье необходимо понимание нейропсихологии и возможностей использования данных представлений в вопросах самореализации. Так, результаты нейропсихологических исследований, проводимых Н. К. Корсаковой, И. Ф. Рошиной, Е. Ю. Балашовой в отношении особенностей нормального старения, показывают данные, позволяющие утверждать, что в «серебряном» возрасте происходят адаптивные перестройки в познавательной деятельности. Формируются особые когнитивные стратегии, появляются новые возможности в самореализации, что позволяет рассматривать данный период онтогенеза с точки зрения положительных новообразований в структуре психики, а не с позиции дефицитарности [13]. Считаем, что данные нейропсихологические исследования пожилого возраста являются важными, так как позволяют заявлять о необходимости социально-психологического сопровождения самореализации людей старшего поколения.

В настоящее время специалисты социальной сферы, взаимодействующие с представителями старшего поколения, осуществляют поиск технологий, форм, стандартов общения с людьми «серебряного» возраста, позволяющих запустить внутреннюю активность, обретение смыслов, выявления собственных интересов людей старшего поколения.

Актуальным считаем включение в социально-психологическое сопровождение пожилых людей нейротехнологий, которые относительно недавно стали использоваться как при обучении детей, так и взрослых. Герхард Прайс еще в 1988 г. ввел термин «нейродидактика», представляющий междисциплинарную область, возникшую на стыке нейронаук, педагогики

и психологии. Основными вопросами представленной области являются создание условий, необходимых для осуществления эффективного обучения, основанного на результатах исследований функционирования структур головного мозга и нервной системы [14].

Т. В. Черниговская в своих научных трудах и выступлениях с позиции популяризации науки акцентирует внимание на значимости вклада нейронаук в изучение вопросов профилактики деменции, болезни Альцгеймера, что для нас представляет особый интерес в вопросах социально-психологического сопровождения самореализации старшего поколения [24].

По мнению М. А. Сорочинского и Ф. И. Корякина, нейропедагогика является перспективной наукой, в основе которой лежат рассмотрение оценки текущего физического и эмоционального состояния обучающегося с учетом данных о ритмах мозга; реализация принципа биологической обратной связи, что включает визуализацию собственных мозговых ритмов, тренировку и управление своим когнитивным состоянием; воздействие на важные для обучения зоны мозга, включая эмоциональное состояние (нейропластичность). Исследования в области нейропедагогики выступают попыткой поиска ответа на вопросы по повышению эффективности образования и ожидаемых образовательных результатов [22].

В исследовании проблемы социально-психологического сопровождения процессов самореализации старшего поколения считаем необходимым обратиться к нейроандрагогике как научной области обучения взрослых. И если проблемам андрагогике посвящены многие научные труды, раскрывающие особенности, принципы обучения взрослых [16], то нейроандрагогика только начинает волновать научные интересы профессионального сообщества. Здесь мы находимся только в начале пути.

Среди современных исследователей, занимающихся проблемами старшего поколения, мы выделяем научные труды М. В. Ермолаевой, которая подчеркивает значимость геронтогоники как раздела андрагогоники. Если объектом андрагогоники является взрослый обучающийся, то объектом геронтогоники выступает пожилой человек в роли обучающегося. По мнению М. В. Ермолаевой, геронтогоника «способна выполнять функцию социального регулятора, отвечающего за жизненную позицию личности пожилого человека в социуме, формировать новые роли пожилых людей, нормы, стили жизни, удовлетворять новые потребности, в чем и проявится ее инновационная функция» [8, с. 67].

По нашему убеждению, знания нейроандрагогоники и геронтогоники будут способствовать эффективности социально-психологического сопровождения самореализации людей «серебряного» возраста.

Считаем также необходимым в модель социально-психологического сопровождения включить и такую технологию, как коучинг. Понятие «коуч» в переводе с английского определяется как «репетиторство, подготовка». В общем понимании смысловая сущность коучинга состоит в помощи человеку в вопросах осознания, оценки собственных ресурсов и самостоятельности решения в возникающих проблемах без посторонней помощи. Коучинг как социальная технология позволяет формировать социальные реакции индивидов посредством специализации активности. В коучинге методы направлены на то, чтобы сосредоточить внимание человека на целенаправленном действии и побудить его совершить действие, получив от этого удовольствие. Это в свою очередь работа с самосознанием, самопознанием, саморефлексией, что способствует в итоге самореализации людей старшего поколения.

Заключение. В результате обзорно-аналитического исследования мы пришли к выводу, что одним из факторов, способствующих активному долголетию, выступает самореализация людей старшего поколения. Это отражено как в научных трудах отечественных ученых (М. В. Ермолаева, М. А. Зыкина, И. О. Прокопец, Е. Л. Холодцева, А. Г. Портнова), так и представлено в результатах опросов, проведенных с целью изучения эффективности проекта «Московское долголетие».

В свою очередь, для успешной самореализации пожилых людей необходимо создание психологически комфортных условий, позволяющих раскрыть им свой потенциал. На примере проекта «Московское долголетие» с многообразием активностей, возможностей выбора интересного по душе занятия, а также инициирования собственных идей, самоорганизации единомышленников представлен опыт работы социальной сферы столичного мегаполиса, способствующий развитию самореализации представителей серебряного возраста.

Таким образом для осуществления процессов успешной самореализации людей старшего поколения необходимо социально-психологическое сопровождение, модель которого включает целевой, содержательный, функциональный и результативный компоненты.

Однако данный процесс будет эффективным при организации социально-психологического сопровождения, основанного на знаниях психологии человека «серебряного» возрас-

та, нейроандрагогики, геронтогогики, навыках профессионального взаимодействия специалистов социальных центров с людьми старшего поколения, а также внедрении современных технологий, таких как коучинг в социальной работе.

Результаты проведенного исследования представляют интерес для системы высшего и среднего специального образования по направлениям подготовки психологов, специалистов по социальной работе, социальных работников, а также важны для всех специалистов социальной сферы, работающих в учреждениях социальной защиты населения. Сегодня вопросам социальной политики в отношении старшего поколения уделяется большое внимание, идет поиск новых технологий социально-психологической работы. Данное проведенное исследование является начальным этапом, который показывает необходимость дальнейших исследований по проблемам старшего поколения, изучения возможностей данной возрастной когорты, определение условий для успешной самореализации людей серебряного возраста в современных реалиях социально-экономического и политического развития российского общества.

Список литературы

1. Абдукаримова Г. Б. Самореализация пожилых людей как способ преодоления социального отчуждения // *Academy*. 2022. № 1 (72). С. 59–61.
2. Абульханова-Славская К. А. Время личности и ее жизненного пути // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2017. Т. 1. № 1. С. 165–200.
3. Айбазова С. Р. Роль ценностно-смысловой направленности в динамике самореализации личности : дисс. ... канд. психол. наук. М., 2015. 239 с.
4. Анисимова О. С. Модель социально-психологического сопровождения пожилых людей в пост-трудовой период и социологический анализ основных критериев ее результативности и эффективности / Ю. С. Бондаренко, А. И. Бучкова, Н. В. Килинская // *Социодинамика*. 2022. № 11. С. 56–71.
5. Антропова Л. И. Социальные проблемы самореализации личности : дисс. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1980.
6. Базаева Ф. У. Самореализация как философская, психологическая и педагогическая категория // *Образование и наука*. 2009. № 9 (66). С. 47–54.
7. Герасимова К. Г. Самореализация в современном обществе: методологические и методические обоснования социологического измерения : дисс. ... канд. соц. наук. Саратов, 2018. 18 с.
8. Ермолаева М. В. Психологические основания современной геронтологике / М. В. Ермолаева, Д. В. Лубовский // *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. 2017. № 1 (45). С. 61–68.
9. Зыскина М. А. Геронтообразование как фактор самореализации лиц пожилого возраста // *Педагогическое образование в России*. 2013. № 2. С. 36–40.
10. Козлова Т. З. Самореализация людей старшего возраста // *Социологические исследования*. 2017. № 1. С. 54–61.
11. Концепция политики активного долголетия : научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 40 с.
12. Коростылева Л. А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб. : Речь, 2005. 222 с.
13. Корсакова Н. К. Геронтопсихология. Нейропсихологический синдром нормального старения : уч. пособие для вузов / Н. К. Корсакова, И. Ф. Рощина, Е. Ю. Балашова. М. : Юрайт, 2023. 81 с.
14. Куликова О. В. Нейродидактический подход как фактор повышения качества обучения иноязычному профессиональному общению // *Вестник МГЛУ*. 2014. № 14 (700). С. 107–114.
15. Лебедева Н. В. Диверсификация дополнительного профессионального образования кадрового состава специалистов социальной сферы : монография. М. : ИДПО ДТСЗН г. Москвы, 2018. 251 с.
16. Лебедева Н. В. Психология обучения взрослых: особенности и содержание // *Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки*. 2014. № 3. С. 65–72.
17. Лебедева Н. В., Копылова Н. Е. Подготовка бакалавров-психологов к работе в социальной сфере // *Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки*. 2022. № 2 (60). С. 22–28.
18. Нерушай А. И. Психологическое благополучие людей пожилого возраста // *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*. 2021. № 1. С. 128–141.
19. Новости mos.ru. Пользу проекта Московское долголетие для людей старшего возраста подтвердили исследователи. URL: <https://www.mos.ru/news/item/122099073/>.
20. Прокопец И. О. Особенности эмоционального состояния и психологическое благополучие мужчин и женщин пенсионного возраста с разным рабочим статусом : дисс. ... канд. психол. наук. ЮФУ, 2017. 23 с.
21. Романьчев И. С., Бакунина Ж. С. Мотивация пожилых москвичей к участию в проекте «Московское долголетие» в контексте сохранения социальной автономности // *Научно-практический журнал «Заметки ученого»*. 2022. № 9. С. 127–131.

22. Сорочинский М. А., Корякин Ф. И. Нейропедагогика как направление трансформации педагогической науки на основе методов нейротехнологий // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2022. № 2 (62). С. 33–39.

23. Холодцева Е. Л., Портнова А. Г. Детерминанты личной зрелости в позднем возрасте // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 140–145.

24. Черниговская Т. В. Проф. Т. В. Черниговская: «Наша нейронная сеть – сложнейший механизм» // Доктор Ру. 2017. № 1 (130). С. 9–10.

25. Шаталова Н. И. Самореализации личности как социальный феномен : дисс. ... канд. философ. наук. Свердловск, 1979. 23 с.

26. Эриксон Э. Г. Детство и общество : пер. с англ. СПб. : Ленато : АСТ : Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.

Socio-psychological support of self-realization of older people

Lebedeva Natalia Vasilievna

Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor, professor of the Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-8260-3371. E-mail: lebedeva1512@yandex.ru

Abstract. The relevance of research on the problem of self-realization of older citizens is due to the positive dynamics of increasing the life expectancy of the Russian population. For representatives of the older generation, with the end of their work and retirement, it is important to have values and meanings, tasks of their own development in order to carry out a full-fledged life activity. There is a need to obtain data demonstrating the level of psychological well-being of older people, as well as the conditions necessary for their personal development. The purpose of this work is to formulate the problem and determine the directions of research on the socio-psychological support of self-realization of older people. The article presents the results of a theoretical analysis of the concept of "self-realization", defines the importance of self-realization in maintaining active longevity of representatives of the "silver" age. The author examines the peculiarities of modern elderly people, most of whom seek to participate in the life of society, to be active citizens, to take part in socially significant events. One of the key objectives of this study is to substantiate the role of socio-psychological support of older citizens in the context of their self-realization and to determine the structural components of the model of this support. In addition to the theoretical analysis of the research problem, the author cites the experience of socio-psychological work on the example of the educational, leisure project "Moscow Longevity". This project, which includes a variety of activities and activities, contributes to the disclosure of potential, the choice of classes according to interests, which eventually triggers the processes of self-realization, self-development of elderly Muscovites. The author focuses on the need for professional competencies of specialists of social centers involved in working with the older generation. Modern technologies of socio-psychological support are presented, including neuroandragogy, gerontogogy and coaching, contributing to self-knowledge, self-reflection, self-realization of older people. The results of this study are of interest to the system of higher and secondary special education in the areas of training psychologists, specialists in social work, as well as for the practical activities of institutions of the social protection system of the population.

Keywords: self-realization, the older generation, the personality of an elderly person, socio-psychological support, the project "Moscow longevity".

References

1. Abdukarimova G. B. *Samorealizaciya pozhilyh lyudej kak sposob preodoleniya social'nogo otchuzhdeniya* [Self-realization of elderly people as a way to overcome social exclusion] // Academy. 2022. No. 1 (72). Pp. 59–61.

2. Abul'hanova-Slavskaya K. A. *Vremya lichnosti i ee zhiznennogo puti* [The time of personality and its life path] // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. *Chelovek i mir* – Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Man and the world. 2017. Vol. 1. No. 1. Pp. 165–200.

3. Ajbazova S. R. *Rol' cennostno-smyslovoj napravlenosti v dinamike samorealizacii lichnosti : diss. ... kand. psihol. nauk* [The role of value-semantic orientation in the dynamics of personal self-realization : diss. ... PhD in Psychol. Sciences] M. 2015. 239 p.

4. Anisimova O. S. *Model' social'no-psihologicheskogo soprovozhdeniya pozhilyh lyudej v posttrudovoj period i sociologicheskij analiz osnovnyh kriteriev ee rezul'tativnosti i effektivnosti* [Model of socio-psychological support of elderly people in the post-labor period and sociological analysis of the main criteria of its effectiveness and efficiency] / Yu. S. Bondarenko, A. I. Buchkova, N. V. Kilinskaya // *Sociodinamika* – Sociodynamics. 2022. No. 11. Pp. 56–71.

5. Antropova L. I. *Social'nye problemy samorealizacii lichnosti : diss. ... kand. filol. nauk* [Social problems of self-realization of personality : diss. ... PhD in Philos. Sciences]. Rostov-na-Donu. 1980.

6. Bazaeva F. U. *Samorealizaciya kak filosofskaya, psihologicheskaya i pedagogicheskaya kategoriya* [Self-realization as a philosophical, psychological and pedagogical category] // *Obrazovanie i nauka – Education and Science*. 2009. No. 9 (66). Pp. 47–54.

7. Gerasimova K. G. *Samorealizaciya v sovremennom obshchestve: metodologicheskie i metodicheskie osnovaniya sociologicheskogo izmereniya : diss. ... kand. soc. nauk* [Self-realization in modern society: methodological and methodological foundations of the sociological dimension : diss. ... PhD in Social Sciences]. Saratov. 2018. 18 p.

8. Ermolaeva M. V. *Psihologicheskie osnovaniya sovremennoj gerontologii* [Psychological foundations of modern gerontology] / M. V. Ermolaeva, D. V. Lubovsky // *Novoe v psihologo-pedagogicheskikh issledovaniyah – New in psychological and pedagogical research*. 2017. No. 1 (45). Pp. 61–68.

9. Zyskina M. A. *Gerontoobrazovanie kak faktor samorealizacii lic pozhilogo vozrasta* [Geronto-education as a factor of self-realization of the elderly] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical education in Russia*. 2013. No. 2. Pp. 36–40.

10. Kozlova T. Z. *Samorealizaciya lyudej starshego vozrasta* [Self-realization of older people] // *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological research*. 2017. No. 1. Pp. 54–61.

11. *Koncepciya politiki aktivnogo dolgoletiya : nauchno-metodologicheskij dokl. k XXI Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 2020 g.* – The concept of active longevity policy : scientific and methodological docl. to the XXI Apr. international Scientific Conference on problems of economic and social development, Moscow, 2020 / ed. by L. N. Ovcharova, M. A. Morozova, O. V. Sinyavskaya; National. research. Uni-t "Higher School of Economics". M. Publishing House of the Higher School of Economics. 2020. 40 p.

12. Korostyleva L. A. *Psihologiya samorealizacii lichnosti: zatrudneniya v professional'noj sfere* [Psychology of personal self-realization: difficulties in the professional sphere]. SPb. Rech' (Speech). 2005. 222 p.

13. Korsakova N. K. *Gerontopsihologiya. Nejropsihologicheskij sindrom normal'nogo stareniya : uch. posobie dlya vuzov* [Gerontopsychology. Neuropsychological syndrome of normal aging : textbook for universities] / N. K. Korsakova, I. F. Roshchina, E. Y. Balashova. M. : Yurayt. 2023. 81 p.

14. Kulikova O. V. *Nejrodidakticheskij podhod kak faktor povysheniya kachestva obucheniya inoyazychnomu professional'nomu obshcheniyu* [Neurodidactic approach as a factor of improving the quality of teaching foreign-language professional communication] // *Vestnik MGLU – Herald of MSLU*. 2014. No. 14 (700). Pp. 107–114.

15. Lebedeva N. V. *Diversifikaciya dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya kadrovogo sostava specialistov social'noj sfery : monografiya* [Diversification of additional professional education of the personnel of specialists in the social sphere : monograph]. M. IDPO DTSZN M. 2018. 251 p.

16. Lebedeva N. V. *Psihologiya obucheniya vzroslyh: osobennosti i sodержanie* [Psychology of adult education: features and content] // *Vestnik MGOU. Seriya: Psihologicheskie nauki – Herald of Moscow State University. Series: Psychological Sciences*. 2014. No. 3. Pp. 65–72.

17. Lebedeva N. V., Kopylova N. E. *Podgotovka bakalavrov-psihologov k rabote v social'noj sfere* [Preparation of bachelor psychologists for work in the social sphere] // *Izvestiya Baltijskoj gosudarstvennoj akademii rybopromyslovogo flota: psihologo-pedagogicheskie nauki – Proceedings of the Baltic State Academy of Fishing Fleet: psychological and pedagogical sciences*. 2022. No. 2 (60). Pp. 22–28.

18. Nerushaj A. I. *Psihologicheskoe blagopoluchie lyudej pozhilogo vozrasta* [Psychological well-being of elderly people] // *Vestnik RGGU. Seriya: Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie – Herald of the Russian State University. Series: Psychology. Pedagogy. Education*. 2021. No. 1. Pp. 128–141.

19. *Novosti mos.ru. Pol'zu proekta Moskovskoe dolgoletie dlya lyudej starshego vozrasta podtverdili issledovateli* – News mos.ru. The benefit of the Moscow Longevity project for older people has been confirmed by researchers. Available at: <https://www.mos.ru/news/item/122099073/>.

20. Prokopec I. O. *Osobennosti emocional'nogo sostoyaniya i psihologicheskoe blagopoluchie muzhchin i zhenshchin pensionnogo vozrasta s raznym rabochim statusom : diss. ... kand. psihol. nauk* [Features of the emotional state and psychological well-being of men and women of retirement age with different working status : diss. ... PhD in Psychological Sciences]. SFU. 2017. 23 p.

21. Romanychev I. S., Bakunina Zh. S. *Motivaciya pozhilyh moskvichej k uchastiyu v proekte "Moskovskoe dolgoletie" v kontekste sohraneniya social'noj avtonomnosti* [Motivation of elderly Muscovites to participate in the project "Moscow longevity" in the context of preserving social autonomy] // *Nauchno-prakticheskij zhurnal "Zametki uchenogo"* – Scientific and practical journal "Notes of a scientist". 2022. No. 9. Pp. 127–131.

22. Sorochinskij M. A., Koryakin F. I. *Nejropedagogika kak napravlenie transformacii pedagogicheskoy nauki na osnove metodov nejrotekhnologij* [Neuropedagogics as a direction of transformation of pedagogical science based on methods of neurotechnologies] // *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Filosofiya – Herald of North-Eastern Federal University n. a. M. K. Ammosov. Series: Pedagogy. Psychology. Philosophy*. 2022. No. 2 (62). Pp. 33–39.

23. Holodceva E. L., Portnova A. G. *Determinanty lichnoj zrelosti v pozdnem vozraste* [Determinants of personal maturity at a late age] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Kemerovo State University*. 2016. No. 2. Pp. 140–145.

24. Chernigovskaya T. V. *Prof. T. V. Chernigovskaya: "Nasha nejronnaya set' – slozhnejshij mekhanizm"* [Prof. T. V. Chernihiv: "Our neural network is a complex mechanism"] // *Doktor Ru – Doctor Ru*. 2017. No. 1 (130). Pp. 9–10.

25. Shatalova N. I. *Samorealizacii lichnosti kak social'nyj fenomen : diss. ... kand. filosof. nauk.* [Self-realization of personality as a social phenomenon : diss. ... PhD in Philosophy]. Sverdlovsk. 1979. 23 p.

26. Erikson E. G. *Detstvo i obshchestvo : per. s angl.* [Childhood and society : transl. from English]. SPb. Lenato : AST : Foundation "University Book". 1996. 592 p.

Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 2 (148) (2023)

16+

Редактор А. В. Мариева
Технический редактор Л. А. Кислицына
Дизайн обложки А. К. Долгова
Редактор выпускающий А. Ю. Егоров
Ответственный за выпуск И. В. Смольняк

Подписано в печать 15.09.2023 г.
Дата выхода в свет 23.10.2023 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 17,56. Тираж 200 экз. Заказ № 309.

Подписной индекс журнала «Вестник Вятского государственного университета»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН085

Вятский государственный университет
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
www.vestnik43.ru, www.vyatsu.ru
Тел. (8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36